

ПЕТР ААРКЕВИЧ

ЧУДЕС НЕ БЫВАЕТ, НО...

Обложка: Алеся Резникова ©

© Маркевич Петр (Бета-ридер Елена Илорина)

« Чудес не бывает, НО » 18+

Первая часть из *Повести о счастье, Вере и последней надежде*.

Москва, 2014-2018 гг

Моему сыну, Ярославу Посвящается ...

Сайт, посвященный светлой памяти Ярослава, расположен в интернете по адресу:

www.yarikm.ru

Электронная почта для связи: info@yarikm.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ. О нас

Единственный наш ребёнок. Ему было почти 25. Холост. Нам - по 58. Ну вот и всё: жизнь сыграна, игра прожита. Первое желание – говорим как на исповеди! - наложить на себя руки! Жизнь потеряла абсолютно всякий смысл. Потом осознание: самоубийство - великий грех! Да и что изменим? Ничего изменить уже нельзя. Что делать? Одно скорбное понимание - пока мы живы, мы сделаем всё, что в наших силах во имя его памяти. А что мы можем? Написать книгу. Книгу о нём! А это значит и о нас. А это значит - о времени, в которое довелось жить ... Вот так возникла Повесть о счастье, Вере и последней надежде. Прямо говоря, попытка рассказа о смысле человеческой жизни на земле, пусть и очень короткой... Ради чего живём?

Он хотел жить ...

Два предуведомления.

Уважаемый читатель!

Во-первых, когда я начал писать, я понял, что как ни странно но именно литературное, а не строго документальное произведение способно передать всю черную глубину, всю скорбную трагичность произошедшего с нами... Но текст, к сожалению, не окончательный, в определённой мере черновик, а публикуем мы его просто по тому, что в силу нашего возраста, этот текст в любой момент - окончательным...

, конечно, Лирико-мистическая проза - жанр УНИКАЛЬНЫЙ, потому что требует редкого - а где-то может быть и редчайшего совпадения: наличия из обыденной жизни выпадающего личного мистического опыта и хотя бы зачаточных писательских способностей; но даже это - не каждому читателю это будет интересно. Я это понимаю, но изменить ничего не в силах.

И да! - не следует забывать, что перед вами художественный текст, плод вымысла, поэтому все совпадения текста с какими-либо географическими странами, реальными историческими коллизиями и фактами, конкретными лицами и персонажами, а также вполне определенными городскими и сельскими пейзажами являются абсолютно случайными и не состоят в воле и коварном умысле автора, тем более они не могут преследоваться в судебном порядке.

Перепечатка, публикация на других сайтах данного текста, а равно и отдельных его частей, приветствуется и разрешена. Более того, она абсолютно безвозмездна при выполнении условия сохранения имени автора, посвящения трагически погибшему ребёнку и сохранения целостности текста. Разрешены также сокращения текста. Запрещены дополнения либо искажения текста, ведущие к смысловым изменениям или потерям смысла вообще. Единственное замечание, скорее просьба: поскольку текст некоторое время будет находиться в обработке, точнее в разработке, то проще и надёжнее всё же ставить ссылку на эту страничку в сайте, где он рождён впервые, поскольку в ином случае велик риск знакомить читателя с уже устаревшим текстом.

Моему сыну, Ярославу Посвящается ...

Все права НЕ защищены. Любая часть электронного экземпляра этой книги **МОЖЕТ БЫТЬ ВОСПРОИЗВЕДЕНА** в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования **БЕЗ** письменного разрешения владельца авторских прав.

Сайт, посвящённый светлой памяти Ярослава, расположен в интернете по адресу:

www.yarikm.ru

Электронная почта: info@yarikm.ru

Сайт
**БИБЛИОТЕКА
МУЖЕСТВО ЖИТЬ**
расположен по адресу:
<http://www.pro4tenje.ru>
электронная почта:
info@pro4tenje.ru
здесь тоже есть
раздел,
посвящённый
Повести

Первая часть
Повести о счастье, вере и последней надежде

Москва
2014-2016

18+

Повесть о счастье, Вере и последней надежде (18+)

Часть Первая. Чудес не бывает, НО

ОГЛАВЛЕНИЕ (Начало)

Действующие лица и исполнители

Два предуведомления

Пролог. Так дальше жить нельзя!

- Братан, а братан! - сказал ему Старший Брат.— Так, как ты живёшь — дальше жить нельзя! Ты это понимаешь?! На тебя вся страна смотрит! Тебе уже сколько лет?
- Да столько же, сколько и тебе, но ты понимаешь — мне с этим делом здорово не везёт...

Комментарии к Прологу

Глава первая. Любит-не Любит,

- То есть вы хотите сказать, что это был переломный момент всей вашей жизни?
- Я уже ничего не хочу! Просто я в этой жизни ничего не понимаю. Как будто и не жил... - со вздохом
- У вас там и в тот момент не было выбора?

Глава вторая. ... к сердцу прижмёт, к чёрту пошлёт

- Давайте сходим на кладбище, - вывел его из дрёмы звонкий голос Фотиньи.
Ну как же его внутренне передёрнуло!
Кладбище?. Только его ещё здесь не хватало?? Он не понял, откуда здесь еще какое-то кладбище, и почему они с пруда должны . .

Комментарии к Первой главе.

Ты не умеешь жить, чувырло в перьях! Глава третья.

- Братан! Я такого от тебя не ожидал. Я, конечно, знал, что ты чудак на букву ЭМ, но не до такой же степени! - Старший брат горестно всплеснул руками

Глава истерическая. Ботаник в Ботаническом Аду: пердыстория

За прилавком среди стеклянных витрин в человеческий рост, усеянных прямоугольными коробочками с таблетками и испещрённых круглыми пузырьками и шарообразными бутылочками, стояла плотная брюнетка. На её лице с круглыми черными глазами особо выделялся слегка крупноватый серповидный нос... Нашему герою одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять—это она.

Он взглянул ещё раз уже прямо и нелицеприятно и – слегка охнул: "Ятаган!" - слово пришло мгновенно, как выстрел...

Ботаник в Ботаническом Заду: Никуда не денешься. Глава пятая.

- DŸR SHCHAK BVAELIUN AGKHMEDZHYZ!
- Что? Что ты сказал, Господи? Я не понял!.. Повтори, пожалуйста!

Часть Первая. Чудес не бывает, НО ОГЛАВЛЕНИЕ (Окончание)

Глава шестая. Так что же это было?..

Проходя мимо мусорки, он вдруг увидел свой букет огненно-красных роз, которые лежали на самом верху, на каких-то тряпках выпачканных в известковом растворе, рядом пустые пакеты из-под молока, сдобренные рыжей шелухой от лука, и ночным горшком...

Нет. Никого нет, только он и она - вместе, но поодиночке. . . Седьмая Глава.

Глава восьмая. Тасс уполномочено заявить: высокие договаривающиеся стороны поехали по магазинам ...

Судьба нам послала странную спутницу... Глава 9.

Глава Десятая. Ах - зачем эта жизнь так была коротка! ...

СТРАШНО и СМЕШНО наш устроен мир. Одиннадцатая

Глава Двенадцатая. ...родиться — ЧТОБЬ — УмЕрЕть

Ал", гараж! Ты спрашиваешь, почему я до сих пор не женился? Четырнадцатая.

"... и жизнь, и смерть, и скорбь пророка! †13

15. Сверхскоростные процессы при скольжении по наклонной плоскости.

Змеиный Гад, ты будешь казн"н на рассвете. Глава шестнадцатая.

Глава семнадцатая. Первым делом - САМОЛ"ТЬ ...

Розу ч"рную с белой жабою или Как Не Стать Гением... Глава 18-я

19-я. Была без радости любовь, разлука будет без печали...

ПРОГНОЗ ПОГОДЬ В ДОМЕ. Послесловие к Первой части Повести о счастье, Вере и последней надежде

Х* Х* Х*

ГЛАВЬ , не вошедшие в основной текст:

"... и жизнь, и смерть, и скорбь пророка! †13 (Вариант)

Вау, открой личико Гюльчитай!...

Действующие лица и исполнители:

Москва – столица нашей Родины.

Вера – москвичка.

Фотинья – москвичка, деловая молодая женщина из породы энергичных людей, жена Старшего Брата

Старший Брат – работник то ли Академии Железобетонных Войск, то ли Военно-Космической Кавалерии, - в общем, в одном из многих номенклатурных “почтовых ящиков” имени Семёна Будённого.

Бабушка Фотиньи – православная христианка, верующая

Главный герой – молодой человек в круглых очках, с усами под большим рубильником, одет не по погоде: в шведку неприличного цвета, в коротких вельветовых штанах, чёрных носках и нечищенных сандалиях закрытого типа, живёт сравнительно далеко от столицы нашей Родины, но регулярно и безрезультатно навещается в гости к Старшему Брату

Улица **Шереметьевская**, она же **Графская**, она же - **Императорская**; название зависит от настроения главного героя, а не от его географического кретинизма.

ВДНХа!!! - ну кто не знает наших достижений?

Ворона в Ботаническом Саде – глупая птица с мощными голосовыми связками, годы жизни: 1986 – 1991, символ воинствующего мещанства, бескровно победившего непобедимый советский народ во времена перестройки

Чёрная Женщина – то ли девушка, то ли Каравелла, то ли виденье; по методу майора Удаава (псевдоним Шерлок Холмса) вычисляется вроде как матушка Леонида Ильича...

Грёза Самуиловна Сидорова - представительница Наивысшего Разума, инопланетянка с филоетовой планеты Тау Ёпсилона, Агентесса вашингтонского обкома партии, по совместительству подрабатывает приворотами направо и налево по рецептуре заморского колдовского зелья

Попугай на квартире у Старшего Брата - ретранслятор Голоса Свободы, катализатор социально-экономических бродильных процессов в обществе развитого социализма, осуществляющем Программу КПСС

Время действия:

Пока длящееся -- С начала Перестройки до наших дней

**Пролог.
ТАК ДАЛЬШЕ ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ!**

СССР. Середина 80-ых годов прошлого столетия.

- Братан, а братан! - сказал ему Старший Брат.— Так, как ты живёшь — дальше жить нельзя! Ты это понимаешь?! На тебя уже вся страна смотрит! Тебе уже сколько лет?

- Да столько же, сколько и тебе, но ты понимаешь — мне с этим делом здорово не везёт...

.. ...На дворе было очень редкое, поистине феноменальное природное явление: гасла вечерняя заря Советской власти и одновременно безо всякой такой тёмной и кровавой ночи длинных ножей и факельных шествий загоралась утренняя заря Перестройки - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - Оглядываясь назад и освежая памятью события тех уже баснословных лет, сухой грозой пророкотавших в историческом небе, он не мог отделаться от тоскливого впечатления, что Великая громадная 250-миллионная страна одновременно хлебнула чересчур изрядное количество самогонки и гудела от заёмного искусственного веселья, не задумываясь о грядущем похмелье.

Это же надо! Целая Империя Добра и Света не догадывалась о своей грядущей - ... - судьбе, так что уж тут говорить об отдельно взятом её гражданине?!

НО ВСЁ РАВНО — НЕ ВСЁ РАВНО....

В один из неприметных дней этого мутного и смутного времени, молодой человек попросил пожилого водителя "Москвича" остановиться у Главного рынка, прозванного в столичном обиходе почему-то "базаром чернозадых". Летнее утро ещё дышало изумительной свежестью и сказочной прохладой. На душе нашего героя было весело и радостно. Молодой человек в очках, коричневатых вельветовых штанах и слегка ободранных сандалиях был молод, полон сил и здоровья.

Он вышел из машины и пошёл к ступенькам. Уже почти поднявшись, на последней из них вдруг услышал:

- На хуй!

Вздрогнул. Оглянулся на ходу: СТРАННО, НО НИКОГО вокруг него вообще НЕТ! Нет, это точно не его внутренний голос. Это явно снаружи.

Но кто же это тогда?

- Пошли все на хуй! - снова истерически и визгливо.

"А это, наверное, Сталин и Ленин за углом ругаются матом, - подумалось ему единственно нормальное объяснение паранормального явления. - Голова у грузчиков на похмелье бо-бо, а денег как всегда на водку не хватает ..."

Лёгкое эхо одиноких шагов пронеслось под высокой крышей только что открывшегося павильона Главрынка - продавцов в нём утром было гораздо больше, чем покупателей. В правом верхнем углу у цветочного развала в гордом одиночестве дремал один из пока ещё рядовых представителей будущих "новых русских" в надвинутом на самые брови аэродроме. Он компенсировал утренней дремотой зашедший за полночь кутёж с проституткой, пардон - с (говоря тогдашним слэнгом!) путаной в одном из ресторанов гостиницы "Космос".

- В какую цену розы?

- Ка-а-акие?.. - с трудом приоткрыв один левый глаз, нехотя осведомился будущий Березовский (или Ходоркович, или Гусинский - какая разница?! Все они были одним хреном мазаны ...) выходя из сна почему-то с рязанским протяжным акцентом на "а". - А-А ... Эти!.. Рупь штука-а, да-арагой ...

Впрочем, пыльные и ободренные по бокам сандалии раннего покупателя, - а именно их джигит первым делом смерил высокомерным взглядом, - особых надежд на платёжеспособность не дарили. Поэтому правый глаз продолжал спокойно дремать.

- Есть и та-акие — не та-акие да-а-арагие, да-а-арагой! - хозяин вяло махнул рукой на ведро, в котором теснились какие-то замухрышки с помятыми и обломанными крылышками...

Молодой человек между тем внимательно осмотрел цветочную экспозицию, уставил свои позорные очки на кроваво-красный букет и ткнул указательным пальцем: "Вот этот?" - "Сколько"? - не понял продавец. "Весь". Горный орёл встрепенулся, не веря своей удаче, и снова весьма удивленно осмотрел уже двумя — двумя заблестевшими глазами покупателя: прикид заутреннего гостя ну явно не соответствовал уже устоявшемуся представлению о первом советском миллионере: давно вышедшие из моды жёлто-коричневые вельветовые штаны на покупателе были коротковаты как санюлоты... Не кавкасец, не жит, странно... Откуда у таких людей только деньги берутся?

X* X* X*

Из дневниковых записей той поры: «Народ потихоньку разочаровывается в Горбачёве: он не чует в нём Лидера, он отказывает ему в Харизме. Ну что ж, ему виднее. На то он и народ, чтобы не видеть дальше своего носа ...»

X* X* X*

Тем не менее, они тщательно посчитали огненные розы: он для того, чтобы было строго нечётное количество, а будущий социалистический кооператор - для того, чтобы назвать стоимость, - вышло на пятьдесят с лишком рублей.

Это была примерно половина месячной зарплаты среднестатистического советского служащего. Две недели бюрократ социалистического образа жизни (иными словами совбур) должен не пить, ни жрать, и вообще ничего не покупать себе, чтобы приобрести вот такой букет цветов для любимой. А он его купил для той, которую еще в глаза не видел и, очень вероятно, что после этой первой встречи больше никогда не увидит.

Более того ... - впрочем, об этом попозже.

Спускаясь по ступенькам с очень неудобной охалкой, он повёл глазами в поисках "Москвича" и в поле зрения внезапно попала тумба с театральными афишами - крупными алыми буквами, которые увидит даже слепой, там было начертано:

ЖИЗНЬ

ЕСТЬ

СОН .

"Что это? Ах да, - подумал он, - Пьеса ... Кальдерон а ля Барка ...".

Когда он с этой охалкой роз, полностью закрывавшей его хилую грудь, залез неуклюже на заднее сидение автомобиля, Фотинья как-то странно посмотрела на него, глаза её и без того от природы круглые, стали похожи на чайные блюдца средней величины. Она глядела долго, но ничего не сказала.

На лице старичка за рулём - частника, т.е. человека занимавшегося запрещенным в та поры частным извозом, начавшего нервно кусать губы, а его плешь вспотела - сразу нарисовалась горестная обида об упущенной возможности - о цене поездки договорились заранее, и водила явно жалел, что мало запросил. *"Нет, не Кальдерон а ля Барка - засомневался молодой человек, - скорее Лопе де Вега" = Середина семнадцатого века. Испания.*

Осталась позади Останкинская наркотическая игла - ... - вкуче с колоннами приземистого особняка=круглячка метро ВДНХ, затем Мухинские «Рабочий и Колхозница» не заметили их начавшийся вояж, потому что смотрели и смотрят исключительно в высокое светлое будущее.

Единственный сын обеспеченных родителей не знал житейских проблем и порой терял ощущение цены денег: батя его руководил сельхозинспекцией целого периферийного райо-

на, мать проработала к тому времени 35 лет в школе, и продолжала работать, получая одновременно самую высокую неперсональную пенсию СССР, Если не ошибаюсь - 132 рубля в месяц. Но у них не было ни мебели из Чехословакии, ни ковров из Средней Азии, ни мехов из норки и других пушных млекопитающих Великой Сибири, ни золота Магадана, ни богемского хрусталя - ... - Разве только облигации так называемого Золотого Займа.

Москвич вместо того, чтобы въехать на мост, судорожно вильнул вправо, и нашего героя глазам предстала железная дорога. Знакомый антураж. По ней медленно тянулась зелёная электричка. Почти как на его родном полустанке Тихий Омут. Но это промелькнуло, легковой автомобиль свернул налево и въехал под мост. Всё повторяется? Через десять лет...

... на полках удмуртских шкафов - там стояли только лишь стеклянные - багряный кувшин да синяя ваза, все в пыли, и книги, книги, книги... Жили скромно и на себя тратили очень мало, в основном - на еду: питались с базара. Вот такая семья: отец, мать и сын не считали себя богачами, тем более какими-то подпольными, а воспринимали себя нормальными рядовыми советскими людьми среднего достатка. А книги? Книги в те баснословные времена стоили копейки. Оглядываясь назад - счастливая жизнь, ей-Богу!

**В общем, когда есть деньги, для немногих очень многое оказывается ненужным.
(Надысь, из Законов Мерфи-смертного).**

Но, так уж заведено, что, разумеется, ни нашему герою, ни тем более его родителям, эта жизнь не казалась верхом счастья.

Аромат большого количества роз начал потихоньку наполнять собой салон Москвича. Фотинья снова оглянулась, но глаза у неё уже были обычного размера, и она улыбнулась ему какой-то особенной улыбкой, какой-то особенно непонятной. Наш герой понял это так, что попутка вот-вот остановится, и он пойдёт с цветами на выход, но машина медленно всё катилась вперёд и вперёд. Рабочее утро заканчивалось, а транспортное движение на столичных улицах ничуть не уменьшалось, оставаясь густым.

«Где ж эта улица, где этот дом, наконец ...» прозвучал в ушах проснувшийся внутренний голос. Он уже спланировал сценарий очередного своего жениховства, наскрёб три свежих анекдота (разумеется, политических; других в советское время и не было; блондинок тоже кстати не было...)

«Где эта девушка, что я влюблён...» - продолжил неотвязный развязный хрипавый,

И тут Москвич, как будто подслушав его мысли, замедлил движение и подрулил к тротуару. «Приехали!» - с облегчением подумал наш герой и потянулся к дверце

- Что случилось? - воскликнула в недоумении Фотинья.

- Стоп, сто-о-оп, - пробормотал, почему-то задыхаясь шофёр, потом перешёл на злобный голос, - слишком далеко! Не три, а пять! Пять рублей!

Наш герой потянул ручку дверцы вниз и приоткрыл дверцу, но Фотинья оставалась на месте. Он так и не понял: вылезать или не вылезать?

- Но мы же сразу дали адрес! Вы могли бы отказаться.

- Ага, я не знал, что так далеко - и тоном обиженного ребенка: - На гавно вам денег не жалко, (он кивнул на заднее сидение!)

«Интересно, кого он имеет в виду? - задумался философически молодой человек. — кто из нас гавно: я или розы?»

- а у меня резина как башка Хрущева!

- Вы не знали? Не знали! Но это ваши проблемы!

Посидели молча. Мимо проехал грузовик, потом протарахтел мотоцикл с коляской.

«Наверное, розы всё-таки — это полное гавно. Если бы он имел в виду меня, он бы сказал: Гавнюк, а не гавно», - решил трудную морально-нравственную задачку молодой человек и не стал обижаться на дедушку, тем более это вполне мог быть бывший фронтовик...

- Три пятьдесят, - прервала неприятную паузу Фотинья.-И ни копейкой больше!

- Пять! И ни копейкой меньше.

Наш герой истратил все свои деньги на цветы...

- Фотинья, у меня нет больше денег, - смущенно признался молодой человек с заднего сидения. Он лукавил: деньги были, но они были зашиты в его трусах, а лезть туда при посторонних - ну сами понимаете! - молодой человек постеснялся.

- Тогда мы вам не заплатим вообще! - подняла голос Фотинья и приоткрыла дверцу. - Сейчас выйдем, и не заплатим!

- Почему это не заплатите?! Я вас вёс-с-с и вёс-с-с издалека! - частник перешёл на художественный свист и пресмыкающееся шипение: - Вы должны заплатить за пройденный путь!

- Какой пройденный путь? Вы что такси? Вы не такси! Вы не таксист, - пошла в атаку Фотинья.- У вас даже счётчика нет! С чего это вы посчитали?

- Фотинья, я просто в том смысле сказал - что давай заплатим, пожалуйста, слышишь?! Я тебе потом отдам! Просто у меня сейчас с собой нет денег, я тебе потом отдам, вот что я хотел сказать! - заволновался молодой человек и скривился, особенно правый глаз, как от зубной боли.- Давайте не будем, не будем, и поскорее закончим с этим!

Фотинья, оглянувшись, выразительно приподняла правую бровь. Потом посмотрела на хапугу за рулём:

- Ладно, - не хотя согласилась она, снова посмотрев на нашего героя. - Так уж и быть...

- Пять?

- Да! - сквозь зубы и с ненавистью..

Водитель откашлялся удовлетворённо и выплюнул на улицу. Голодная машина на лысой резине зарычала и тронулась с места.

Снова пошли перекрестки с трёхглазыми светофорами, путепроводы и арки, улицы. и снова улицы, дома высокие и не очень: чужое и непривычно многолюдное ... - по тротуарам ... - даже в будни ... Глаза нашего героя как-то начали закрываться сами, и ему подумалось, что это продолжение всего лишь утреннего сна.

* * *

«И вот ещё что: все думали, что я приехал приобрести столичную прописку посредством женитьбы, а я, в действительности привёз многословную рукопись романа о всепобеждающей любви к одной шестой территории суши земного шара (по-моему, страниц 200 этак машинописи), и снёс её в редакцию какого-то толстого литературно-художественного журнала с тиражом за полмиллиона экземпляров, чтобы пять минут подышать там прокуренной атмосферой творческой затхлости в ней, - что я и сделал в первый из погожих дней своего визита». Толстая и очкастая курилка пренебрежительно... - нет, скорее всё-таки презрительно посмотрела на толстую машинопись, которую будущий, но пока ещё непрзнанный гений, бережно положил на полированную поверхность жёлтого канцелярского стола... Нехотя достала потрёпанный журнал регистрации входящей корреспонденции и вопросительно уставилась:

- Адрес? - сказала она не дождавшись ответа

«Мой адрес - не дом и не улица, - проснулся внутри него хрипатый внутренний голос, - мой адрес - Советский Союз!..»

- У меня пока нет адреса... - побледнел молодой человек.

- А ответ куда слать?

- Я сам приду за ним... - пролепетал он. И понял, что он никогда не придёт за этим ответом...

Она пожалала толстыми плечами.

...здесь будет абзац, осмысливающий бессмысленность...

Выйдя на свежий и громкий воздух, наш герой долго сидел на бульварной скамейке, смотрел как седовласые или лысые пенсионеры, опираясь на тросточки, читают вывешенные на стендах «Правды», «Известия», « и прочие прожектора перестройки, а пенсионерки выгуливают собачек и кошечек, и все - курят, курят, курят ...

А там - где-то поближе к Красной площади, ГУМу и ЦУМу все бегут, бегут, бегут :

- Они все—там— подлецы! - с важным видом сообщил ему на ухо его внутренний голос и сардонически откашлялся.— И вообще это не Союз писателей, а Союз Подлецов СССР, и ты об этом прекрасно знаешь!..

... Зелёное Бульварное кольцо. Золотистое Обручальное кольцо. Красное Кольцо Мёбиуса. Хотя ему было немного за 30, но у него уже вошло в привычку, сделав какое-либо как он считал! - важное дело, вот так остановиться на пять минут, на полчаса, посидеть, задраить голову, посмотреть на синее небо и взглянуть на белоснежные облака, потом опустить глаза - на редкие еще в августе, но уже появившиеся на зеленых деревьях желтеющие листочки :

«Пройдёт и это!»

А будущий гений сидел и думал, думал, зачем он только что это сделал- всё равно ведь не напечатают гения ... И прекрасно зная самого себя, свою неуёмную, хотя и глубоко внутри запрятанную гордыню, он понимал, что и палец о палец не ударит, чтобы сбавить заказную рецензию или еще как-нибудь протолкнуть - в печать, в свет ...

Сколько ж это надо дворников, чтобы подмести все окурки и собрать все плевки!?!..

X* X* X*

Когда они, в конце концов, остановились напротив широкой почти квадратной двери подъезда накрытой сверху козырьком, его поразило обилие зелени вокруг дома.

Он передал с заднего сидения смятую трёшку, а Фотинья открыла сумочку, вытащила свой любимый вышитый бисером узорчатый кошелечек, и стала из него сугубо мелочью отсчитывать оставшиеся два рубля.

Наш герой вылез, автоматически вздохнул и остановился с охапкой цветов, не зная куда идти дальше, а Фотинья всё считала и считала, чуть ли не по копейке набирая оставшуюся сумму.

А вокруг? Ну, прямо лес да и только ... И если не лес, то роща —точно... Жёсткий картавый голос то ли вороны, то ли ворона прорезал идиллию как нож масло. Он невольно оглянулся в поисках источника звуков и тут он вдруг заметил...

Но восхищенно крутя головой, он вдруг заметил среди этой пышной зелени одиноко стоящее дерево с полностью сухой верхушкой.

- И-эх, чтобы вас так все возили!- перебил его впечатления скрипучий голос рвача.

- И вас тоже, - не осталась в долгу Фотинья.

- Чего это он? - не понял молодой человек.

В ответ Фотинья молча пожалала плечами и покрутила пальцем у своего правого виска..

СТОП-КАДР:

Я ещё раз задержусь взглядом на этой картине. Или сцене. **Подъезд без кодового замка с раскрытой настежь дверью. Москвич несколько сбоку. Водитель пересчитывающий копейки. Фотинья, полная и высокая блондинка... Молодой человек с большим букетом кроваво-красных роз на груди ... Весёлые крики и визги детишек на детской площадке на углу... Мусорные баки через дорогу...**

Почти как одна из тех фотографий семейного фотоальбома в серёдке мусорного контейнера, там было много — чужих .. Я поднял и опрокинул мусорное ведро. Стеклянная банка, выскочив из него, ударилась о железный край и разбилась с жалобным звоном. Шелуха картофельных очисток, объедки жареных куриных крылышек, смятая картонная коробка от дамских сапогов на шпильках и всякая другая дребедень закрыли чужие фотографии..

«Всё пройдёт!» - было написано на волшебном кольце мудреца Соломона.

Царь поворачивал медленно кольцо и всем нам становилась видна вторая внутренняя надпись кольца Мёбиуса:

- И это пройдёт тоже!

Молодой человек почему-то ещё раз оглянулся на сосну с отсохшей верхушкой, но такими зелёными игольчатыми лапами внизу...

Низ девятиэтажки просто утопал в зелени: деревья справа, слева, кусты сирени полностью закрывали первый, а верхушки деревьев так скрывали и второй этажи, словно их и не было. А ещё - тишина, совсем как в деревне летом

Конец стоп-кадра.

- Знаешь что это за дерево? - раздался у него хриплый внутренний голос

- Это сосна, наверное! - ответил он ему.

- Как бы не так? Это — ты! - прохрипел ему на ухо противный и гнусаво захихикал. - Что не узнаёшь себя любимого?

- Не факт! - гордо и заносчиво ответил молодой человек и зашагал вслед за Фотиньей в подъезд...

...Фотинья оглянулась на его бледное в полутьме подъезда лицо:

- Не волнуйся, - сказала она, встав перед лифтом и нажав на кнопку, — всё будет хорошо...

Где-то высоко над головой раздался резкий грек и затем пошёл долгий скрежещущий звук, явно спускавшийся за ними.

- А я и не волнуюсь... - пожал он плечами.

Волноваться? С чего бы это ... Да неужто его судьба решается?!

«Нет, моя судьба сейчас решается не здесь, а там - в прокуренной насквозь редакции толстого литературно-художественного журнала!»

ПРИМЕЧАНИЕ №1 к Главе первой

Таня Тайнинская написала:

“Интересненько! А при чём тут Сталин и Ленин?”

Добро пожаловать в мою горестную и скорбную Повесть, ТАТЬЯНА!

Вообще-то меня читают одни читатели, но может быть с вашей легкой руки, имхо, у меня появятся и читательницы. Кто-то из великих на букву Гэ, то ли Гейне, то ли Гёте сказал однажды: “Писатель, у которого появился хотя бы один настоящий читатель, это уже - наполовину гений”.

Впрочем. И то сказать, что у дневников Кафки при жизни вообще не было никаких читателей, что не помешало ему стать одной из акул капитализма... Что? Я что-то не то сказал?! Ах, да - не капитализма. Кафка был не акулой, а одним из трёх краеугольных китов, на которых держится Модернизм... Ну да ладно!

А что касемо политики, там и сям оставляющей свои грязные и вонючие лапы на моих белоснежных страничках - это просто фото-отпечатки того времени, и я думаю ... более того уверен, что во второй части моей скорбной и горестной Повести их уже не будет.

Я сейчас простуженный пенсионер и совершенно не интересуюсь политикой. Политикой я перестал интересоваться в далёком уже 1993 году под аккомпанемент танковых залпов по Белому дому... И вот уже более 15 лет моё политическое кредо выражается целиком и полностью строчками из популярной в та поры песни:

“Те - за Ельцина, за - сталина
За Йобаму иль за Путина,
А я - за всех российских баб!”

То, что в первой же главке возникли эти два звёздные имени из пыли Млечного пути - эти исторические звёзды политической эстрады и конферанса, герои многочисленных анекдотов (кстати, в конце главки У МЕНЯ ПОЯВИТСЯ ЕЩЕ ОДИН ТАКОЙ ЖЕ ПЕРСОНАЖ третий из той же обоймы - есть ещё лысая башка Хрущёва, из-за которой он так и не попал в рай!), то они появились благодаря нашему менталитету: на машзаводе где я работал в молодости грузчиком, в параллельной бригаде коммунистического труда был мужик по прозвищу Ленин. В повести Михаила Дёмина “Блатной”, один из воров в законе тоже носит кличку Ленина и ещё ряд таких же случаев из жизни живой и мёртвой письменности... Решил и я не оставать: авось вскочу в последний вагон уходящего поезда!

А вот кличку Сталина я ни в жизни, ни в произведениях почему-то никогда не встречал, чтобы она применялась к живым людям... Но я и его добавил - за компанию: они ведь всё равно - Ленин и Сталин - рядом были: не только на знамёнах, орденах и плакатах, но и по жизни...

А Главному моему Герою эти крики напомнили грузчиков просто по тембру ихнего голоса...
Пусть будут, а?

Глава первая.

ЛЮБИТ — НЕ ЛЮБИТ

Фотинья нажала на белую пупышку звонка рядом с чёрной дверью, обитой дерматином. Буквально через секунду — моментально! - после заливистой трели, она распахнулась настежь.

Молодой человек, слегка пододвинув плечом слегка замешкавшуюся Фотинью, первым переступил через порог, и вдруг пристально - поверх роз - всмотрелся в глаза представшей перед ним одинокой блондинки в домашнем голубом халатике. И тут же: «Зачем я так!» - подумал он с некоторым неудовольствием за свой вырвавшийся помимо воли бешеный взгляд.

Всё это произошло настолько быстро... Девушка в Голубом невольно посторонилась... и какое-то невысказанное мучительство, и, конечно же, горечь полыни ... Степной травы. Степь как противоположность этим многоэтажным горам Города Большого.

Что-то совершенно непонятное сотворилось в эти мгновения - не только с ним, но и вокруг неожиданно для него самого, что он не успел осознать своих действий, всегда планировал их наперёд, а тут— автоматически глаза в глаза Тем более никому и никогда (точнее очень редко!) смотрел прямо в глаза.

В уме стояла всё ещё это треклятая сосна с отсохшей верхушкой — что это за знак четырёх? Плохое ли предвестие для предстоящей встречи или на тебе - судьбоносное! - вдруг посмотрел сразу. Такие взгляды: глаза в глаза он мог пересчитать в своей жизни по пальцам, так они редки были. И что он там захотел увидеть?

Он ничего там, в этих глазах напротив?? Ответа на этот вопрос он не знал и не будет знать никогда. На это следует не обращать внимание?

... но Девушка в Голубом в ответ волчьему взгляду вдруг сделала всего лишь одно невольное телодвижение, которое его почему-то неприятно поразило. «Что это она - так?» - растерянно подумал он и сразу же опустил глаза вниз - на коврик, на жёлтый линолеумный пол в прихожей, подбитый по краям у стен крепкими гвоздями, - чтобы больше их никогда не поднимать.

X* X* X*

В те баснословные времена нашему герою, как и его родителям, тоже казалось, что он останется вечным холостяком всерьёз и надолго.

Однако, - в отличие от родителей, - лично его такая перспектива как-то не сильно беспокоила. Точь-в-точь как большинству странных молодых людей во всех веках и странах на этой грёбаной земле ему мерещилось великое будущее его, и куда больше женитьбы его заботила мысль о своем «малюсеньком Тулоне». Ему всерьёз казалось, что он рождён для славы и побед. У него есть некая очень важная миссия: нет, я – не Байрон, я другой...

«В конце концов, у меня делом всей жизни поставлено извятие словес, ну а там как Бог даст! Единственно, что мне было безумно жалко моих родителей, которые меня безумно любили –

(пауза, постукивание пальчиками по столу)

- любили, но как-то — вишь—не разделяли вместе со мной моего прицела на холостячество...»

Безусловно, сил и энергии по сравнению с поставленными грандиозными задачами завоевания Плассана на самом деле у молодого человека было маловато;

плюс меланхолический темперамент,

плюс слабая центральная нервная система. Точка.

- но в истории ведь были воодушевляющие примеры: вон Иммануил Кант прожил оди-

нокую жизнь, и - ничего.

Зато какую жизнь!

А семейная жизнь, каковую наш герой наблюдал вокруг да около, а порой и регистрировал в своих записях, не внушала ему оптимизма на сей счёт.

X* X* X*

Имхо, конечно, хотелось бы написать нечто красивое, тонко-остроумное и поэтичное - вроде того, что молодой человек увидел, как в глазах молодой девушки от его «пламенного» взгляда зажёгся голубой огонёк, перераставший моментально в пламя всепоглощающей страсти до старости до самой,...

Либо вот так красочно: и тут какая-то странная и сранная искра проскочила между ними и связала их навеки веков наподобие электрической цепи постоянного тока Вольтера и Гаусса...

Но этого, к сожалению, или к счастью — не было: ни таинственных огоньков, ни пляшущих чёртиков, ни елистрических даже цепей Гименея. И вообще он — после армии уже плохо помнил школьный курс физики с его правилом диалектического буравчика.

Да, действительно, надо бы Афктору соврать красиво, тонко и поэтично, но говорят — врать нехорошо... Особенно красиво врать — особенно нехорошо ...

Ладно, не будем сильно врать. Так и быть! Напишем Правду без кавычек... А то Правда в кавычках уже надоела. - .-.=.-. -

- а разве такая Правда, которая без кавычек, бывает? И кому такая она нужна?

Ладно, уговорил, треклятый! Напишем Правду, но - с одной кавычкой.

X* X* X*

- Что за дела, Фо?! – раздался из ванной недовольный голосок Девушки в Голубом Халатике, высказывавший Фотинье на «фэ». – Почему ты не позвонила? Не предупредила? Откуда только такую моду взяла? Как с дуба свалилась...

- Ну не ругайся, Верик, - заговорила умиротворительно подружка, - мы сами так - собрались внезапно, не ругайся... Не думали ехать, а вот взяли да и поехали... А чего тут? Мы же свои! Лучше посмотри, какие шикарные цветы мы тебе привезли! Правда, красотень?

«Как будто я был не-я...С высоты многих дурачки, но счастливо прожитых лет очевидно, что здесь явно вмешивалась какая-то сила, которая была сильнее нас настолько, что мы не только не могли, но и - сами не хотели ей активно сопротивляться ...

Наверное, паралич воли, импотенция разума, - наиболее достоверные приметы вторжения этой неодолимой силы, но кто в силах противостоять силе неведомого невидимого? Я думаю, что никто ...

Я уверен, что никому не дано ни видеть, ни - ведать.

Я скажу даже больше: не будет никогда дано.

Никому.

В этот момент мы чувствуем всю свою ничтожность...

Мы чувствуем всю свою смертность...

Чувствуем, что больше уже не дано ничего изменить нам и нам ничего не остаётся, как только согласиться с тем, что есть.

... паралич воли, импотенция разума, бесчувствие чувств.» - записал он через много лет в свой Дневник высококвалифицированного, но малооплачиваемого идиота и услышал простуженный внутренний голос:

- Ну ты — хорош шиздеть! Ты — не только идиот! Вы ещё и - безнадёжный фаталист, сэр!»)

Однако этот ответный безмолвный жест голубого халатика запомнилось ему на всю дальнейшую жизнь.

Но тогда на свежем и пышущем коммунистическим здоровьем Востоке еще не издавался ни Алан Пиз, ни другие чародеи физиогномики прогнившего капиталистического Запада, и только гораздо позже, знакомясь с этой мистической литературой, он вдруг с изумлением прочитал, что таковым импульсивным неосознаваемым движением девушка или женщина, якобы, бессознательно сообщает юноше или мужчине: «Я - твоя!».

«Подумать только! Как всё запущено — а я и не знал этого... Значит, именно тогда она это и сказала мне — а я, естественно, ничего не понял!»

- Я - твоя!

Происходит всё это на уровне подсознания в первые же секунды первой встречи отдельно взятых Юноши и Девушки. Оно между ними больше не повторяется никогда.

Это совсем не значит, что у них сразу же после этого обмена подсознательными «приветствиями», интуитивным контактом третьей степени начнется любовь без конца и без края. Тем более — они обязательно поженятся через ЗАГС.

Неужели он никогда не посмотрит так пристально в глаза, и она никогда больше не сделает этот жест? Никогда-никогда?!

Зато контакты залипли навсегда!

Жизнь есть жизнь, и она вносит свои куда более безжалостные коррективы, императивы и прочие аперитивы во всё то, что происходит на бессознательном уровне, - неумолимою рукой.

В этот момент - он молча протянул ей багровые розы, она молча же взяла их...

Первые пять секунд встречи - это так мало! Но как потом всё это трудно изменить и переделать по-своему - пожалуйста, поверьте мне на слово:

Ну да! Этого ответного жеста оказалось вполне достаточно, чтобы молодой человек пришёл в психическое состояние совершенного и тупого ступора...

X* X* X*

“Неотправленные Письма.

Копия: Старшему Брату:

В чём основная ошибка перестройщиков?

До сих пор нет собственно положительной программы перестройки (ср. «Детская болезнь левизны»), нет добротной и продуманной теории, и может быть самое главное - нет чётко выверенной социологии: какова на самом деле социально-классовая структура советского общества? А без этого невозможен истинно научный анализ социально-экономических интересов и их проявления в политике ...

Двойственность самой перестройки, где правые стали левыми, красно-коричневые - ретроgrадами и партократами, а либерасты - левыми и прогресистами, как впрочем двойственность любого мелкобуржуазного процесса, отзывается и двойственностью отношения к ней. Невольно приходит на память аналогия: беспощадно бороться с ...»

X* X* X*

“- То есть вы хотите сказать, что это был переломный момент всей вашей жизни?

- Я уже ничего не хочу! Просто я в этой жизни ничего не понимаю. Как будто и не жил... - со вздохом

- У вас там и в тот момент не было выбора?

- Выбор был: ты мог бросить цветы в мусорную урну (как ты уже один раз это сделал!) и как Подколесин выскочить в окно, ты мог вообще отказаться от «хочешь познакомиться?» сославшись на:

головную боль,

мигрень,

вегето-сосудистый понос,

метеоризм, ты ...ты ... ты ... Ты и только ты! «

- Хорошо! Тогда пусть будет так: выбор был, но у меня не было ощущения, что выбор сделан. У меня была твёрдая уверенность, что я в любую секунду могу всё сразу изменить и переделать по = своему! ...

Ещё не вечер. Был ещё не вечер. А только одиннадцать часов пополудни буднего дня.

- А звонить тебе я не стала – сама знаешь почему? – продолжала оправдываться Фотинья. – Ты ж спала после суток? И чего я тебя буду будить? Зачем? Ради чего?

- Ага – и вот теперь я как чучело?! Спасибо тебе в шляпу!

Молодой человек подумал, что будущая невеста злится не на свою подружку, а на его неожиданно жестокий и колючий взгляд глаза в глаза, как бы спросивший: «Ну и как—я могу тебе доверять?»... И ещё она злится, - продолжал он сочинять очередную свою рассказку, - на то что ответила на этот его взгляд невольным телодвижением... И теперь не обращая внимания на него стоявшего как столб Лотта в прихожей и во всеуслышание выговаривая Фотинье, она как бы показывала всю стервозность—вот я какая!

- Ну ты меня на испуг не возмёмшь! - мысленно ответил наш герой Девушке в Голубом.— Я тоже, представь себе—не пальцем деланный...

* * *

Молодой человек не первый раз приезжал в гости к Старшему Брату, и последнее время у него возникало на постоянке какое-то странное ощущение, что в столице было одно место — очень важное место, между прочим, куда его постоянно тянуло ... И от того, что он там ещё не побывал, рождались малоприятные настроения, будто очень драгоценное время теряется по пустякам... Он не знал, где оно было расположено, это место, хотя - значит, это у нас 1987 год, а первый раз—проездом он был в столице южной в 1983 году, - значит именно четыре года назад и купил компас, а в киоске «Союзпечати» и схему путей сообщения столичного автотранспорта. Дома в Дж* он раскладывал схему на большом столе и рассматривал, рассматривал её — в безуспешных попытках отгадать местонахождение этого места ...

А иначе с чего бы это его постоянно тянуло в Москву?!

- ... - - - - -

* * *

Ещё не вечер. Был ещё не вечер. Была большая надежда не только выжить, но ещё и победить! Хотя уже и не утро.

... По ходу дальнейшего его пребывания в квартире девушка (её звали Вера), то ли стеснялась его, то ли как-то избегала с ним разговаривать, а он особенно и не напрашивался на диалог о времени и о себе –

“Бывали хуже времена,

Но не было подлей!»

- и прочие супер-модные в те перестроечные годы откровения. А может и говорить было не о чём, потому что всё уже было сказано в первые секунды встречи.

«О, чёрт! Зачем я только сюда приехал—на эту встречу? Ведь прекрасно знаю, что всё равно ничего не получится...» - в душе молодого человека начало нарастать недовольство... «Я только даром теряю время!»

* * *

... Выйдя из ванной хозяйка обратила, наконец, внимание на молодого человека стоявшего в прихожей:

- Проходите, - сказала она, и ткнула его в одну из дверей, за которой оказалась небольшая комнатка с платяным трёхстворчатым шкафом, низеньким диванчиком из трёх секций, журнальным столиком и одним креслом. Мебель стояла так густо, что пройти не стукнувшись обо что-то коленом - надо быть было балериной и порхать фуэтэ. Наш герой благополучно справился с маршрутом и сел в это единственное кресло.

В какой-то момент Вера и Фотинья оставили одного в одной из комнат. Он воспринял это совершенно спокойно, и не пошёл их искать, он просто сел на кресло, и стал рассматривать обстановку, по богатству и пышности в разы превосходившую его домашнюю, явно убогую, - и тут в его гордом одиночестве он вспомнил совсем недавнее:

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН,

И снова посетило это навязчивое ощущение, что он продолжает спать и видит просто бессвязный сон. Это ощущение как-то окутало его таким голубым туманом.

Он приободрился: ведь сон сейчас закончится, он проснётся и - всё потечёт по-прежнему.

Глава вторая.

... к сердцу прижмёт, к чёрту пошлёт..

Оглянувшись на закрытую дверь комнаты, он легонько ущипнул себя за мочку правого уха и - скривился от боли. "Нет уж, кажись не сплю!"

- .-.=.-. - - .-.=.-. - - .-.=.-. -

Но сон не кончался. Четырёхдорожечный двухкатушечный иностранный магнитофон стоял на низком журнальном столике, блестя клавиатурой чёрных, красных и белых кнопок. Судя по перемотке, он был готов к запуску. Интересно, какие песни записаны на бобинах :

И тишина!

Неискушённому читателю сразу же должны припомниться ставшие трафаретными: "И тишина! И мёртвые с косами стоят..."

- Не-а. Ничего подобного!

Вместо "мёртвых с косами" неожиданно то ли в трёхдверчатом шкафу, то ли за окном что-то выразительно стукнуло, и вслед за тем в пустую комнату вошла статная пожилая женщина с гривой белых вплоть до какой-то синевы волос. Он неловко приподнялся с мягкого кресла.

- Здравствуйте, - сказала дама властным, отчасти резким голосом и по-мужски протянула ему руку. Он в столице приучился чмокать по-гусарски в ручку всем женщинам подряд, но тут его что-то остановило- вместо поцелуя нерешительно с мягкой трепетностью пожал протянутую длань горделивой осанки.

"Пойдёмте, я вас покормлю!" - она сопровождала приглашение величественным жестом - на безлюдную кухню. Хотя это было по форме очень неожиданно, но по содержанию очень точно: превращаясь из матери в бабушку, женщины в отличие от девиц очень тонко это чувствуют — ну это самое: когда у парней — голодное выражение лица....

Он согласился более чем поспешно: жил у Фотиньи, а там как всегда в молодой семье из коммунальной квартиры с тараканами было густо, а с едой - пусто. А здесь ему налили глубокую тарелку щей, он впервые в жизни их пробовал, этот "капустняк", потом последовала гречневая каша с сосисками, а вот чай?

Попутно он рассказал хозяйке, откуда приехал, с кем там живёт, что делает, когда уедет, кем доводится Фотинье и много чего другого— всего не упомнишь...

Правда, напоследок он отказался от кофе и от чая тоже, и выбрал пустую холодную, но кипячённую воду, чем вызвал полный фурор: опять глаза напротив - как блюдца, потом усмешки и смешки - "Что это за чай без чая и сахара? Ну разве такой бывает?".

У него как раз было что-то непонятное с сердцем, какие-то странные перебои, и он перестал употреблять слабые наркотики, боясь усилить эту сердечную аритмию. "Будто жизнь от меня занавешивается". Но на него посмотрели весьма и весьма подозрительно ... Наш герой отнёсся к этим подозрениям совершенно спокойно и ещё раз разъяснил, что:

Кофе усиливает давление сердцебиение,

Соль—это белая смерть,

а

Сахар—это сладкая смерть...

- Крошек-то сколько после вас! - ахнула Римма Николаевна.— У кого хлеб изо рта валится, тот долго не проживёт! Примета такая...

Боже! Как хорошо тогда поел! Но что-то погасло внутри - обильная еда вызвала необычное ощущение покоя и уверенности в своих силах. Но - потянуло в сон.

* * *

Из кухни его, видимо, в качестве почётного гостя — не иначе! — повели на балкон, где

показали ребенка в детской кроватке. Балконные окна были распахнуты настежь. А за ними - такая удивительная в Большом Городе зелень! Небольшие яблочки висят на верхних ветках дерева так отчетливо близко, что кажется-протяни руку и сорвёшь ещё неспелое, кислое и с небольшой червоточинкой ... :

- Прыгай! - ткнул своим костлявым пальцем бес в его молодое ребро. — Прыгни как Подколесин — в окно! Одним прыжком ты разрубишь этот гордиев узел, этот жизненный узел навсегда!

- Ох ты, чёрт! Третий этаж, блин, - высокогато будет! - молча ответил он своему внутреннему голосу...

- Эх ты, слабак! Ты — трус! Тьфу на тебя! - внутренний голос смачно отхаркался и смело плюнул...

- Да! Я — слабак! А ты что этого не знал?...

Грубая и громкая нецензурная брань донеслась через окно балкона откуда-то снизу, из-под сплошного зелёного шатра деревьев... Вера и её сестра, стоявшие рядом с ним, вздрогнули, Фотинья, наклонившаяся над кроваткой и ухом не повела...

- Это — пьяницы! - сказала седовласая женщина за его спиной.— Житья от них никому никакого не стало. Надо в милицию позвонить — чтобы приехали и разогнали их... С утра уже куролесят...

Он тупо стоял и равнодушно смотрел на то, что лежало в кроватке: белый свёрток как свёрток, личико с двумя закрытыми глазами - ему нечего было сказать. Ребёнок сладко спал.

Он подумал: с пол-годика свёртку, наверное, уже есть... Что ещё?

- ,, - - ,, - - ,, - -

Молодой человек стоял и тупо смотрел. Пауза затягивалась. Его выжидательно меряли взглядами - три молодых женщины. Он мучительно задумался, но голова была пуста, потому что вся кровь отхлынула от мозговых извилин в желудок — за калориями.

И вдруг эта бессмысленная кроха приоткрыла свой левый глазик и явственно подмигнула ему - и взгляд её был острый, колючий, - глаз волка. Он затаил дыхание. Но - это было какое-то мгновение и в следующую секунду всё пропало.

И только после этого подмигивания пришло решение: надо, наверное, похвалить этот свёрток, только вот за что и как? Но что и как сказать от него было полностью закрыто мраком неизвестности ... Хотелось сказать правду, - то, что крутилось в мозгу: "Как у вас много зелени! Как не похоже это на столицу!", а его заставляли смотреть на запелёнатого младенца очень похожую на куклу.

Молодой человек повернул голову слегка направо, потом—налево: нет, кажется, это ему только показалось... Всё спокойно.

- Не правда ли красавица? - потрясенные его тупым, но упорным молчанием, в один голос Фотинья, Вера и еще одна молодая женщина пришли ему на помощь.

- Да-да, конечно, - поспешно согласился он. А сам подумал двулично: "Дитё как дитё. По правде мордочка спящего младенца не то, чтобы очень красивая, но ведь это обыкновенное лицо ребенка - ну чего там, какая уж красота?!" - появилась у него мысль.

- Конечно, красавица ...

Короче, экзамен на чадолобие он не прошёл категорически. Казалось бы чего проще — надо было, наверное, радостно заулыбаться, наколониться, щёлкнуть пальцами, сказать что-то такое: "Агу-агушеньки!" и т.п. и т.д. Ребёнок бы проснулся, испугался, заорал и тут пошла бы потеха! А он вместо этого стоял как деревянное полено, и даже знаменитый Папа Карло при всём его трудолюбию не смог бы сделать из этого полена - жизнерадостное Буратино в тот момент.

- ... - - - - -

О, Боже! Если бы только он знал наперёд, какую смертельно катастрофическую роль предстоит сыграть в его грядущей жизни этому бессмысленно по-животному мяукающему комочку!!

- Ну и что бы он тогда сделал?! Убил и закопал?!

* * *

Встреча явно не заладилась. Молодые люди совершенно не клеились. Несмотря на определённые усилия Фотины, и даже сестры Веры, беседа не шла вообще. Говорились какие-то малозначащие фразы, из которых наиболее глубокомысленной был вопрос Веры: "Надолго ли в Москву?". Молодой человек призадумался, словно это была задача по крайней мере из тригонометрии, и наконец удостоверившись что все молчат — потому что ждут его ответа, выдал на-гора сакраментальное:

- Ну — не знаю...

- А кто знает? – спросила Вера.

Молодой человек меланхолично пожал плечами.

Разговор не клеился. Помолчали снова.

Поэтому посоветовавшись шёпотом девочки приняли решение: "Пошли гулять! Такая чудесная погода, а мы, как куры на насесте, сидим взаперти дома!"

... они вышли на природу, каковой являлся близлежащий пруд - загорать. Втроём: он слева, Фотинья — в центре, Вера — справа — они отправились на природу...

Перешли тихую безмашинную дорогу :

В берёзовой роще спряталось двухэтажное здание.

- Это музыкальная школа...

Где-то в отдалении, похоже именно за рощей завывала одинокая собака. Или ему это так захотелось?

Вдоль забора они вышли на берег, с которого открылась водная гладь

- О, да тут целое озеро! А уток сколько? Чудеса...

С высокого южного берега открылась водная гладь, а на противоположном низком берегу— ещё одна более густая роща ...

- Это не озеро, а Дж....ский пруд, - поправила Вера.

Затем молодой человек оглянулся направо и увидел самые обыкновенные деревенские домики, сады, заборы и калитки ... Вот это да! Вот откуда—значит не показалось! -= выл цепной пёс...

На верху крутого обрыва стоял столб с очень строгой надписью: «Купаться строго запрещено!». внизу сидели люди, белые и загорелые тела которых почти полностью закрывали желтоватый песок.... Детвора весело плескалась там, где купаться было строго запрещено :

- Во! Совсем как на Южном берегу Крыма! Там сейчас тоже аншлаг! - с видом знатока сообщил он.

У него плавок, естественно, не было. Поэтому он выбрал себе особое место—там где была тень от берёз и никого не было, он лёг ничком, на животе , оголивши свой хилый и бледный торс, мечтая только лишь только об одном: чтобы эта затянувшаяся свиданка поскорее закончилась. Чёрт! Опять даром потерянное время!

Тут какой-то мужчина, видимо, хорошо набравшийся, - с разгону плюхнулся в воду, подняв кучу брызг, волны, визг и крики ... Общими усилиями его вытащили из пруда.

Дамы нашли местечко на солнышке, и, пользуясь отдалением молодого человека, завели тихий и весьма деликатный диалог:

- Фотинья, а чего он ТАК одет? - первым делом осведомилась Вера.

- Не обращай внимания! У них в Усть-Хуйске все так ходят. У них ведь там ничего не

выбрасывают ...

- А почему он в мою сторону даже не смотрит? - продолжила допрос Вера.
- Ну он же стесняется, - нашлась Фотинья.— Он застенчивый такой ...
- А чего он всё время молчит и молчит?

Фотинья в ответ смущенно пожала плечами и сделала большие глаза. Потом прошептала в защиту Лужина: "Ну он - такой: неразговорчивый, молчун, короче ... Молчун с планеты Шелезяка. Тихий такой..."

- Ага, тихопомешанный ... - подвела итог Вера саркастически.
- С чего ты взяла? В армии — был. Институт — закончил. Красный диплом - получил...

Учитель, короче...

- Фо, а ты меня не обманываешь? ...
- Нет, но он смотри—как с Риммой Николаевной разговорился...- снова нашлась Фотинья.

- А что он не ко мне, а к ней приехал в гости?
- Верик, ну хватит придирааться... Ты прямо настоящая бабка ёшка!

X* X* X*

“Неотправленные Письма.

Копия: Старшему Брату:

Перестройка очевидно вызвана обострением классовой борьбы внутри советского общества. Конечно в условиях тотальной цензуры подвальная классовая борьба социальных групп будет завуалированной, но задача художника, вероятно и будет состоять в том, чтобы сорвать покровы и разоблачить истинную сущность той или иной социальной группы. Для этого вполне может сгодиться и формальный приём преувеличение или даже гротеска. Даже мы можем изобразить социальную борьбу в форме классовой борьбы, то лучше ошибиться и преувеличить, живописать натуралистическое бытописание отношений ...»

* * *

...Кажется, он, действительно, заснул... Кажется, чудится, видится ...

Минута шла за минутой, складываясь в полчаса, а те грозили обернуться в час ... Он почувствовал, что засыпает окончательно.

Вспомнилось утреннее

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН!

- Давайте сходим на кладбище, - вывел его из дрёмы звонкий голос Фотиньи.

Ну как же его внутренне передёрнуло!

Кладбище?. Он не понял, откуда здесь еще какое-то кладбище, и почему они с пруда должны . . . На душе сразу стало гадко и тяжело. Конечно. Каждое сватовство заканчивается кладбищем. Но — не так быстро! Надо ещё успеть прожить целую жизнь!! Ему показалось, что если они пойдут на кладбище, он ... обязательно - его сон обратится в кошмар, и он обязательно проснётся голодный и неприятный в пустой и неопрятной комнате...

- Фотинья, а чего мы там забыли? - сухо и резко отреагировала Вера, и он с облегчением вздохнул: словно его собственные мысли прозвучали чужим голосом. Молодой человек с только что родившимся уважением посмотрел на Веру: похоже, что она думает точно так же как он ... ей, видимо, тоже это сватовство надоело.

- Ну там же такие интересные надгробия! - не унималась Фотинья. - помнишь - там похоронены жених и невеста, они ехали в свадебном кортеже расписываться, и попали в аварию, разбились насмерть оба, сразу ...

Их вместе и похоронили, в одной могиле, мы в прошлом году ...

Вера смерила её взглядом, и та осеклась на полуслове.

И всё-таки один момент я хочу отметить особо. Соображение о нём мне пришло не

сразу, поэтому я изложу его в конце.

Не было страха.

В жизни этого молодого человека уже были несколько раз приступы панического страха, в результате которых он принимал диаметрально противоположные решения... Здесь ничего такого не было. ..

Разумеется, они не пошли на кладбище. А куда они пошли?..

ПРИМЕЧАНИЕ №1 к Главе второй

Элеонора Чарочкина написала:

Добрый день, мистер Твистер

Ну да... Мистер! Мой самый любимый начальник иногда называл меня — Хер Питер, вероятно он хотел сказать «Герр» что по-немецки означает «Господин», но его язык мог произнести это заморское только и только лишь по-нашенски... Логическое ударение прошу делать на словах “Мой самый любимый”!

Элеонора Чарочкина написала:

Какое странное произведение... хм... даже не знаю, как охарактеризовать. Философская притча? Роман с элементами биографии? Рассуждения, облаченные в художественную форму?

Ну если не знаете - давайте по ступенькам! Прыг-скок!

Философская притча?

Для притчи длинновато будет, вам не кажется. Хотя в свое время советские литературоведы в штатском толковали о притчеобразности западного романа конца XX века типа «Шпиля» Голдинга и ещё кого-то. По-моему - «Кентавр» Апдайк вставлялся в обойму ещё одним, пардон, патроном. Склероз, мать... Но притчеобразность осталась вместе с ними, первооткрывателями, в веке минувшем...

Роман с элементами биографии?

Точнее «роман воспитания» - «Духовное сродство» Гёте? Или «Новая Элоиза» Руссо ... может быть даже «Воспитание чувств» Флобера... Конечно, хотелось бы «Простодушный» Монтескье, это вроде поближе по теме - но тоже наверное не совсем близко будет.

Если для притчи — длинновато, для «романа воспитания» - далековато... шагнём дальше.

Рассуждения, облаченные в художественную форму парадного мундира?

Подожди, как там говорили про Тендрякова - Идеологический трактат в лицах и диалогах? Ну это комплимент - это почти платоновский «Пир во время чумы»...

Что? Слишком много фамилий и заголовков?

Элеонора Чарочкина писал(а):

Лично я считаю, прелесть Мира в многообразии

Ну да - если вы хотите прелести Мира в многообразии фамилий и заголовков — вы его обязательно получите!

Дак ещё это не всё — есть Краткая Литературная Энциклопедия аж в 9 томах, и ещё Всемирная История Литературы в восьми или десяти томах... И ещё...

Впрочем, я ВСЁ РАВНО Elle Anicoга я рад, что вы нашли время заглянуть на мою страничку и черкнуть пару ободрительных слов...

И рад ещё потому, что иногда мне кажется, что если вы в свой великолепный Иллюзорный Мир вносите местами элементы правды, реальной жизни и судьбы, то я — во всё то, что было \---\ \- на самом деле, вношу моменты Иллюзорного Мира, Сновидения, Непонятного.... Наверное, делаем потихоньку одно общее дело — только с диаметрально противоположных сторон.

Ну ладненько — хорошего понемножку. Остальное — в личку

Глава третья.

Ты не умеешь жить, чувырло в перьях!

Солнышко достаточно быстро клонилось к горизонту, жар его лучей ослабевал непропорционально, и подул прохладный ветерок, результатом чего стало частичное опустевание самопального пляжа... .. Фотинья смотрела-смотрела на безмолвствующих «жениха и невесту» - и очень кстати вспомнила, что обещала заехать к своей маме... О! Мама—это святое! К...

- Ты остаёшься?

- Да нет, я тоже поеду с тобой, - ответил он Фотинье.

Вера вместо того, чтобы начать уговаривать, типа да останьтесь, попьём чайку и т.п. и т.д. молчала как рыба об лёд...

Так что они никуда больше не пошли, собрались быстро и в потоке других отдыхающих дошли, до улицы, где была остановка. Перед ней расстались как-то равнодушно, холодно и поверхностно, даже не договорившись о перспективах строительства дружной советской семьи—например, о "созвониться", которое напрашивалось само собой. Поэтому если он позвонит завтра... А позвонит ли он вообще? Наверное, надо посоветоваться насчёт этого с Фотиньей...

- До свиданья, - сказал он, устремив взор на свои пыльные сандалеты.

- Всего хорошего, - ответила она, смотря куда-то в сторону и сжав кулачки в карманах голубого халатика.

Завтра? У них судя по всему, а особенно по их равнодушным голосам, не было этого "завтра". Оно соответственно и не прозвучало. Фотинья и сестра Веры многозначительно переглянулись. Седовласая мать почему-то не вышла провожать гостей. Ну всё понятно: жених не пришёл к двору! То ли завидным аппетитом удивил, то ли слишком много хлебных крошек после себя оставил на полу кухни...

X* X* X*

Обратный путь сваха и жених проделали уже в подвернувшемся такси по счётчику. Доехали в каком-то тягостном молчании, но зато без особых приключений. Оба чувствовали себя опустошёнными и выжатыми как лимоны...

А чего тут обсуждать?! Очередная осечка... Волнения улеглись. Странно, но он всё-таки ждал, что Фотинья задаст вопрос, который напрашивался сам собой:

- Ну как она тебе?

Но не дождался. Впрочем, это и хорошо, он не был готов отвечать на него совершенно...

«- Бедный Буратино! Тебе опять очередной раз повезло, - съязвил внутри хрипчатый голос... - Ты сможешь продолжать наслаждаться свободой, одиночеством и — своим подпольным творчеством....» Тишина и покой воцарялись на душе состоятельного несостоявшегося жениха... Он подумал, что кардинальный поворот в жизни любого человека может определяться разными причинами; ни одной из таких он не видел в данном отдельно взятом случае

, во-первых, Складывающимися на глазах обстоятельствами...

, во-вторых, Некими действиями самого индивида, который приносят результат — как правило, неочевидный, а иногда и прямо противоположный задуманному...

...Фотинья не стала спрашивать жениха о невесте по той простой причине, что решающее слово ведь за Верой, не так ли? Молодая деловая прекрасно понимала, что здесь выигрывает жених и выигрывает прилично, переселившись из провинции в столицу...

А что Вера — она не поверила? Она может проиграть, конечно, хотя жених—спору нет—мог бы быть поактивнее. У Фотиньи складывалось впечатление, что ему — ничего не нужно: ни столица, ни кваритар, дурак дураком... «Наверное, мой прав, и его брат останется холостяком...» - подвела она некий промежуточный итог...

«... И ещё такой кардинальный поворот в жизни как пбракосочетание определяется какой-то таниственной и непонятной силой, который вмешивается и меняет всё—не-смотря на обстоятельства... - продолжал размышлять наш герой.—«Нелётная погода, неисправность вертолёта... Здесь может быть и судьба, и всевышний, - подумал он, - и оппонент всевышнего, пользуясь попустительством всевышнего, и обстоятельства, которые складываются очередным испытанием..

Здесь же, с этой новой знакомой ничего такого нет... Какая-то пустота.

X* X* X*

РЕТАРДАЦИЯ

Костлявая, как и Почтальон звонит дважды... Второй звонок это как контрольный выстрел... В истории: 1905 год как генеральная репетиция 1917

На следующий день, но за несколько дней перед визитом к Вере - Старший Брат и Фотинья разбежались по своим работам. Наш герой остался один и незаметно заснул. Его разбудил звонок в дверь. Он бесшумно поднялся с дивана и подкрался к двери на цыпочках... Глазка не была, но эта дверь как и все советские двери, была наполовину из картона, поэтому он легко услышал голос:

- Нет, ну ты представляешь?! Фотинья нас снова обманула...— услышал он злобный и недовольный детский голос

«Ну это ваши дела с Фотиньей, - мысленно ответил он тем, кто были по ту сторо-ну. И я не буду в них впутываться»

Умиротворённый и спокойный, он также на цыпочках отошёл от двери. Это был первый звонок, хотя говорят, что почтальон всегда звонит дважды...

X* X* X*

Гораздо больше чужих проблем Фотинью заботили её личные дела, которые упирались как у большинства молодых семей в— деньги, точнее в их количество... А ещё точнее отдельная квартира, но для того, чтобы получить её нужны были деньги и немалые... На данный момент у неё необходимых денег не было...

Такси остановилась у обочины, шофёр не стал

- Может, вы проедете во двор? Тут недалеко, второй подъезд...

Один из этих многоэтажных домов...

Он вылез из машины. Фотинья, искоса взглянув на него, немного помедлила, но не сказав ни слова, опять заплатила.

“Холодное далёко, не будь ко мне жестоко” - немилосердно пропел Тихий внутрен-ний голос внутри души его.

Наш герой вздрогнул и слегка похолодел. Это ещё что такое? Это было первое появление Тихого внутреннего голоса. Внутренний ансамбль пополнялся новыми актёрами?.. Сам он не воспринял его как нечто отдельное от Хрипатого; но потом по прошествии 10 с лишком лет этот момент ярко и остро припомнился ему; особое значение имела эта мольба, обра-щённая к холодному и мрачному «далёко»... Первый крик новорождённого...

- ... - и не словами глупой песни, а словами молитвы прадедов и прабабок.

Да-да, именно в Москве появился этот второй голос—тихий и мелодичный, появился в момент полного душевного опустошения после первой встречи с предполагаемой неве-стой...

* * *

Из дневниковых записей той поры: «Этот застой, эти выносящие мозг пои-

ски и выматывающие душу живу метания, это 15-летие великого, но совершенно бесполезного экспериментаторства, - оно неувидительно! Брежневская эпоха - «золотой век» социализма, беспримерный по маразму действительности и склерозу престарелых вождей, выживавших из ума до последней стадии, не мог родить реального содержания.

Трудно смириться с неизбывным ощущением никчемности окружающего мира. Героическая эпоха рождает героическую литературу, а что может родить застой и тупик? Какие-то вытребенки, кунштючества, эксперименты на грани экскрементов, гомункулы и симулякры ... Ну и ещё - мемуары, мемуары и и ещё раз мемуары, венцом которых стала незабвенная эпопия из трёх книг Леонида Летописца...»

X* X* X*

Однако на квартире его ожидал некоторый не совсем приятный сюрприз. Всё начаалось с того, что Фотинья своим ключом открыла входную дверь, видимо, не подозревая, что муж уже дома или наоборот: решила застать врасплох.

Это была коммунальная квартира, и Старший Брат с Фотиньей делили её с мужчиной лет под 40. его комната была направо, у них—налево... Жили недружно.

Когда они зашли в полутёмную прихожую, заваленную всяким хламом: своим и чужим...

Старший Брат всю хозяйничал на кухне: именно оттуда доносился его бодрый голос. И несмотря на то, что его самого видно не было, но по этому голосу было очевидно, что сейчас он полностью соответствовал своему изречению: «От настоящего мужика должно пахнуть слегка одеколоном, покрепче табаком и всегда - шнапсом». Хотя имеющийся в наличии аромат свидетельствовал скорее о свежеизжаренной картошке с луком...

- Миллион, миллион алых рож из окна, из окна видишь ты! - распевал он.

- Кто не пьёт, кто не пьёт,

- тот всерьёз и давно

- свою жизнь превратил в говно...

Фотинья застыла на месте и прислушалась. Наш герой не знал, что ему делать дальше. Закрывать дверь мешала застывшая как столб Фотинья, толкнуть её он не мог, оставаться на лестничной клетке с раскрытой дверью?...

Вскоре Старший Брат пошел по второму кругу, видимо вызванный на бис восхищёнными тараканами, взиравшими на него не только изо всех глаз, но изо всех щелей; один из насекомых от восторга лишился чувств, не удержался на потолке и свалился прямо в раковину, доверху наполненную грязной посудой:

- Миллион, миллион алых жоп из окна видишь ты ...

И тут как бы опомнившись, Фотинья скинула туфли и почти бегом шмыгнула сразу на кухню. Пение резко смолкло ...

А он прошёл налево—в большую комнату

X* X* X*

- .-.=.-.— //||=+\- - .-.=.-.— +

- Зачем? - Старший брат так резко откинул голову в изумлении назад, что очки слетели с его носа, но он ловко поймал их и снова водрузил на шнобель.

Наш герой пожал плечами. В этот момент он действительно понял, что не в состоянии внятно, а самое главное - понятно объяснить Старшему Брату, зачем он купил этот объёмистый «веник». Что его побудило именно выкинуть целую кучу денег? Тщеславие идиота? Или, наоборот, беспробудная гордыня идеалиста? Может быть отчаяние? В общем, полная

его непрактичность подтвердилась в очередной раз ...

По-своему Старший Брат любил своего младшего брата по семейному прозвищу «Бледнолицый брат мой», и хотел ему счастья, удачи, успехов ... Но здесь мне кажется сейчас ключевыми эти слова «по-своему»: свои ведь мозги в чужую голову не вставишь, не правда ли? Но, как ни странно, он ни чуточки не жалел об этом.

- ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ...

- Братан! Я такого от тебя не ожидал. Я, конечно, знал, что ты чудак на букву ЭМ, но не до такой же степени! - Старший брат горестно всплеснул руками

- Ты что не знаешь, - он стал в позу ментора, уперев руки в бока - что баба любит ушами, а мужик глазами?

Бледнолицый Брат промычал в ответ что-то невразумительное: откуда ему, писателю, инженеру-конструктору человеческих душ, знать такие тонкие психологические нюансы: кого и чем любит ... - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ...

- Ты должен был купить одну маргаритку - понял! - это я тебе на будущее говорю, братан, - всего лишь одну маргаритку, но преподнести этот аленький цветочек с таким словами - С ТАКИМИ СЛОВАМИ! - чтобы она прослезилась от счастья и повесилась тебе на шею, а ты что?

- При чём тут маргаритка? - раздался таинственный голос с кухни, где Фотинья готовила ужин. - Маргаритка - это приусадебный цветок, он в горшке растёт ...

Тут Фотинье стало смешно, и она прыснула, но потом не сдержавшись звонко расхохоталась. Старший Брат обернулся в сторону кухни и скорчил гримасу:

- Замолчи, о женщина! - и снова повернулся к Бледнолицему Брату:

- Мишка Гор-р-рбатый—дурррак, - раздался тихий, но весьма разборчивый голос. Наш герой вздрогнул и оглянулся вокруг. А вокруг—пустота... Он да Старший Брат, и больше никого. Странно, даже очень странно. Неужели у него появился ещё один—уже третий по счёту! - внутренний голос? Но почему новый голос говорит с каким-то странным иностранным акцентом? Что это значит? Внутри его души к нему пробрался какой-то иностранец... А если это американец? Телепатическая связь с прогнившим Западом?! Не верю... Не хочу верить... Но с другой стороны у него в роду был дедушка...

Старший брат на этот вердикт отреагировал по-своему:

- Правильно, и я говорю, что дурак, но я сейчас не о том. Я о том — ты понимаешь, что ты сделал?

- Я молча ей отдал цветы, и она ушла вместе с ними в ванную, - пожал он плечами, а сам подумал: «Что это? Он тоже слышит этот новый этот мой внутренний голос? Моё состояние ухудшается. ... И что теперь делать?» Мысли в мозгу лихорадочно заметались.. Но внешне он катился как вагончик по наезженным рельсам, старался не подавать виду, хотя предательская испарина выступила на лбу и подмышками.

- В ванную... Что так сразу — в ванную? Ничего не понимаю! Мр-р-рак! Зачем с цветами в ванную?

- Прежде чем ставить в вазу, цветы надо замочить в холодной воде—снова раздался таинственный голос из кухни.

- Ну нет, всё это бабские забабоны какие-то. Меня интересует, что ты ей сказал? - Старший брат в какой-то ярости потряс кулаком величиной в заварочный чайник средней величины перед его бледной рожей. - Ты что совсем ничего ей не сказал?!

- Я сказал: как у вас тут зелено, как в деревне, - соврал Бледнолицый Брат первое, что пришло на ум; на самом деле он уже не помнил, что он там говорил на самом деле, и сейчас уже никогда не вспомнит; единственно, что таких слов, каких хотелось его Старшему Брату, он точно не говорил.

- Ну ты даешь! Деревня! Зелёная Деревня! Картина Репина: «Хорошо в деревне ле-

том!». А тебе слабо было сказать, что она самая красивая?! - взъярился Старший брат; он очень переживал за дальнейшую судьбу своего южного бледнолицего родственника в столице, но я не в силах изобразить его убийственный сарказм.

- Правда что ли? - добросовестно удивился Бледнолицый брат. Ему показалось, что это не Старший Брат, а сам Вельзевул говорил из Ада.

- А как ты думал? Шевели мозгами! А ещё знаешь, братан, - Старший Брат понизил голос и оглянулся в сторону кухни, - неплохо спеть ей песенку, типа Серенада Солнечной Долины и, когда она размякнет, ущипнуть за попку—так слегка, по-лошадиному...

Старший Брат был в ударе, он продолжал делиться секретами преуспевания и удачи в социалистическом образе жизни и уже громким голосом:

- Ты должен был сказать, что лучше её нет в мире! Что ты с этого мгновения, как только её увидел, без неё жить не можешь!! Понял? -

Бледнолицый Брат понурил голову и пожал плечами. «Я? Без неё? Жить! Зачем жить ..Зачем врать? .» - подумалось ему.

Старший брат был искренне огорчен порядочной придурочностью и придурочной порядочностью двоюродного брата.

- Что ты спрыгнешь ради неё с десятого этажа без парашюта, чтобы доказать свою любовь! Ты понял или нет, что ты наделал?

- Попка дурррак! - раздался в душе нашего героя настойчивый внутренний голос, но он уже не оглядывался в поисках его. — Попка дурррак!

Главное—не подать и виду, что кто-то или что-то каркает внутри его черепной коробки, подделываясь под попугая-иностранца...

Зато оглянулся Старший Брат:

- Да замолчи ты! - и показал кому-то кулак. Наш герой невольно последовал за взглядом родственника и увидел клетку на гвозде. В клетке сидела маленькая разноцветная птичка с хохолком на голове. У него челюсть отвисла от изумления, а когда он вернул её на надлежащее место, то сразу же спросил:

- Это что—попугай?

- Да! - с большой гордостью отвечивал Старший Брат.— мне сегодня его один друг подарил. В отпуск уехал... Может приживётся, тогда я ему не отдам... А может и сдохнет...

- Мишка Гор-р-рбатый—дурррак,

- Между прочим, очень умная птица, - Старший Брат поднял вверх указательный палец правой руки, - его хрен с два чему специально научишь! Он сам выбирает что ему сказать...

Как бы в подтверждение Старшего Брата попугая пророкотал очередную благоглупость:

- Доллар-р-р он и в афрррике доллар-р-р-р-р-р...

- Во! Что я тебе говорил! Мудрая птица!

- Попка дурррак!

Наш герой невольно улыбнулся.

- Ты чего лыбишься? Это он так хохмит... Хохмячок такой... Как в том анекдоте: в чём разница между Райкиным и Брежневым? Райкин умный человек, который притворяется дураком, а Брежнев—дурак дураком, а притворяется умным... Ты понял: умная птичка, но притворяется душой...

- Ага, трамвай пойдёт по маршруту, а ты—по этапу, - напомнил он брату другой анекдот на эту же тему.

- Ладно! Опыт дело наживное! Делай выводы! - с презрением резюмировал Старший брат. - Иначе столичной прописки тебе не видать как ушей без зеркала!

«Не хочу я прыгать ни с какого балкона, я уже об этом как-то говорил - уныло прозвучал внутренний голос у него в ушах и отдался в висках. - и вообще я не хочу прыгать! Я не

хочу участвовать в гонках самцов ни по вертикали, ни по горизонтали ... "

У Бледнолицего Брата стал такой жалкий вид, что Старший Брат сменил гнев на милость, и решил прийти на помощь:

- Ладно! Ещё не всё потеряно—сделаем вид, что первая встреча — не в счёт. Будем считать, что ты онемел и говорил одну гадость от восхищения и страсти, вдарившей тебе в голову... Попутал, так сказать, Божий дар с яишнецей... Моя —кивок на кухню — ей всё объяснит.. Где вы встречаетесь следующий раз?

- В Ботаническом Саде.

Очки опять слетели со шнобеля! Густые черные брови Старшего брата резко сошлись на переносице, а сам он в мгновение ока наклонился над невезучим родичем как коршун над желторотым цыпленком.

Цыплёнка жалко очень ... Он не кадетский, он не советский, а он—курячий комиссар... Куриный комиссар... Цыплёнки тоже хотят жить!

- Где-где?! - в неподдельном ужасе прогрохотал он над ним как вешний гром, а может быть даже сильнее.

- Ботанический Сад, - соврал Бледнолицый Брат шепотом приговоренного к расстрелу. Он побоялся сказать, что они с Верой вообще-то ни о чем не договорились. Предчувствия его не обманули.

- Ты чё? Как у тебя с головой? Какой Ботанический сад!! Ты что ботаник? - уже не сдерживаясь, Старший брат затопал на него ногами. - У тебя что нет денег?!

- Деньги есть...

- Ты должен был пригласить её в ресторан! Нет, братан, ты чего-то не догоняешь по жизни! И не просто ресторан, а - крутой ресторан! - при этом он назвал пару кабаков, где сесть за столик даже со связями и знакомствами было весьма непросто: места были расхвачаны и оплачены на несколько дней вперёд. А может и на месяц вперёд. Я не узнавал - врать не буду. По-моему, «Берлин» или «Бурлин» - точно не помню те времена на Арбате... Но всё равно! - Европа-с!

- О горе мне! Учишь-учишь тебя, а толку нет...

X* X* X*

... В течение всей моей зряшной и никчемной жизни я часто задавался вопросом, что такое любовь с первого взгляда.

Есть ли она на самом деле? Или это некая компьютерная игра?..

Я смотрел художественные фильмы про любовь и про ..., читал книжки одни за другими и даже ходил в театр абсурда (попал на «Лысую певицу» Эжена Ионеско), а также в цирк и балет - но так и не понял, почему у моего героя был такой бешеный первый взгляд, и почему не пролетали между юношей и девушкой никакие искры и не возникло никакого сердцебиения в унисон и т.п. и т.д.

X* X* X*

После этого не ахти приятного разговора со Старшим Братом наш герой долго не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок, слушал яростную музыку Большого Города: шум машин, подъезжающих с продуктами к магазину, расположенному на первом этаже, брань экспедиторов и перебранку приёмосдатчиков с товароведками, разухабистые крики и удалые песни пьяной компашки, расположившейся во дворе детского садика - в советское время, по-видимому, детские дошкольные учреждения не охранялись ...

Задумалась и Фотинья. Будучи на кухне, она была несколько неприятно поражена разговором братьев. Первым её импульсивным желанием было сказать своему мужу, что его родственник обманывает. Она всё время была рядом с ними и могла поклясться, что никакой речи ни о какой встрече, тем более в Ботаническом Саду не было и в помине... Зачем

он это делает? Почему он не хочет сказать правду?

Фотинья заподозрила нашего героя в какой-то хитрой и нечистой игре. Может быть она поспешила со знакомством? Но она вспомнила, как она выходил замуж за своего нынешнего мужа—и это ощущение: как в омут с головой, оно вторично посетило её с небывалой ясностью и яркостью. Ладно, пусть будет что будет, - мудро решила она.— Я их познакомила, а теперь пусть они сами решают, это уже не моя головная боль...

И твёрдо решила завтра с утар позвонить Вере, чтобы узнать её решение.

... Он проснулся (во сне!) сидящим за столом в своей комнате трехкомнатной квартиры в степном и пыльном городке. Ночь. Тишина. Родители безмятежно храпят за стеной во тьме ночной. Не спится лишь ему: какие-то странные чувства и ощущения обуревают молодого человека, склонившегося над раскрытым ровно посередине толстым русско-английским словарём... Но это не всё ещё.

Перед ним - лист бумаги в клеточку, и на нём он тщательно и с большим пристрастием чёрной шариковой ручкой вычерчивает на нём вычурный крест ... Фигура чем-то напоминает трефу, то есть не прямоугольник, а квадрат, как рисуют эту чёрную карточную масть ...

Мало-помалу всё большее волнение охватывает его. «Какой неприятный этот рисунок, и я не понимаю, зачем я его нарисовал! Его срочно нужно ликвидировать!» - подумал он. Словно подслушав его мысли, крест выгибается своей серёдкой кверху с бумажной плоскости, и его горизонтальная крестовина приходит в судорожное движение

- Нет, нет, - заверещала графическая уродина. - Ты сам нарисовал меня! ты ...ты ... ты ... Ты и только ты!

И тогда он с бешено забившимся сердцем конвульсивно схватил листочек с ожившей жутью за краешек, и побежал к окну, чтобы выбросить кошмар на улицу через форточку ... Форточка высоко, он размахивается - а эта жуткая трефа внезапно полностью отделяется от бумаги (Это же ведь сон?!), бумага улетает вверх, а крест плывёт ко мне, а я, застыв как парализованный, смотрю с ужасом на приближающийся чёрный знак, но сделать ничего против не могу. «И зачем я только нарисовал ЭТО?!» - но не могу - и не могу даже пошевелиться ...

Трефа властно приближается вплотную...

Ложится мне на грудь, и затем медленно, но неудержимо вдавливается в моё тело.

Никакой боли я не чувствую, только панический ужас...

В следующее мгновение с какой бессильной тревогой я смотрю на свою голую грудь - а на ней ничего нет, никакого креста, - и где же? - но внутренним взором я вдруг понимаю, что крест нарисовался у меня на спине, болтается там на тонюсеньком черном шнурочке ... Это даже не шнурок, это волос брюнетки, в любую секунду готовый порваться. «Почему на спине? - подумал он, отходя от кошмарного страха.- Крест ведь носят на груди?!» - и вот на этой волне сновиденческого недоумения он проснулся, стараясь осознать где - пока понял, что он в гостях в столице, но яростную музыки Большого Города уже слушал дружный храп своих ближайших родственников, а не отца с матерью как это было в кошмарном сне. Старший Брат храпел раскатисто и с перерывами, Фотинья - мелко, но непрерывно, и с каким-то совершенно непонятным скрипом.

Естественно, первым делом он подумал, что это зловещий сон связан каким-то чудесным образом со знакомством с Верой, но запомнившийся крепко знак — крест находится именно на одном-единственном «волосе брюнетки» - ему показалось, что кошмар всё же совершенно ... Ему снились разные сны, часть из них он записывал для тренировки руки и воображения...

Засыпая во второй раз, он как оглушенный и оглоушенный проваливался в очередную чёрную пустоту, и одной из последних его мыслей было то, что завтра он обязательно поедет в мострансагенство, чтобы купить билет на поезд домой.

Ну их всех нафик!

Он так устал ... Скорее домой! Эта мысль его окончательно успокоила, и он моментально заснул уже сном младенца.

X* X* X*

А если жизнь есть сон, а сон—это жизнь, то нужен ли мне такой кошмарный сон или кошмарная жизнь? Фу, чёрт запутался... Давай ещё разок:

Жизнь = это сон

Тогда сон = это жизнь

Сон у меня кошмарный

И зачем мне кошмарная жизнь? Не проще ли сразу проснуться?..

Фу, чёрт, опять запутался

X* X* X*

Он не ожидал такого наезда — что-то тут было не так. Тго прошлогодние кульбиты не проходили с таким ажиотажем... Интеернос о чём шушукались Фотиня с ним на кухне перед наездом. Обычно он не придавал значения.

Что-то произошло...

Но что именно произошло он понять не мог...

Обстановка накалялась надо было рвать когти...

Глава истерическая и эзотерическая. Ботаник в Ботаническом Заду: предыстория...

Пока в столице нашей Родины — городе-герое Москве — наш герой спит сном ленивца и младенца в одном лице, самое время рассказать его долгую предысторию личной жизни вкратце. Одновременно здесь аффторм хлебнёт капельку йаду и пользуясь случаем — раскрою маленький секретик творческого процесса, - казнь египетская! - так и быть.

Итак, моя прелесть, Я на предыдущем слушании сообщал процессуально, что тут наш герой тупо и неактивно как-то провёл свой визит в качестве жениха у невесты...

... Подожди, это же имеет своё название какое-то: это ведь не визит, а смотрины, витрины, картины... Ну ладно — как бы оно не называется... Всё равно!

На этом торжественном мероприятии в узком кругу наше чувырло в перьях вело себя не совсем правильно, а может быть и совсем неправильно. И вообще он не старался понравиться потенциальной невесте в голубом халатике, которому так не хватало синего платочка сверху... он не говорил никаких комплиментов, и - даже отчасти вёл себя так, как будто он не понимал, зачем он сюда приехал. То есть он не предстал ухажёром, ни тем более женихом. Кстати, это был у него действительно какой-то ступор, и он не забыл того, чего не знал - о чём с ней разговаривать.

Молчал он, молчала она.

Почему?

Остальные молча присутствовали при этом молчании.

Почему??

Это было вызвано тем, что ...

. . . Дни сменялись неделями, недели быстренько складывались в месяца, и год летел за годом как ракета. Отслужена армия, закончен, наконец, заочно институт, или университет – ну что-то в этом роде, растолстела трудовая книжка, поменяно с десяток работ: рабочий цеха безалкогольных напитков, грузчик, доставщик телеграмм, лаборант, учитель, газетчик, снова—педагог: Да ещё в разных местах одного и того же Райцентра.

За всем этим калейдоскопом наш герой и не заметил, как ему исполнилось ровно тридцать, и чётко обозначились первые ранние залысины на лбу - признак предстоящего скорого угасания умственных, а заодно и физических сил. Но зато это заметили его родители и стали серьёзно паниковать: они уразумели, что имеют все шансы остаться с носом, сиречь с сыном, но без внучат.

И однажды ясным летним полднем мать решительно вошла в его отдельную комнату:

- Сынок! Я хочу с тобой серьёзно поговорить ... Мы с папой уже немолоды, очень даже немолоды ... Декорации могут меняться очень быстро - ты понимаешь о чём я? – матушка волновалась и необычные для неё злые нотки проскальзывали в её добром голосе. Она долго готовилась в надежде быть очень убедительной. Или — хотя бы просто услышанной...

Мамкино слово про «декорации» он запомнил на всю жизнь; оно было родом, по моему, из четвёртого сна Веры Павловны из романа Чернышевского; и тогда эти декорации менялись даже чересчур быстро: Брежнев сменил Андропов, его стремительно заменил Черненко, и вот уже молниеносно — Горбачёв подмахивал ручкой всему советскому народу, но чтобы применить эти слова «смена декораций» к своей личной жизни, наш герой не задумывался... В конце концов, личная жизнь—это ведь не политический анекдот в лицах, не правда ли...

...с настоящим предложением - познакомиться.

- Да, мам, я понимаю, я всё понимаю ... – поспешно вздохнул он и посмотрел в окно на полоску горизонта. — Но ты — о чём конкретно?

Спрашивая это, наш герой немножко врал. Одно только слово «серьёзно» сразу же

дало ему знать о чём пойдёт речь, потому что всё остальное для его родителей было — несерьёзно...

Здесь, конечно, не мешало бы задуматься: и почему это то, что важно для родителей, ихним детишкам кажется несерьёзным, а то, что является главным в жизни детей, даже взрослых, их родителям кажется каким-то пустяком?...

X* X* X*

Однако, будучи человеком отчасти и временами деликатным, он не хотел сильно травмировать своих родителей абсолютным отказом. Точнее он понимал, что его - **НЕТ ВОЙНЕ В АФГАНИСТАНЕ!** – переполненное диссидентской гордыней и антисоветской мизантропией создаст конфликтную ситуацию, которая по большому счёту ему в его семье была не нужна:

«Почему батя и матушка любят меня так чересчур? - наш герой не раз и не два задумывался над этим, много и пустопорожне размышляя на досуге. - Когда меня забрали в армию, батя плакал, а мой сводный брат был рад, хотя и тщательно скрывал свою радость ...Ну и как я им скажу, что никогда не женюсь?!» - это рассказывала ему мать, но он охотно верил ей, поскольку это полностью совпадало с его понятиями о жизни как она есть, да и действительно батя мог плакать ...

Да в чём проблема? ради них, я хоть сто раз познакомлюсь, хоть тысячу...

- Хорошо, мам, - согласился он. – Давай. Давай попробуем. Кто знает... Может быть, действительно Ещё Не Вечер...

Вот так вот между этой Сциллой вечного холостяка и той Харибдой брака по расчёту он выбрал следующий компромисс, который, как ему надеялось, позволит проскочить в светлое будущее всего человечества без третьей термоядерной войны:

«Они просто-напросто сами должны убедиться, что это не я сам не хочу жениться, а просто сама жизнь моя так складывается, что семьи у меня никогда не будет никогда».

Между тем жаркое солнце уже почти ушло из его комнаты, и только на подоконнике оставались яркие параллелепипеда отпечатки: позади Москва! Судьба вроде как велела обустраиваться в двоуродном Райцентре, родной Дрисне...

Кругом так много девушек хороших ... Вот например, Света Г* ... Как много ласковых имён ... Солнышко, зайныка моя, Котёночек дорогой, цветочек аленький...

Нет, убеждать никого не надо было

Никогда.

- Хорошо, мам, - согласился он.

Это надо было видеть как обрадовалась его матушка! И в то же время спохватившись, продолжая улыбаться восторженно, осторожно она обронила:

- Но для этого надо приложить усилия...

X* X* X*

Продолжение нашего разговора с матушкой.

- понимаешь, сынок, не всегда так гладко в жизни получается, как хочется... Не обязательно любовь... Любовь — это на самом деле редко... Очень редко...

Матушка невесело вздохнула.

- Ну да мам, ты ещё про капусту расскажи... Так где это там детишек находят?...

Матушка невесело хохотнула

- А ещё лучше—про пчёлок... или пестики и тычинки, как там у Чапека... - продолжил наш герой иронизировать.— И так, мамуля, откуда я взялся?.. Вот ты приехала с Белоруссии, а я откуда взялся?..

X* X* X*

«Из Неотправленных Писем Провинциала. Копия: Старшему Брату: 13.07.1987.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ.

Что такое Перестройка? Не есть ли это динамический застой?

Статика застоя Брежневской Эпохи сменилась динамикой. Это как болото.

Разве исчезнет болото, если начать энергично помешивать застоявшуюся зелёную воду и коричневую тину в нём?

Нет. Наоборот — все процессы гниения и разложения только усилятся. Смерть будет в тысячу раз сильнее, но это не отменит процессов гниения:

Спасти наше общество может только проточная вода, посторонний источник:

Не в этом ли разгадка?...

X* X* X*

Учительница истории П*ская (я не буду говорить здесь ни «царствие ей небесное», ни «пусть земля будет ей пухом» , потому что большинство, громадное большинство прототипов моих героев и героинь уже спят вечным сном в земле сырой, и мне придётся к абсолютно каждому персонажу моей жабьей оперы добавлять эти благочестивые слова) неожиданно приняла близко к сердцу беду его родителей и согласилась сыграть роль свахи; она была очень компанейская (говоря современным «аглицким» стилем - ком-м-муникабельная) пенсионерка, приятная во всех отношениях, и продолжала общаться со своими многими бывшими ученицами, и даже неученицами тоже. Поэтому и знала целый ряд тех, кто оставался старыми девами, - одинокими, не замужними. В общем, теми, у кого по тем или иным причинам не складывалась личная судьба. И не исключено, что некоторые думали примерно также как и наш герой: «я не сама не хочу выходить замуж, а просто сама жизнь моя так складывается, что семьи у меня никогда не будет никогда; вокруг—одни крокодилы, козлы, уроды...»

«Историчка» созванивалась:

- Такой хороший парень пропадает: не пьёт, не курит, обеспеченная семья: трёхкомнатная квартира в Дрисне, машина, гараж, дача (второй дом) на полустанке Тихий Омут...

...и если они не возражали, то - сводила нашего героя с девушками. Он, под печальными и отчасти суровыми взглядами провожавших и встречавших родителей, совершенно не думал, что какое-то из этих судьбоносных свиданий станет поворотным пунктом его личной карьеры. Не столько даже не надеялся, сколько не задумывался об этом. Станет — станет, не станет — да и ладно. В их семейном лексиконе появилось новое слово:

- Я на свиданку, мам, - торжественно сообщал наш герой и уходил на так называемую «свиданку».

Пошла череда знакомств, точнее встреч и очень быстрых расставаний, - даже знакомствами-то это как-то не назовёшь. За два года с небольшим - таким образом, наш герой «познакомился» с 10 или 12 девушками примерно в его возрасте или чуток постарше.

Где-то всё сразу заканчивалось после первой же встречи, и либо он сам мотивированно отказывался от продолжения встреч, либо ему передавали «досвидос» по телефону через сваху; где-то молодые ходили в кино несколько раз, где-то бродили по колхозному яблочному саду; была еще молоденькая, первый год из пединститута учительница немецкого языка, которую попросил перевести главку из немецкого учебника по дзюдо, и еще ... Но всё упорно и упрямо заканчивалось ничем и ничуть. В смысле главку она перевела, но дальше этого дело не пошло - она фыркнула.

«А чего ты на меня фыркаешь? Я тебе ещё никто и звать меня никак!»

- Дурак! - саркастически прохрипел внутренний голос. – Дурак звать тебя! А не Никак...

- Ты сильно умный? - парировал он ему в ответ холодно и равнодушно — Не надо на меня фыркать!!»...

Так что, в принципе, его прогноз «вечного холостяка» относительно самого себя оправдывался на глазах сам собой.

и я продемонстрировал им: милые папа и мама - это действительно так, сама жизнь не оставляет мне надежды на семейную жизнь

По прошествии некоторого времени потенциальные невесты слились все у нашего героя на одно лицо: волевое, мужественное, знающее себе свою высокую цену, смотревшее на него с каким-то совершенно непонятным ему ожиданием - ожиданием от него чего-то такого...

И ему показалось, что ОН сразу понял, почему они не выходят замуж—у них действительно такой характер, который обрекает их на мужественное одиночество... нет, не эгоистики. Эгоистики как раз достаточно быстро находят среди мужиков тьюфяков и зажимают их под ноготь, затем благополучно создают семью держа благоверных под каблуком до могильной ямы... Как раз здесь проблем нет. Но это — был его диагноз по принципу: чужую беду руками разведу...

А почему у него не получалось создать семью? Что ему мешало?

- Звонила Галина Алексеевна, - после одной из встреч сказала ему матушка.—она просит передать тебе, что все девушки говорят — ты слишком серьёзный молодой человек... Она советует быть тебе с ними попроще...

- Серьёзный? Мам, но и намерения у меня самые серьёзные... Я же не предлагаю переспать в кустах?! - наш герой пожал плечами.

- Галина Алексеевна просит, чтобы ты меньше времени уделял рассказу о той диссертации по идеологической литературе, которую ты пишешь в свободное от работы время...

«Кроме того, - подумал он, но по своему обыкновению не сказал— трёхкомнатная квартира в Дрисне, машина, гараж, дача на полустанке Тихий Омут... Тут не до смеха! Какие ещё шуточки могут быть?!

- А о чём ещё говорить?

- ну о снах... о книгах... о любимых фильмах...

- А я не по погоде одет, - продолжил он, - и бес попутал меня крикнуть привет...

- А при чём тут это? - матушка впервые посмотрела на любимого сына как на сумасшедшего — с испугом. Она ещё не знала этой песни, только-только входившей в мадУ..

- Ну, будь здорова!.. - завершил наш герой к вящему своему удовольствию... - Корова!

На таком относительно пресном фоне, исключением, пожалуй, стало - этот случай с аптекаршей, который его здорово позабавил.

Впрочем.

Именно там, на его взгляд, впервые явственно проступило что-то абсолютно непонятное и совершенно неправильное. Как бы одна громадная оговорочка по Фрейдю. Или сон наяву.

До сих пор жизнь была более или менее понятна и достаточно прямолинейная штука — как бы одно сплошное бодрствование безо всяких сновидений. Или так ему казалось...

X* X* X*

Дело было в октябре. Остатки осеннего пожара еще полыхали желтыми и багровыми пятнами на деревьях, но большая часть его под влиянием ветра и дождей уже свалилась под ноги прохожих и колёса транспорта.

И напрасно его девушка ждала в платье тёмно-синем...

А тут он впервые задумается кое о чём. Впрочем, не будем забегать вперёд.

Поначалу всё было как всегда: по наводке Галины П* он зашел в аптеку на углу по пути в библиотеку, регулярным читателем которой он являлся, мешая библиотечаршам отдыхать на ихней тяжёлой работе.

До закрытия аптеки оставалось тоже с час. В та поры вышло какое-то Постановление ЦК КПСС и Советского Правительства, которое заставило все предприятия obsługi работать до восьми вечера на пользу советских трудящихся.

Дверь оказалась массивная, глухая и скрипучая вдобавок; открывалась она с большим трудом, И как только пенсионеры её открывали? Ничего: выздороветь захочешь – откроешь.

За прилавком среди стеклянных витрин в человеческий рост, усеянных прямоугольными коробочками с таблетками и испещрённых круглыми пузырьками и шарообразными бутылочками, стояла плотная брюнетка. На её лице с круглыми черными глазами особо выделялся слегка крупноватый серповидный нос... Нашему герою одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять — это она.

Он взглянул ещё раз уже прямо и нелицеприятно и — слегка охнул: «Ятаган!» - слово пришло мгновенно, как выстрел...

...Вторая продавщица, появившаяся в этот момент из двери служебного помещения, или какой-то еще работник тоже в белом халате, может провизорша: она была старая и, естественно, не котировалась. Не она.

Нет, невеста не была безобразная. Не была она тем более уродливой. Просто лицо было негармоничным, каким-то не совсем правильным.

С первого взгляда лицо с таким носом — её лицо было не то чтобы дикое, то ли злое, - но какое-то специфическое. Я думаю, даже улыбка — вряд ли она его покрасила бы сильно.

Я думаю, что и она сама понимала, что улыбка ей не к лицу; когда меня через десять лет прихватила простуда с простатитом, я несколько раз навещался в эту аптеку и ни разу не видел улыбки на её лице...

Наш герой присвистнул — в душе, разумеется. До сих пор все потенциальные невесты по внешности были более или менее гладкие и нормальные, а Света — даже красавица, природная блондинка, одна фигурка — загляденье...

Неудивительно, что эта девушка оставалась холостячкой, - подумал он с невольной жалостью, - с таким лицом:

- : - - : - - : - Впрочем, особо рассусоливать времени не было — надо было знакомиться.

Так что его это ничуть не смутило, а наоборот как бы обнадежило. В конце концов Квазимодо по слухам обладал очень добротным ангельским характером, да и с лица не воду пить, - гласит старинная наша поговорка. Главное — нрав! После первого же взгляда жениху стало невесту как-то жалко: «Бойтесь первых чувств — они не только самые благородные, но и самые неблагодарные» - кто это сказал первый?

- Здравсьте, - сказал он ей участливо, как врач пациенту, сделал попытку слегка заглянуть в круглые холодные глаза и сразу же отвёл их в сторону и, немножко потеряв дар речи, забыл представиться.

- Здравствуйте, - невозмутимо ответила девушка. - Слушаю вас.

В глаза ему бросились красивые золотые часики в обрамлении золотистого браслетика почему-то на правой руке «красавицы» ...

- Я сейчас отнесу книжки в библиотеку, - заторопился сообщить он ей как уже совершенно старой знакомой, - а на обратном пути зайду и провожу вас додому, ладненько?! Там по пути и поговорим!

«Как же её зовут, чёрт возьми? Надо было бы у неё спросить сразу, ну да ладно — потом! Потом познакомимся - по имени и отчеству:» - подумал он.

Девушка ничего не ответила. На её лице ничего не изменилось, но даже если бы и изменилось, то он бы ничего не заметил, потому что уже на неё и не смотрел...

Восприняв последовавшее её невозмутимое молчание как знак согласия, наш герой выдавил из себя поощрительную улыбку идиота, развернулся и побежал по своим делам: в библиотеке надо было еще успеть просмотреть свежую прессу начинавшейся перестройки за неделю. Ему так хотелось ей подмигнуть: мол, не переживай, всё будет нормально. Но он этого мимического жеста почему-то не сделал... Закрывая дверь со скрипом, наш герой оглянулся напоследок через плечо ещё разок и — ему даже показалось, что невеста слегка кивнула ему...

«Интересненько!» - подумал он.

На осенней улице смеркалось. Серая синева смягчала твёрдые грани окружающего мира: дома, деревья, припаркованные там и сям жигули и запорожцы, даже колдобины и ухабы на дороге тонули уже в тенях и полутьме? Но уличные фонари не спешили зажечься.

Сидя в библиотеке, он ненароком вспоминал новую протезу, и в его душе зашевелилось ощущение, что вот тут-то что-то может и получиться. Такое ощущение возникло впервые за год череды знакомств. Подсознание редко, но метко обманывало его. «Позорская кажется говорила, что она живёт где-то за линией, - политика впервые не полезла в его мозговые извилины, в место неё внедрялись какие-то пустяки, - если она станет жить у нас, она сможет ходить на работу пешком... Ей это будет очень выгодно!»

И настроение у него стало какое-то приподнятое, даже отчасти — радостное: газетные листы уже не переворачивались, не токмо тексты, но и заголовки уже не читались... Напал какой-то ступор. Что и говорить — впервые из всех нашлась девушка, которая сильно заинтересовала его... «Интересненько!»

Наш герой уже представлял как скажет ей наедине покровительственно, растопырив пальцы веером и распутив соплишки пузырьчиком:

- Я же не ... не Иван-Царевич, и твою жабыю шкурку бросать в печку не собираюсь...

И млел от величия собственного великодушия, совершенно не задумываясь о том, как потенциальная невеста воспримет эти его слова и что она может ответить на это...

- Любви захотели ... ? Как же-с! Вот вам — а не любви! - асаргадодонически закашлялся хрипатый.— Дружбы с вас будет достаточно

- Ну ты! Раскаркался! - попытался заткнуть свой внутренний голос. — Всех собак в округе распугаешь? Может быть даже и дружба будет— интересненько!

- Разве чёрная ворона сможет когда-нибудь подружиться с белой?

X* X* X*

Глава шестая. Что делать? А ты записался в добровольцы?

Выйдя из библиотеки, я вдохнул полной грудью, вдохнул так и хотелось бы написать свежий воздух СССР — я другой такой страны не знаю, где так вольно... Но какой-то дымок всё-таки чувствовался в осеннем воздухе. В «Индии», которая вальяжно разлеглась направо, всю жгли костры из опавшей листвы на приусадебных участках. Зажглись уличные фонари, ихние бледно-жёлтые огоньки цепочкой протянулись вдоль улицы 26 бакинских комиссаров.

А ещё он ей - этому Ятагану! - скажет:

- Не родись красивой, а родись счастливой! - вот, даже сейчас он ей обязательно скажет...

Итак, впереди была победа... ещё ни на одной из встреч он не испытывал такой ажитации и предстартового волнения...

Рассчитав свой маршрут с точностью до минуты, он ровно за пять минут до закрытия аптеки в восемь часов ноль-ноль по московскому времени, открыл глухую дверь снова. Казалось, ничего не изменилось хотя прошло с полтора часа времени: за прилавком по-прежнему в той же самой каменной позе стояла невеста, даже показалось, что она ни на миллиметр не сдвинулась — в том же самом месте она застыла в ожидании его прихода, а в углу над горизонтальной витриной сгорбился какой-то припозднившийся покупатель. Наш герой опять улыбнулся ей, но уже деловитой улыбкой великодушного согласия на matrimониальные переговоры:

Но тут - не успев даже раскрыть рта — нет, рот он, наверное, всё-таки раскрыл - события вокруг него пошли наперекосяк его планам и проектам и даже некоторым странным образом. Впрочем, предоставим ему самому — его слово:

X* X* X*

Из matrimониального фольклора:

- Поручик Ржевский, как вам удаётся так легко и быстро покорять женские

сердца?

- **А что тут сложного? Приглашаю даму на вальс и говорю на ушко: «Сударыня, разрешите вам впердолить!»**

- **Пор-р-ручик!? Так можно и по морде заработать!**

- **Можно и — по морде, а можно и — впердолить...**

X* X* X*

- Вот этот! - И вместо того, чтобы улыбнуться в ответ и привет моей улыбке, будущая невеста указательным пальцем левой руки (она была действительно левша! Как я потом узнал...) ткнула в меня, совсем как герой плаката: «А ты записался красноармейцем?» — «Нет!» — вскричала его душа, как будто это не палец уставился в него, а пистолет — пистолетный выстрел... пистолетный выстрел. — Спасибо за предложение стать миллионером! Я уже отдал свой долг Родине— зачем мне эта бизнес-Красная Армия ещё раз?»

Причём этот символический пистолетик она не опускала, держа меня на его прицеле, пока случайный покупатель не обернулся и выпрямившись из угла вальсяжной походкой не двинулся ко мне. Его лицо каким-то чудным образом напоминало лицо этой девушки за прилавком: такие же круглые, но гораздо более остервенелые и безжалостные глаза... Покупатель оказался амбалом выше меня на голову и косая сажень в плечах: Но мне уже стало не до гинекологического осмотра:

— Вот он!! - с каким-то необыкновенным удовольствием смачно выкрикнула аптекарша. Таким голосом и тоном обычно кричат: «Держи вора!»

- А в чём дело? – слегка нараспев, но настолько злобным голосом, что никаких сомнений в зубодробительных намерениях этого слегка припозднившегося покупателя у меня не возникло :

Я совершенно не помню, как я стремглав открыл весьма тугую дверь:

Я не помню как я вылетел из аптеки – наверное, в аккурат как на Новый год вылетает пробка из бутылки с шампанским. Если Гарун бежал быстрее лани, то в этот момент я бежал, безусловно быстрее чем этот всемирно известный литературный герой нашего времени, и вполне возможно, поставил мировой рекорд в беге на пятьсот метров, - километр я, конечно, не осилил.

Опомнился я только и только лишь в конце улицы 26 Бакинских Комиссаров, когда завернул за угол забора детского садика. Задохнувшись я остановился и опасно оглянулся из-за углового заборного столба: по ней только три бродячие собаки гуськом друг за другом удалялись от него: у них, наверное, была «шведская семья»...

И только тут, когда я понял, что меня не стали догонять. Меня объял истерический смех. Отсмеявшись минут пять, до слёз в глазах, я воскликнул вслух:

- Вот это да! Вот это знакомство так знакомство! Век не забуду! - воскликнул я, снова и снова вспоминая морду амбала с приподнятой верхней губой, открывшей ощерившиеся жёлтые зубы...

X* X* X*

Медленным шагом, тяжело дыша и со всё ещё гулко стучащим сердцем, наш герой побрел домой. Мать смотрела телевизор, где комиссар Каттанья отчаянно боксировал ногами со многими мафиози по-итальянски, но наш герой путая свой голос с голосом героев какого-то советского фильма о подводной лодке в степях Украины сразу же с порога рассказал ей о случившемся.

Комиссар Катанья наверняка укатался бы со смеху, но у матушки не возникло ни даже намёка на улыбку. И лицо у неё стало какое-то ну очень грустное...

Как это бывает с людьми, когда опасность оказалась позади них, настроение у него было весёлое, и все доводы матушки, что надо было сослаться на сваху и разъяснить си-

туацию, а не бежать с рандеву как последний трус и первый паникёр— наш герой улыбался блаженной улыбкой идиота.

Она сразу же позвонила П* и услышала примерно то, что и ожидала услышать:

- Ой, Галенька, а я же забыла её предупредить! Ой, какая же я склерозная старуха стала! Галенька, она же не знала ничегошеньки, поэтому всё так и получилось. Пусть сын не обижается на эту девочку: это я во всём виновата!

«Ятаган» снабжала Галину Алексеевну, свою любимую учительницу, дефицитными импортными лекарствами...

Наш герой, присутствовавший поодаль при этом телефонном разговоре сбоку, поспешил сообщить своё горбатое слово:

- Да нет, ничуть не обижаюсь — смешно всё это просто : Глупо и смешно.

Н-да, глупо и смешно наш устроен мир, сердце любит...

Нет, напрасно всё-таки девушка ждала у подъезда в платье тёмно-синем...

Через несколько дней сваха снова позвонила, что аптекарша — девушка тоже пугливая (я бы не сказал!), восприняла жениха, как неадекватного, как раз в то время в Дрисне появились первые наркоманы (а это была АПТЕКА = одно слово, ласкающее наркоманам слух, как сто грамм души алкашей: кодеин, уротропин, этаминал... Тогда в этом ещё мало кто понимал!) но сейчас с ней всё нормально, тогда она просто позвонила своему двоюродному брату и попросила его подстраховать от «чокнутого». но сейчас с ней всё нормально...

Всё будет нормально...

В общем, аптекарша ждёт, чтобы вместе посмеяться... В общем, ей тоже очень смешно.

Но ещё долго эта глухая дверь под большой вывеской с большими буквами АПТЕКА по пути в библиотеку вызывала у нашего героя специфическое содрогание и тянущую боль внизу живота.

- Пусть он приходит еще!

- Да нет. С меня хватит и одного раза. Вы уж извините великодушно.

Да, действительно, это было нелепое своей ярко выраженной случайностью стечение обстоятельств.

Да, действительно, П* замоталась и забыла предупредить.

Но ему за всей этой случайностью вдруг почудилось чьё-то явственное вмешательство - ЧУЖОЕ решение. И я ...

Он обращал внимание на то, что большинство других сочли бы мелочью или досадным пустяком— Ведь достаточно было какого-то пустяка, взгляда, слова? Слова или даже просто мычания, чтобы ситуация сразу разъяснилась на месте, но оно не промычалось ни с его стороны, ни с её...

«Интересненько!»

Значит какая-то сила запечатала ей рот, значит какая-то воля смутила его и заставила лепетать какой-то вздор: Да , конечно, Позорская была права — надо было: Но он поступил по-другому — «и не мог себе объяснить, почему я поступил именно так, а не иначе:»

Пережёвывая тот момент, он был уверен, что подходя к аптеке, он точно помнил, что он хотел произнести пароль: Нет, нет, не — «Сим-сим, откройся!» - это было бы чересчур и слишком рано - он намеревался сказать:

- Здравствуйте, вы извините, я — от Позорской!

Почему он этого не сказал? Почему взглянув на невесту, наше герой произнёс совершенно другое...

Подумав, он с ним согласился — с ЧУЖИМ. **(Здесь имеется в виду чужое решение. То есть решение не его лично, не ПрозорЛовской, не аптекарши тем более, он воспринял его как ЧУЖОЕ решение - нечеловеческое ... Уже к тому времени он начал догадываться, что обстоятельства производятся на свет двумя путями: чело-**

веческими поступками, и нечеловеческими обстоятельствами, которые складываются не по воле людей, а ...)

«Пусть будет всё - так как есть, - размышлял он. - И если это — судьба и карьера, то почему я должен с ней спорить?! Логично? Вторая попытка мне ни к чему. У меня нет ни времени, ни сил, ни энергии, ни—даже! - желаний с кем-то или с чем-то бороться за кого-то. А тем более противостоять судьбе, где суженного и на коне не объедешь. Естественно, об этом я никому - ни полслова: хватит с меня того ...

Не родись красивой, а родись счастливой?..

Разве можно бороться со стечением обстоятельств? Сапоги всегда были, есть и будут выше Шекспира» .

Бороться, конечно, нельзя, можно попробовать предугадать - это стечение обстоятельств...

X* X* X*

Естественно, что после такого весьма негативного опыта свиданий и знакомств попусту, наш герой твёрдо поставил на себе крест в качестве жениха, пришёл к безапелляционному выводу о полной своей несъедобности для семейной жизни и обречённости на вечное холостячество.

«Во мне есть нечто такое, что никогда не даст мне возможности создать основную ячейку советского общества и решить евойную демографическую проблему по существу вопроса» - безо всякого сожаления и с некоей даже гордыней кокетливо констатировал он; проконстатировал и успокоился.

Нота бене. Забыл упомянуть музыкантшу с нотами подмышкой, она чудесно играла на рояли ... Или на баяне — восхитительно ... Он так толком и не понял насчёт музыкального инструмента, но не в этом суть - в принципе, все они были понятны ему, хотя и были они - разные; объединяло их, впрочем, то, что все они, как ему казалось, были волевыми, мужественными, достаточно себялюбивыми девушками, с характером, что называется...

Им не нужен был первый попавшийся алкаголик... : Это тоже, наверное, могла быть важная нота в его жизни, но он — её не расслышал, поскольку медведь на ухо наступил...

X* X* X*

Просто со школы одни уроды попадались. Точнее, относились они ко мне убожески. Даже не как к девушке, а как к человеку. Никто мне портфели не носил и за меня не дрался. По голове, вот, учебниками лупили, пинать-пинали, обзывали и унижали, а вот так, чтоб по человечески-нет, просто потому, что я-слабже, да и безответная.

X* X* X*

Вместе с тем наблюдения за потенциальными невестами привели его и к другому выводу - к тому, что сделать вывод, что именно такой характер мешал девушкам с характером выйти замуж за нашего положительного персонажа, я не стал бы так категорично ... Семья, домашний очаг, дети — всё это было чертовски важно для них, но — но все они как-то замирали в горделивом ожидании и ждали от него чего-то такого, чего он толком не знал, а врать ему, видите ли, не хотелось...

...- Я стесняюсь, - сказала она, максимально широко расставляя ноги... - Я тебе говорила, одинокая старушка у нас по соседству сдаёт летнюю кухню совершенно недорого. Просто надо присматривать за ней, а так есть всё—газ, отопление, вода проведена...

С большим удивлением он вылупил глаза на - .-.=..-.— - .-.=..-.—

- А тут я как актриса на сцене, - продолжила она безо всякого смущения.— Они всё время смотрят за мной, что я делаю, слушают, что я говорю и вообще—две хозяйки на одной кухне—это хуже всего, хуже нет... Снимем летнюю кухню и проживём одни—без

лишних глаз...

- Мне кажется, это пройдёт, и ты привыкнешь - откашлявшись сказал он, - просто надо немного потерпеть. Христос терпел и нам велел.

- Христос твой—бог, а мы не боги, и нам терпеть нечего и—незачем...

В голову к нашему герою сама собой полезла вот такая сцена из ненаписанного произведения о его герое и его героине, очень похожей на Ятаган... Он помотал головой, стараясь освободиться от навязчивого видения-привидения...

Как оно называется?

- его заглавие : «**Роди меня обратно, мама!**»

Неведомая сила вырывала его неумолимо и бесповоротно от родительской семьи; какими-то остатками своего разума он это понимал и всячески сопротивлялся этому в реале, но в фантазии—процесс пошёл...

ПРИМЕЧАНИЕ №1 к Главе истерической и эзотерической

GalMix писал(а):

Скачала.Распечатаю и потихоньку начну читать вашу повесть.

Ну-у нет, однако — какое превосходное у вас чувство юмора, уважаемая GalMix! От него возникает ощущение того гусара, который сел на Иголку в Гусарской Балладе (фильм) — что он там и тогда сказал?!

О! Эти железные изделия для кройки и шитья, они преследуют меня даже в моём Чёрном Остатке...

... но мне кажется, вы всё же погорячились!.. Скоропалительно потратив бумагу и картридж на неокончательный вариант, Вы рискуете прочитать не совсем то и не совсем так; ведь моё скорбное и горестное повествование, кусочками появляющееся на Дамском Клубе, благодаря и мне самому шлифовкой — а также вопросам и советам Тани Тайнинской, Ольги Деви, Elle Anisoga - а я думаю, что к ним вскоре присоединится ещё кое-кто — оно начинает меняться просто на глазах! А может поменяться и совсем... И вдруг вы - представьте себе! - не прочтёте самого главного!? Того самого, что я местами заменяю — точками, запятыми, тире и слэшами, флэшами — ну этими «косыми»...

А ещё: не загадывая — я предполагаю включить часть комментариев, которые обязательно появятся здесь при выкладке на страничках Дамского клуба — смелее, Пётр Казимирович! - предполагаю включить в окончательный текст Повести (форма текста с комментариями опробована одним из первых, если не ошибаюсь, Поповым...). Ну как? - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - \ - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - \ - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - \

так что призываю не торопиться, охота вам довольствоваться неокончательным текстом Повести?! Лучше присоединяйтесь к нам, и будем творить вместе!

Глава пятая.**Ботаник в Ботаническом Аду: никуда не денешься...**

Он посмотрел на свою толстушку-рукопись. Она была готова, причём не только готова, но и напечатана на пишущей машинке собственноручно в двух экземплярах – второй под копирку оставался дома. Он ещё не решил в каком из толстых литературно-художественных журналов столичных ждуть его с распростёртыми объятиями, но билет на вечерний поезд в Москву был уже куплен загодя.

Но тут как нельзя некстати – ему по благу великому достали Сартра, и он вынужден был читать нобелевского лауреата, принесённого матушкой, почти всю ночь, заснул только под утро

Сартр был таковский писатель: то ли советчик, то ли антисоветчик, но во всяком случае тёмная лошадка. Чёрт его не поймёт! Не только чёрт, но даже Литературные Генералы всех Старых и Новых площадей в баснословное время не могли окончательно определиться в отношении к нему.

К экзистенциализму в те времена сам он относился тоже неоднозначно.

- Впрочем, всё это враньё, - с напускной важностью сообщил ему внутренний голос.

- Нет, и ещё раз нет, - возразил он Любителю чая в обмен на гибель всего человечества, - не всё там враньё, там что-то есть ...

- Ну это легче всего сказать, что что-то есть ... - проскрипел внутренний голос слегка истерически. - Я где-то это читал - с иронией повторил он - Что-то? Где-то? Авось да небось да как-нибудь?!

- Не есть ли это возможность жизнь свою положить, чтобы узнать и понять это «ЧТО-ТО»?.. Хоть капельку из него!

- **Зачем жизнь ложить? - с издёвкой пробормотал внутренний доброжелатель и откашлялся: - что у тебе этих жизней много? Не проще ли продать душу дьяволу? И жить без Бога наслаждаясь ... Ничто не сравнится с этой жизнью, с Матильдой моей - ни в прошлом, ни тем более — в светлом будущем всего человечества, в коммунистическом обществе...**

- ..=.. - - ..=.. -

- **Это всё брехня, - упрямо повторял ему его внутренний голос.** И он устал спорить. Жизнь, - она такая се ля ви, что всё и всех расставит по своим местам. Последняя страница перевода с французского перевёрнута. Он потянулся и глянул в окно: летнее небо стремительно светлело .. На военном аэродроме натужно гудели самолёты, готовясь доставить братскую помощь братскому народу то ли Судана, то ли Сомали— в общем, что-то на букву Эс-эс...

Но глаза уже закрывались сами...

И не успел он заснуть как приснился ему серебрянно-крылый. Он только заснул, но появление белоснежного парящего существа, заставило его подняться. Оно сияло как звезды, и вместо человеческих рук и ног у него были как бы лучи света. Они переливались всеми цветами радуги ... «Похоже я окончательно схожу с ума!» - даже во сне мелькнула постоянно беспокоящая его мысль, но страха не было.

В его комнатухе призраку видимо было тесно, оно смахнуло с моего стола ... ужасный грохот мог разбудить его соседей, а уж его родителей - и подавно, но никто не вошел, ибо никому не дано видеть невидимое; никто не спросил: «Что там у тебя, сынок?» - хотя он ждал этого вопроса.

И вся келья Схимника осветилась мягким белокурым как длинные волосы кошмара - светом. Это было удивительно фееричное зрелище, и радостью наполнилась душа. 'Пиши, проклятый!' - это его неумолимое повеление пронзило моё сердце, мою душонку насквозь.

Я сполз с кровати и отчаянно заламывал руки к потолку вместо неба, а вместо солнца был багровый абажур; я становился на колени перед окном вместо иконы; я бился гладким и белым лбом о пол, грязный и заблёванный тараканами, как рыжими, так и чёрными одновременно:

- Глаголом жги сердца людей, проклятый! - призрак улыбнулся мне беззубой улыбкой; видно в детстве он, как и я, никогда не чистил зубы.

- О, Боже! За что?! За какие такие прегрешения пред тобой? Чем виноват?

- Ни за что!

- Так почему же я, подлый, - почему я, грешный и трусливый?

- Потому!

- Господи, Господи - да я же бездарен как пень трухлявый! Ты же сам прекрасно знаешь, ну какие у меня способности и таланты?!

- Никаких!

- Ну вот видишь! Помилуй меня, грешного, я так ничтожен не токмо пред лицом Твоим, но и перед лицом своих товарищей торжественно клянусь - как же я создам величайшее творение всемирной человеческой истории – Учебник Жизни - книгу на все времена и все народы? И пусть покарает меня ...

- DYR SHCHAK BVAELIUN AGKHMEDZHYZ!

- Что? Что ты сказал, Господи? Я не понял!.. Повтори, пожалуйста!

- 3-3-3!

Он приник к самому моему виску и вдохнул в ушную раковину - .-.=-.-. - :

- Я тебе повторю, но - позже ...ещё позже ... '

- 3-3-3-3-3-зы - жужжание усиливалось и становилось невыносимым.

уюю с детства я отличался бурной мечтательностью/. Мне не нравились игры с другими детьми/. Я предпочитал одиночество/. Одиночество и чтение. ... и вот к чему это в конце концов привело!

... Наш герой проснулся в холодном поту от того что оказался не в силах понять слова. Последние Слова, адресованные лично ему. Их смысл ускользнул от него. А жаль! В тоске от своей непонятливости он проснулся - от собственной дебильности. Глянул на круглицый будильник: прошло максимум пять минут,

- будильник ему подмигнул -

а может и меньше - как он лёг. В полутёмной комнате, озарённой светом то ли полнолуния, то ли уличного фонаря - было по-прежнему пусто и тихо, и только списанная из райповской конторы полустанка Чёрный Омут пишущая машинка, но вместо свалки чудесным образом очутившаяся в его квартире, валялась на полу вверх тормашками ...

Бред какой-то!... Настоящий кошмар!...

Он точно помнил, что машинку он не ронял; более того, если она повредилась в уме или не дай Бог - разбилась то это всё! конец !! В ужасе он опустился на колени перед сочленением клавиш, пружинок и рычажков, увенчанным двумя колесиками печатной ленты... Покрышка отскочила в угол ...

- ... - -

Рано поутру он вышел из своей комнаты. Батя сопя сидел в прихожей, уже завязывая шнурки на туфлях, ещё пару минут и он бы точно опоздал попрощаться с ним перед отъездом в Москву...

- Пап, машинка моя упала - у тебя случаем мастера знакомого нет? Починить бы... пока я буду в Москве...

- Как это так она упала?

- Да тау вот: сама свалилась почему-то - я её не трогал!

- У неё что ноги есть? - батя посмотрел на него скептически, но пообещал помочь ...

X* X* X*

Теперь срочно возвращаемся в столицу, где наш герой уже проснулся...

Х* Х* Х*

Проснувшись на следующий день поздно, в одиночестве, когда Старший Брат и его жена Фотинья уже давно разбежались по своим работам, ему первым делом вспомнилось вчерашнее решение о покупке билета домой. Да, завтра же первой подвернувшейся почтовой лошадью Дыр-Артаньян отбывает в направлении противоположном Парижу. Мерси боку!

Он с ним заснул, он с ним и проснулся.

Самое любопытное (я особо подчеркну!), что в этот момент он начисто забыл о вчерашнем неудачном жениховстве, и о девушке в голубом халатике — тем более, как будто ничего и не было. Словно чья-то невидимая рука стёрла всё это из его мозговых извилин...

И неудивительно, что наш герой пришел в боевое настроение: в гостях - хорошо, а дома - лучше, значит домой, домой, домой ... которое, впрочем, значительно ухудшилось после визита на кухню - вода с хлебом только пробудила его волчий аппетит ... Значит, после Мострансагентства надо зайти ещё в какую-то пельменную, сосисочную - как же та называлась? Которая на проспекте Калинина? Дай Бог памяти!

Нет, не даёт!

Зато наш герой вспомнил другое - длиннющую очередь, которая безусловно ждала его в Мострансагентстве (прошлый раз он стоял более трёх часов). Он заторопился со всеми утренними процедурами... Но в этот момент, когда казалось уже всё позади и он готов отбыть последней ночной лошадью додому, ему вспомнились вчерашний вечер...

И сразу же потихоньку картина бытия начала усложняться—ему вспомнились слова, а точнее смысл вчерашнего выступления Старшего Брата, который ни разу до сих пор не был так крут, ни разу не наезжал на него так резво и резко, как вчера вечером.

Наш герой был в полном недоумении... Как будто на карту было поставлено что-то действительно важное.... Типа светлое будущее великой Империи Добра и Света... Или как будто корову потеряли!

Да ничего подобного!

Просто очередная осечка... Сколько их ещё будет впереди? Бог знает сколько... И из-за этого так волноваться?

Нет, тут что-то явно другое... Только вот что именно?

«А вдруг он откажет в гостеприимстве? И что тогда?» - эта шальная мысль, неизвестно откуда залетевшая в черепушку, но зато очень уместная в контексте вчерашнего наезда на него, обожгла его сердечко космическим ледяным холодом, в котором одиноко кружит осиротелая голубая планета Земля после третьей мировой войны.

Он ценил своего успешного старшего родственника не столько из-за родственных связей, который были не крепче паутинных, сколько из его местоположения столичного, куда по его проектам ему предстояло время от времени наезжать, потому что - „ - основная совокупность литературно-художественных журналов и издательств волей Всевышнего была сосредоточена именно здесь, в столице “Южной” - не путать с названием универсама или одноимённой станцией метро на семи горбах!

Писать сподручнее было в Дрисне*, степном и пыльном городишке, печататься надо было На Семи Горбах. Поэтому злить Старшего Брата до поры до времени не хотелось: ведь еще не раз ему придётся (предполагал он!) к нему заехать в гости ...

Один раз по телефону из далекого подземелья он уже услышал адский голос:

- А у него нет брата! - такой поворот винта его не устраивал.

И, рассуждая таким образом, в тот момент он совершенно не подозревал, что у Старшего Брата он гостил - в последний раз. Больше никогда в жизни этого не повторится.

Вот так вот!

Человек предполагает, а Бог располагает.

Вспомнилось вчерашнее

Но сейчас, не ведая ни сном, ни духом, ни рылом, ни ухом, о предстоящем быстром и неожиданном расставании со своим родственником, - этим летом он хотел забить клин на зиму, на будущее с тем, чтобы приехать в первопрестольную на школьные зимние каникулы: может, удастся что-то написать к тому времени, он привезёт - и он уже примерно знал, в какой журнал он понесет свой очередной душераздирающий опус под остроактуальным названием "Соседи по кладбищу не выбирают" - он хотел в полной мере использовать перестроечные ветры, подувшие из всех щелей, в том числе и из задних...

- Дурак, - как всегда сардонически прохрипел хрипатый, - прежде чем наполнить парус зловонно-сернистыми выхлопами, надо купить противогаз, или на худой конец — респиратор!

- Да где его купишь!?!..

...«Конечно, на тот случай если Старший Брат откажет», - с грустью от того, что рано или поздно всё хорошее заканчивается невовремя, подумал он: - «пора подумать о гостинице, или, на худой конец, о хозяйке (хозяйине?), у которых можно было бы снять койку... Надо начинать готовить запасной аэродром!»

Тут он ещё раз вспомнил об очереди в Мострансагентстве и наш герой заторопился; почему-то на скорую руку почистив пыльные туфли, он сбежал по лестнице, выскочил из подъезда и - остановился, как вкопанный.

Чёрная кошка (или кот?), словно только ожидавшая его выхода, из положения сидя пошла ему наперерез, вытянув хвост трубой и набирая скорость всеми четырьмя лапами сразу. «Мяу!» - явственно раздраженно пробормотало это жуткое существо вместо стандартного "Привет! Как дела!". Сзади с громким стуком хлопнулась об переплёт отпущенная от неожиданности подъездная дверь...

Как написал Ярослав на своей страничке в контакте: «иногда меня преследуют гениальные мысли, но всякий раз я оказываюсь быстрее их».

Здесь всё случилось с точностью до наоборот. Как ни рванул наш герой с места в карьер, чёрное создание, предвестник несчастья, оказалось быстрее его, завершив свой полукруг в чём-то подобии разбитого подвального окошка.

Наш герой резко затормозил перед невидимой дорожкой зловещих отпечатков, почесал за ухом, в раздумьи снял и протер рукавом байковой рубашки круглые стеклышки очков. Чище они не стали, но сей жест здорово замаскировал его нерешительность и стеснительность, а самое главное - скрыл от постороннего наблюдателя его нешуточный испуг. Что делать? - прямо роман Чернышевского. Что делать дальше?

Конечно, если бы не приснилось кошмара ночью, он бы не воспринял это напрочь лишённое интеллекта, но зато аспидно чёрное животное столь паникёрски; однако в данном случае всё как-то наслаивалось друг на друга, сцепляясь между собой весьма неприятным для него образом.

- Ой, какой вы бледный стали, паренёк! - услышал он хриплый сочувствующий голос сбоку.— Вам плохо? Держитесь! Я вам сейчас помогу ...

Повернув голову направо он увидел старушку в чёрном платке, коричневой с бархоткой кацавейке. Прямо перед грудью у ней на перевязи висела забинтованная и загипсованная левая рука...

- Ну что вы? Мне очень хорошо...— смущённо пробормотал он.

“Гораздо лучше чем тебе, - старая ведьма! Скажи ей! Ну скажи!!” - ткнул его бес в молодое ребро.. Но он, вздрогнувши, потерянно промолчал.

- А что же вы это так резко остановились, молодой человек?! Сердце кольнуло? Давайте я вам скорую вызову!

Он не был очень уж суеверным, но здесь ему показалось опасным чем-то - покупать билет на поезд домой непосредственно после таких предзнаменований?

“Это я тебе, старая ведьма, сейчас скорую помощь вызову! Скажи ей! Ну скажи!! Стань, наконец, новым русским! Хватит притворяться, сволочь!” - неистовствовал внутренний голос.

Очумелым взглядом он посмотрел на старушку, так некстати привязавшуюся со своей заботой, о чём её собственно никто не просил:

- Не надо никакой сокрой помощи! - воскликнул он.— Я абсолютно здоров!

Вчера неприятные кошмары, сегодня - черная кошка, нет, господа присяжные заседатели, так дело дальше не пойдет! Конечно, это случайность, но бережённому Бог бережёт. В конце концов, он ничем не лимитирован: днём позже, днём раньше - всё равно уедет: но сейчас? Когда так явно - эта чёрная кошка?!

- Ну я же вижу— я ж не слепая ещё, слава тебе, Господи! Что-то с вами случилось. Вы со здоровьем-то не шутите, молодой человек! С вами что-то неладно...— сердобольная старушка упрямылась и не отставала.

«А если не сегодня домой, то когда?» - и тут именно после этой мысли он внезапно вспомнил о вчерашнем визите к голубому халатику.

И какая-то острая и неожиданная мысль посетила нашего героя в это злополучное мгновение... Нет, всё же это не была логическая мысль, скорее—впечатление... Впечатление или ощущение, что-то смутное— глаза вчерашней блондинки в синем, и её невольное телодвижение...

Старушка попыталась взять его за локоть, он отдернул руку, и вознамерился сделать шаг, но не тут-то было! Какая-то сила словно парализовала его ноги... Он ещё раз растерянно оглянулся вокруг себя.

- Я же вижу, - повторила старушка как припев.— Тут не всё чисто...

“Вот прицепилась! - и тут его осенила догадка: - Она же видела! Она же прямо говорит, что видит всё... Она прекрасно знает, что мне перебежала дорогу чёрная кошка. Тогда чего тут скрывать?”

- Я просто задумался. Я думаю...

- Ну да? - не поверила ему выдавая виды пенсионерка.

- Нет, бабушка, я действительно думаю. Что делать—этому нас научил Чернышевский. Мы сделали. Сейчас я думаю над тем, что делать дальше — после того, как сделали то, чему нас научил Чернышевский... А тут понимаешь, кошка сейчас мне дорогу перебежала, да ещё вдобавок — чёрная! Что делать?

- И ты остановился? - удивилась старушенция.— Так ты никак комсомолец?

- Ни даже член партии. Из комсомола пять лет как выбыл по возрасту. И я вот думаю: надо, наверное, плюнуть на четыре стороны света и постучать по деревяшке...— он оглянулся в поисках искомого спасительного предмета

- Нет, не так, - неожиданно пришла на помощь старушка.— если ты не комсомолец, и не член партии надо сделать просто: перекреститься и сказать:” «Во имя Отца и Сына и Святого духа. Аминь.» И Господь тебе поможет! Положись на волю Божию, сынок...

Перекреститься? Он не знал, как это делается... И ещё был курс научного атеизма в институте, учивший не бояться суеверий, привидений и бесов, поскольку их не имеет места быть. Одни только чёрные кошки вокруг.

«Сильнее обстоятельств только мы сами... Нет таких препятствий, которые бы не могли преодолеть большевики... Да, действительно, преодолеть препятствие нельзя, но его всегда можно использовать в свою пользу ... « - мышление набирало обороты.

Ещё раз тупо посмотрел на невидимую никому - кроме него! - дорожку следов давно исчезнувшей в подвале чёрной кошки - и тут всё это как-то связалось у него в голове в один-единственный клубок логических причин и механических последствий: «А, наверное, это ведь очень хорошо, что кошка мне дорожку перебежала, - с удивительным облегчением вдруг сообразил он, - впрочем, разве я сразу не знал, что с жениховством у меня и на этот

раз ничего не получится!»

И только подумав это, он твёрдым и уверенным шагом пересёк дорожку следов адского существа, видимую только одному ему, даже не попрощавшись с сердобольной старушкой.

- И-и, нехристь! - услышал он вдогонку себе.

Он...

X* X* X*

“Из Неотправленных Писем Провинциала. Копия: Старшему Брату: 13.10.1986 (с дополнением от 10.05.1987)

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ.

Некоторые считают Горбачёва с его Ускорением и Перестройкой чудом XX века. Здесь явно не обошлось без промысла Всевышнего. Но чудес в природе не бывает? хотя иногда так хочется, чтобы они были. Тем более в истории.

Всякий крутой маршрут в ней объясняется внутренними причинами развития страны. Поэтому и Горбачёвский поворот нуждается в серьёзном объяснении. Но причины его придётся, видимо, искать очень глубоко, - может быть, даже далеко - в далёком прошлом. Все с лёгкой руки Попова кивают на “крестьянскую реформу 1861 года” - революцию сверху, но здесь точно так же за уши могут быть притянуты и Петровская эпоха, и “опричнина” Ивана Грозного, и даже - Ярослава Мудрого.

Но то, что перемена курса объективно необходима свидетельствует полное равнодушие народа к падению брежневского режима. Впрочем, пассивность народа объясняется и тем, что в его положении особых изменений не предвидится. Свара идёт в основном - в верхушечном звене ...

Сейчас наиболее активная часть населения СССР—это мелкая буржуазия с её неизбывным «свечным заодиком», а работягам — что? Хоть при том фараоне надо работать, хоть при этом —тоже вкалывать на строительстве великих пирамид для счастья будущих гробокопателей и археологов... Нет, не совсем так; а вот так— для счастья будущих археологов и обогащения грядущих гробокопателей...”

X* X* X*

Наш герой весьма живо представил себе, как расскажет перед отъездом сегодня вечером Старшему Брату в своё оправдание - «только чёрному коту и не везёт» - всё это жениховское невезение он спишет на мяукающее исчадие ада.

- Придурок! Ты же хотел ехать за билетом на свою малую землю, - прохрипел вдруг хрипчатый внутренний голос.—а теперь что—вместо этого собрался что — на целину?!

Он остановился как вкопанный. Пришло ощущение: вчера что-то пошло не совсем так, как оно обычно шло на предыдущих знакомствах с противоположным полом...

Он ведь ещё никогда и никому не смотрел кинжально в глаза... - это раз.

И ни от кого допрежь не получал ответного телодвижения... - это два.

Это было что-то новенькое... в чередё достаточно стереотипных встреч и расставаний. Мало того что новенькое, так ещё и не совсем понятное. Там ему всё было понятно, кристально и ясно. Кроме одного вот этого моментика.

И если бы его не было, то вне всякого сомнения наш герой уже на всех парах нёсся в своё желанно-долгожданное Моострансагентство за билетом

И в следующее мгновение наш герой лёгким движением ноги направился к ближайшему таксофону, который оказался полностью глухим, как и следовало ожидать из несчастливой приметы.

В этом фонтане силлогизмов и умозаключений мелькнула мысль: а не голоснуть ли попутку и приехать к Вере на квартиру без всякого телефонного звонка, без предупреждения...

Постояв у глухого телефона-автомата в раздумье на распутье с пяток минут, он всё-таки не стал авантюристичничать: отказ ведь можно легко и гораздо быстрее получить и по телефону.

Он почему-то был очень уверен, что будет очередной отказа, но просто так вот решил—проверить: ещё раз...

В поисках другого таксофона он дошел почти до перекрёстка, где на виду у Марьинского мосторга наткнулся на другую будочку на столбе - она оказалась рабочей. Достав засунутый вчера в карман клочок, на котором Фотинья накарябала номер, он сунул монетку в прорезь, набрал комбинацию цифр. После двух гудков монетка со звяком провалилась в металлический ящик:

- День добрый, позовите Веру! - на одном дыхании.

- Здравствуйте, я слушаю, - сквозь хрипы и треск телефонный.

- Это я ... Был у вас вчера. Давайте съездим сегодня в Ботанический Сад! - тоже на одном дыхании, но будучи твёрдо уверенным, что получит отказ: ведь чёрная кошка не зря перебегает дорогу людям, не так ли?!

А если ему с той стороны предложат сходить в кино, тогда - тогда он откажется - он и так уже находился в кино со Светой Г*... И тогда ... И было еще кино с Таней И* ... А про кино с ...

- Приезжай.

Всего одно неожиданное слово прервало начавшийся было водомёт его гнусных мыслей и безо всякого на то сожаления швырнуло на грешную столичную землю.

Пока он собирался с мыслями, чего сказать в ухе прижатом к трубке уже зазвучало: «Пи-пи-пи ... »

Он недоуменно пожал плечами—“А зачем?” и ответил надоедливому телефонному писку:

- Ну хорошо. Приеду.

«Трубку-то зачем бросать?» - простонал его внутренний голос с пристрастием.

«Не знаю» - ответил он ему - «Я - не знаток женской психологии!»

«А зачем ты, «незнаток», туда поедешь?» - не унимался голос из ничто.

«Не знаю ... »

«А если ты не знаешь, то позвони сейчас же второй раз и скажи, что не сможешь приехать» - посоветовал подпольный человек, - «короче говоря, досвидос!» - ...—“Билет важнее, корова!”

«Позвони мне, позвони - я дышать не перестану ... « Обрывки какой-то дурацкой, но модной песенки закрутились и запутались в его голове. НО не было головной боли. Неужели было такое славное время, когда у него не было головной боли?! Диву даёшься ...

«А ведь к телефону могла подойти не Вера, а её мать, например... Или её сестра! Вполне!! Почему же так просто и легко сняла трубку именно она, Вера?! Какое странное случайное совпадение... Она что— ждала моего звонка?» Нет, тут явно что-то не то... А что именно?

“Проверь! А ты проверь! - настаивал внутренний голос.— Давай! Звони ей второй раз!...”

ТАК ЧТО ЖЕ ЭТО БЫЛО? . . Шестая Глава.**(Как хороши, как свежи были розы! И невроты тоже...)**

..— Давай! Ну давай же! Звони ей второй раз!.. Не дрейфь, дрефло! Звони ей и говори “досвидос”. Тебе давно пора домой, к папе и маме, – бесновался в хрипе внутренний голос.

Молодой человек остановился посреди тротуара и задумался.

При этом в гнусном воображении нашего героя нарисовался воинствующий образ Старшего Брата, который в манере, свойственной великому певцу Филину Утятину театрально разведёт граблями и крикнет как в микрофон:

- Ну ты, чудило в перьях и на букву ЭМ?! - скажет непременно он. - Тебе не угодишь! Какого тебе ещё рожна нужно, Бледнолицый Брат Мой? Придурковатый родич мой.. Я тебе такую невесту надыбал, а ты — “досвидос” ...» и в кусты - так и скажет. Конечно, скажет. За ним не заржавеет.

Молодой человек ощутил как будет неудобно как будто.

Всплывшая из подсознания сцена не на шутку взволновала нашего героя. Одна мысль: он никуда не денется—ещё более укрепила в его намерении - “проехаться” к Вере, чтобы и раз и навсегда покончить со всеми непонятками и очепятками, которые начинали как снежный ком с горы накапливаться в этом деле с кривыми взглядами и косыми интонациями.

«Ну да, когда женщина (в оригинале звучало—баба!) говорит «Да!», - это значит быть может, а если она говорит “Может быть” - это значит скорее всего: “Да!”. И – вице верса.

Нет, не так... А вот так: когда женщина (в оригинале звучало—баба!) говорит «Нет!», - это значит быть может, а если она говорит “Может быть” - это значит скорее всего: “Нет!”. И – вице верса.

Помолчала бы лучше!!

Надысь из Энциклопедии Мудрости Наоборот...

- Ты зря вчера на меня наехал, братан! = скажет он после того, как сегодня увидится с Верой, - своему столичному родичу сегодня вечером. — Я встретился с ней сегодня под сенью девушек в цвету из Ботанического Сада, и она мне сказала - НЕТ. Больше не приезжай - сказала она. Ну как ты сам знаешь, братан, на нет и суда нет!

И ещё он скажет ему: “Насильно мил не будешь! Денег много выбросил на цветы? Да, ладно, деньги — дело наживное, главное — Здоровье! А его, паразита, не купишь!”

Все умные, острые и колкие ответы на унижительной обиды словосочетания в свой адрес приходили нашему герою аккуратно на следующие сутки после того, как он невразумительно мычал на самой “стрелке”... Как будто его организму требовалось ровно 24 часа не столько на размышление, сколько на переваривание услышанного.

, наверное, Действительно, у него были особые отношения со словом. Одно услышанное могло повторяться и крутиться с неделю как минимум...

Впрочем, после фейерверка ярких картинок, очередью отстрелявшихся в голове, наш герой вернулся к нашим баранам и барабанам. С одной стороны, всё было ясно и легко —... нет, как раз нелегко было всё.

И совершенно неясно.

Вспомнилось вчерашнее

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН!

И чем больше он размышлял, тем больше он находил в происходящем тут и сейчас туманностей и какое-то глубокое препятствие внутри себя - препятствие к скоропалительному расставанию по телефону со своей новой совершенно непонятной ему знакомой; оно было

ему загадочно и сидело так далеко внутри, что даже силлогистической мыслью извлечь было невозможно...

Короче говоря, второй раз звонить он никуда не стал, несмотря ни на какой внутренний голос. Разозлился немножко на эту Веру. Почему она так себя ведёт?

Казалось бы, чего проще?! Баранкин, будь человеком, скажи по телефону:

- Нет! Не приезжай! ...—а потом бросай трубку с чистой совестью. Вот так.

Похоже назревала игра в молчанку: все понимают, что "НЕТ", но никто не хочет взять на себя ответственность первым сказать вслух это волшебное слово.

Да!

Такие вот дела...

И он бы сейчас сразу поехал в Мострансагентство за билетом на малую Родину... И затем в Дрисню – ту-ту! И скорый поезд мчит меня на юг....

А приходится ехать в обратную сторону!

О, море в Гаграх! О, пальмы у моря!

А ты знаешь ... = снова завёлся сиплый, с поторонними шумами внутренний голос с отчётливыми прокурорскими интонациями ...

Заткнись! - с раздвоением личности пора было кончать. Злость не проходила. И как ни странно, после этого окрика внутренний голос стушевался; подпольный человек где-то растворился в чёрных глубинах подсознания, словно его и не было.

Но молодой человек всё равно продолжил никому не слышимый диалог с невидимкой.

- Надо продолжать уважать окружающих, даже если они не уважают тебя и бросают трубку - гласит аморальный кодекс строителя коммунизма, - подвёл черту молодой человек под внутренней дискуссией, разгоревшейся под его черепной коробкой.

Расправившись со своим внутренним голосом, он вдруг ещё раз глубоко вкопанный встал перед фактом, что сегодня домой он не поедет - ни ночным, ни даже утреннем поездом завтрашнего дня.

«Впрочем, успокоил он себя, всё может решиться раньше, гораздо раньше...» И он ещё может успеть съездить за билетом на малую Родину. Когда он сейчас приедет к ней на квартиру и снова посмотрит ей в глаза цвета... цвета... Какого же цвета у неё глаза?

- *Купи цветы... – пропел неизвестно откуда взявшийся тихий и мелодичный голос, о существовании которого он и не подозревал*

- *Зачем? Второй раз? Цветы?*

- *Ну хотя бы один цветочек... – тихо и мелодично. - Одну маргариточку... Ну подумай сам — как ты сейчас появишься – с пустыми руками...*

Но тут вмешался хрипатый:

- ***С пустыми руками в гости – нельзя! Какой же ты будешь после этого козёл и добытчик? Вон видишь – на втором этаже балкон, весь в горшках с цветами в горошек! Залезь на дерево, протяни руку к горке с горшками и сорви какую-нибудь резеду. Или настурцию! А ещё лучше — филоксиму двуабортную... Больше не надо! И когда Вера спросит, что это такое – скажешь что сам выращивал на грядке. Три года подряд. Специально для неё!***

- ...

- ***А ну не дрейфь, дрефлю! Так все мужики делают! Вера по достоинству оценит твой недостойный поступок. Ради неё одной, ради её чудесных, прекрасных и так далее – глаз. А ну быстро лезь наверх! ... Представь себе, как высоко ты после этого поднимешься в её глазах?***

- ***А если я не удержусь на такой высоте и упаду с дуба? - опасно пробормотал вслух наш герой, вслед за чем поймал на себе внимательно-подозрительный взгляд проходившего мимо и медлительно пенсионера с тросточкой, такого седого дядечки-фронтовика...***

“Ой, он сейчас ко мне прицепится как та бабулька в гипсе!” - ещё больше смутился наш герой, ругнул себя за потерю самоконтроля и чесанул прямо поперёк Шереметьевской улицы ... Ехавшая на него издалёка машина внезапно оказалась вблизи и засигналила со страшной силой... Она остановилась. Шофёр выскочил из неё и погнался за нашим героем.. Насилу тот убежал...

Х Х Х

Упомянув о “гнусном воображении”, я настойчиво хочу оговориться: автор совершенно и ни в коей мере не считает своего героя ни подлецом, ни даже плохим человеком.

Скорее наоборот.

Принадлежа к достаточно расширившемуся в Брежневскую эпоху племени яйцеголовых, он никого не убил, никого не изнасиловал, никого не ограбил, и единственное преступление, что он мог скрепя сердце себе позволить - так это стащить какую-нибудь книжонку из библиотеки, причём ту книжку, которую никто никогда не читал, не читает и не будет читать в силу её заумности и вычурной выпендрёжности ... Типа Шарля де Бросса... Кто его знает, этого Скорпиона Африканского?

Ау!

Ну кто его знает... Отзовись!...

Гробовая тишина.

Когда же автор, ваш покорный слуга ацки жжот о “гнусном воображении”, то он употребляет это выражение исключительно в ироническом его значении, ибо как раз ожидание всякой подлости и мерзости в отношении самого себя со стороны окружающего мира сего стало для нашего героя привычно скорбным уделом; короче, Склифоссовский, он был пессимист ...

Да-да, вот эта плохо пахнувшая реакция не была его установкой по умолчанию; она была защитной броней на то, что 30-летний молодой человек испытал за целесообразно, но безрезультатно прожитую половину своей никчемной жизни – никчемной как с точки зрения советской власти, так и антисоветской – тоже...

...а пессимист, значит преступник; аморально-нравственный кодекс строителя коммунизма уполномочивал быть оптимистами: голод, холод, война на носу... Смерть не только шпионам, но и пессимистам!

А то термоядерная зима окажется недостаточно хо-о-олодной...

Х Х Х

А как всё хорошо начиналось!

На новую квартиру, точнее комнату в коммунальной квартире, - этот раз он постарался приехать попозже, зная, что его родственники поздно возвращаются с работы. И всё равно пришлось ждать у подъезда, наблюдая как загораются жёлтые, красные, зелёные квадратики и прямоугольники в громадной стене.

Но это мелочи. Выспался хорошо он в поезде, поэтому дождался. Приветствия. Объятия. Увесистое похлопывание по плечу... Сначала по одному, потом – и по другому.

- Моя тоже устроилась на вторую работу... – сообщил последние новости Старший Брат. — Москва давит, сволочь...

После кружки горячего чая и пару бутербродов с чёрствым сыром на кухне, этот раз Старший Брат сразу приступил к делу: он смущенно (что совсем не было характерно для него) потрогал дужку своих больших импортных очков, потом снял их и посмотрел своими близорукими глазами в его очки пристальным взором без тонированного стеклянного барьера.

- А как ты смотришь на то - к тому, что мы тебя познакомим? - спросил он как-то волнительно и вкрадчиво, потому что Бледнолицего брата, послушного отличника, тихого и скромного, всегда ставили ему в пример как образцового мальчика - высокоморального, нравственного строителя коммунизма с высшим образованием и Старший Брат, видимо,

скорее всего опасался ответа – про идеальную и бескровную любовь - романтика и идеалиста с первого взгляда.

- А никак! - услышал аморальный ответ.

И после минутного молчания:

- Понимаешь, мне не везёт, - мне по жизни чертовски не везёт... Сам не знаю почему ... и здесь бледнолицый брат, улыбнувшись, хотел рассказать, как он в своей степной захолустной Дрисне прошёл сквозь строй девушек в цвету, надеясь позабавить родственника ... Но Старший Брат почему-то вспыхнул:

- А кому в этой жизни везёт? Мне что ли? Да-а, ладно петь Лазаря! - и без всякого перехода:

- Ну так как: да или нет?

- А она не б...? - осведомился он простодушно вопросом на вопрос.

Нижняя челюсть Старшего Брата отвисла если не до пупа, то до волосатой груди - это точно. Глаза стали крупнее его импортных очков с затенёнными стёклами, сделанными на заказ. Это стало немножко даже страшно. Наш герой шагнул назад и упёрся копчиком в газовую плиту. Конечно, он понимал, что Старший Брат его не убьёт, но и леща отхватить тоже не хотелось... После минутного ужасного молчания - родич смотрел на него такими расширенными бельмами как Ленин на буржуазию. Дальнейшую его речь я могу передать только лишь посредством многоточий и междометий с возрастным ограничением 21++.

- Ты что е... вошь, совсем е...? Это что я буду своему родичу подсовывать проститутку? ! Да за кого ты меня держишь?!!

Если бы это сказал чужой человек, то , конечно бы, братан врезал ему... У Старшего Брата уже и правая рука сжалась в кулак...

Но он уже знал, что наш герой иногда, то есть часто, говорил не то, что думал, а то, что думал, то - не говорил...

- Извини, прости о великий и непобедимый Санька-ибн-Борька, я не подумал!- поспешил разуверить он Старшего Брата, молитвенно сложив руки на груди. - Извини, последнее время меня здорово клинит. . . Я об этом даже не подумал... - он затряс головой и пожал плечами.

Старший Брат, взволнованно дыша, внимательно всмотрелся в жалкую дрожащую фигуру Бледнолицего Брата Своего. Противоречивая гамма эмоций пронеслась по его лицу. Неисповедимы были его мысли, но в конце концов, он вдруг смягчился неожиданно:

- То-то и оно! Я это вижу! Ты мозги-то свои прочисти! А заодно и ж...

Он продолжал бурно дышать, потому что продолжал волноваться услышанным вопросом:

- Да-а-а, ну ты даёшь, братан?! Не ожидал я от тебя такое услышать! - он скорбно покачал головой. Вертикальные морщинки сошлись на лбу.

Отдышавшись и успокоившись, он посмотрел на свои руки, так и не достигшие ерундрованной, но одновременно и такой эрудированной башки родича и посоветовал:

- Кстати, ты к ней хорошенько присмотришься: она - девочка с изюминкой, с большой изюминкой ... Как она мне говорит, – Саша ... – здесь Старший Брат замолчал, и наш герой так и никогда и не узнал, что ему говорила Вера ...

Но после некоторой паузы он неотвратимо продолжил:

- А квартира какая! Трёх-комнатная!!! Такой шанс дается человеку всего лишь один раз в жизни, понял Бледнолицый Брат Мой?! И воспользоваться этим надо так, чтобы потом не было - потом! - мучительно стыдно за бездарно упущенные возможности!..

Прим. А что на дэ* букву есть матерщина? – А почему нет, дарагой?! Свободно: долбо*б , например,

X* X* X*

Поскольку утреннее время уже закончилось, то для удлинения времени размышления наш герой избрал не попутку или такси, а общественный транспорт, который в середине дня тоже не был особенно пуст, но относительно свободен; кстати, огромные интервалы, с которыми посередине дня ходили автобусы и троллейбусы, весьма подходили для организации неторопливых раздумий, в которых его мысли причудливо перемежались с картинами столичных пейзажей и ландшафтов. Заодно и экономия получится – проедется за пару пятак-ков...

«Ладно, Склифоссовский, - поморщился внутренний голос, - чего ты там всё тень на плетень наводишь? Скажи просто, что ты просто боишься своего Старшего брата, и только по этому лишь одному едешь к Вере...»

- Здравствуй, сука, - отвечивал ему он. - Какой ты у меня однако прозорливый?! Только вот ты мне - ЧУЖОЙ ... И не тебе решать! Ты должен знать, в том числе и на будущее - что ехать или не ехать - решать буду я ... Пока во мне будет хоть капля разума и воли, решать буду я, а не ты ...

Летний солнечный свет уже во всю свою дневную силу разлился вдоль Шереметьевской улицы, под его лучами слегка поблекла и посветлела волнуемая зелень парка по одной её стороне, и даже пятиэтажные хрущёвки, со стенами исчерченные горизонтальными и вертикальными полосами в квадратную клетку, по другую сторону улицы приобрели жизнерадостный вид ...

Чёрт побери! Неужели было такое славное время - через Шереметьевскую можно было абсолютно спокойно перейти в неполюженном месте, именно перейти, а не перебежать .. Просто не верится, как мало было тогда машин! И почему их так много сейчас!

Он безо всяких последствий пересёк дорогу в совершенно неполюженном месте, но напротив автобусной остановки, и стал ожидать сарай с удочками под символическим номером 13; в ожидании его мысли неожиданно перескочили на то, что мужчина и женщина, тем более юноша и девушка никогда не смогут понять друг друга.

“Но, наверное, оно так и нужно - нужно живое противоречие жизни, дающее ей постоянный импульс для непрерывного развития и движения вперёд - так и нужно, чтобы мужчина никогда не понял женщину и наоборот, и они были бы обречены на вечную брань и перестрелку между собой . . . Не будь этого, жизнь была бы чересчур гармоничной, и уже по этому одному - очень и очень скучной... Они тянутся и стремятся друг к другу, но всё равно напрасно — они так никогда и не сольются в одно целое...”

Подъехавший троллейбус №13 на короткое время прервал поток его “размышлизмов”. Наш герой невольно зябко поёжился от этого неприятного номера, но—куда денешься?! Ехать-то надо! Зайдя в салон под номером “чёртовой дюжины”, он потерял нить Ариадны и стал просто смотреть в окно. Сарай с удочками пыхтя взревевшим мотором взобрался на мост железную дорогу: справа и слева до самого горизонта потянулись стальные ниточки парных рельс, амбары, пакгаузы, огороженные заборами дворы со всякой техникой и нагромождением ящиков ... Всё это он видел и раньше, но тут неожиданно среди многоэтажных гор и присоседившейся к ним зелени - купол какой-то Церкви с золоченым крестом неожиданно привлек его взор. “Странно! - мелькнула мысль — Откуда это здесь взялось? Ведь раньше вроде не было...”

... И над всем этим господствовала - .. - - .. -

X X X

Из Неотправленных Писем Провинциала: «НАМ НУЖНА РЕВОЛЮЦИЯ? Копия Старшему Брату.

Неправда, Ваша Честь! РЕВОЛЮЦИЯ в принципиальном контексте: «нам нужна революция» прозвучала уже в апреле 1985 года, как только Горбачёв пришёл к власти. Единственно не стоял вопрос о демократизации политической системы,

не было и намёка на гласность в тот момент : Появление последних было воспринято обществом как свидетельство уверенности партии в своих силах, убеждения, что партократы по-прежнему смогут заболтать и запудрить мозги всему населению. Фехтование очень опасным, обоюдоострым словом «РЕВОЛЮЦИЯ» по-видимому должно выбить это оружие из рук диссидентствующей оппозиции и одновременно привлечь на свою сторону часть «умников и умниц», ведь ничего не стоит выдать элементы демократии за саму демократию ...»

X X X

Доехал до Ракеты. Там, пройдя сквозь вереницу столичных гостей и приезжих, эскалатор понёс его вниз в прохладное, но со специфическим запахом машинного масла, резины и ещё чего-то типично метроовского - в Подземелье, которое с гулом, скрежетом и лязгом доставило его до конечной станции одной из радиальных линий. В вагоне были свободные сидячие места; он принципиально остался стоять.

Вышел там, где ровно пять лет назад уже был в поисках квартиры, которую снимал Старший Брат, тогда ещё неженатый...

Перейдя улицу, внимательно посмотрел на автобусную остановку, - ... - столичное хулиганье с татуировками на пальцах, предплечьях и задницах сорвало желтенькую табличку, а вместо неё было начертано, что здесь ходит автобус №666.

Какая нелепая шутка!

“Ну на то оно и хулиганье, чтобы шутки шутковать с жизнью и смертью!” - подумал он и не придавал этому особого значения. Но когда подошел автобус, и наш герой посмотрел на табличку за лобовым стеклом, то с удивлением увидел точно - 666. Ну чудеса! - хотя как знать - во всяком случае разумных и рациональных причин для несуществования такого номера не было ...

«Подумаешь, три шестерки подряд!?» – сказал он самому себе. Но сердечко как-то неприятно заныло: ну, начинается - сначала эта чёртова чёрная кошка, сейчас — автобус под адским номером...

Ну что за день сегодня!

Может быть подождать следующего автобуса?

Ведь что-то обязательно произойдёт! Могу себе зуб сломать или нос расквасить .. И как я с кровавыми соплями пойду на свиданку? Может у ней зелёнки не окажется в хоодильнике?!

Ему мучительно больно захотелось изменить неприятное стечение обстоятельств, казалось преследовавшее сегодня его по пятам, поломать свою судьбу, которая здесь пошла очень непонятно и неприятно, пойти наперекор...

Наш герой изумлённо и подозрительно смотрел на остальных пассажиров, покорно столпившихся перед всеми дверями - и передними, и задними: люди толкаясь втягивались по ступенькам в автобус, абсолютно не обращая внимания на более чем странную табличку с весьма символическим номером; так человек, зная о своей предстоящей смерти, ничего не делает, чтобы избежать встречи с костлявой.

Он колебался.

Вспомнилось вчерашнее

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН!

И вдруг с невольной замершим сердцем, он пошел вслед за ними, и в салон зашёл последним. Пробыл талончик компостером, огляделся - едут все, как ни в чём ни бывало, и он едет.

В автобусе №666!

И неужели никто из этих покорно едущих и не подозревает, что этот автобус может быть едет... Едет, страшно сказать - куда, да ... Как там у Кольера ... Дай Бог памяти. У Джона Кольера ... Нет, не даёт. Вместо этого:

“Я больше не буду покорным, клянусь! - неожиданно прохрипел в его душе проснувшийся внутренний голос. - Уж лучше гореть на песке ... “ - . . . и тут опять посетило это навязчивое ощущение, что он продолжает спать и видит бессвязный сон.

«Ну ладно, ладно... Подожди немного гореть на песке—сейчас приедем в ад и будешь гореть не на песке, а... В чём там горят души грешников окаянных? В смоле кипящей будешь гореть, вариться и плавиться от несчастья...»

Вспомнилось вчерашнее

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН!

Несмотря на солнечный день, сновидение как-то окутало его таким серым туманом. Он приободрился: ведь сон сейчас закончится, туман рассеется и он проснётся и - всё потечёт по-прежнему.

“666?! Интересно! Ну чудеса в решете . . . Чего только не приснится в самом деле?!” Но через полчаса это ощущение пропало, только вот когда он вышел из автобуса и оглянулся - чтобы проверить себя! - номер автобуса оставался прежним: “Добро пожаловать в ад!” - возникло снова кроваво-красными буквами.

И вместе с тем он стоял на улице с многоэтажными домами, его окружали шеренги посаженных насильно зелёных деревьев, мимо шагали пешеходы на тротуарах - всё это как-то мало вязалось с представлением о котлах с кипящей смолой, об истощном слёзном вое грешников, что вопят непрестанно, о душах, погруженных в огонь адского пламени, горящих и смердящих заживо, поедаемых змеями и даже на железных деревьях и фонарных столбах не висели грешники на крючьях подвешенные за языки - ,. - Он тряхнул головой, смахивая с себя навязчивое. Весь солнечный свет никак не соответствовал со мраком злым и беспросветным, с тьмой вечной ...

Потряхивая головой, наш герой двинулся дальше вглубь жилого микрорайона. Подъезд он обнаружил сразу—по дереву с отсохшей верхушкой это было сделать без проблем.

Проходя мимо мусорки, он вдруг увидел свой букет огненно-красных роз, которые лежали на самом верху, на каких-то тряпках выпачканных в известковом растворе, рядом пустые пакеты из-под молока, сдобренные рыжей шелухой от лука, и ночным горшком... Впрочем, это могла быть и проржавевшая эмалированная кастрюлька с длинной ручкой, так называемый ковш, а не ночной горшок... Он не особо приглядывался. Просто он сразу понял, что это именно его цветы, которые он подарил ей только вчера... Он их узнал сразу и издалека. И это были именно те цветы, которые он купил вчера. Они не продержались и суток, как эта зараза их выбросила на помойку ... может быть даже специально это сделала, чтобы он проходя мимо увидел их...

- А ты возьми, собери их и снова всунь ей вместе с блевотиной, - проснулся хрипатый, весьма довольный сам собой. – Ты что даром тратил деньги? Будь по-настойчивей, чувырла в перьях! Не юбка за штанами, но штаны – за юбкой должны бегать...

Наш герой остановился. Он не нашёлся, что возразить хрипатому... О, мои бедные розы! От нахлынувших чувств его слегка затошнило. Нуда, с таким негативом от этих роз можно вполне заработать приличный невроз!?

Сделал шаг, потом второй по направлению к помойке, но тут ветерок поменял направление, и со стороны мусорного контейнера, увенчанного цветами, пахло таким тошнотворным запахом гнили и дерьма, что он непроизвольно сделал рвотное движение, впрочем не до конца... Обратных шагов он сделал куда больше, и были они гораздо поспешнее...

- .-.=.-.— - .-.=.-.—

Когда он подошел к подъезду, в нём как никогда окрепла подспудная уверенность, что сегодня наступит решающий день отказа, а затем и такого мягко-лирического расставания, которое он уже начал проектировать внутри себя.

Наш герой мужественно сжал зубы и поставил себе целью - во чтобы то ни стало се-

годня вырвать из её уст: “да” или “нет” - скорее “Нет! ” чем “Да!” - больше мне ничего от тебя не нужно, и этого ответа он добьётся сегодня обязательно; он не позволит этой кошке играть с собой как с мышкой.

Ну а дальше?

Когда всё разрешится, тогда впервые за эти несколько дней лучезарная улыбка появится на его напряженном лице, и он на прощание даже пригласит её приехать к нему в гости, в его застепную Дрисню, зная прекрасно, что она никогда не приедет пыль глотать ... И в этом приглашении будет скрытая издёвка: О, море в Гаграх! О, пальмы у моря! ... А скорый поезд мчит меня на юг!

Фейерверк успокоительных сцен галопом пронёсся в его воспалённом мозгу, слегка охлаждая его извилины и загогулины.

Но стоило ему зайти в темноту подъезда, пройти мимо выстроившихся на стене почтовых ящиков— ну 9-этажный дом: квартир—туча! - Как появилась маленькая нерешительность.

Когда наш герой по лестнице, не доверяя свою драгоценную жизнь лифту, добрался до двери искомой квартиры, то нерешительность переросла в нечто более серьёзное — он почувствовал страх, точно такой же как это было какой-нибудь час назад, когда его путь подрезала чёрная кошка—.-.=.-.— Такие панически-астенические мысли и очень неприятные приметы казалось сигналили ему — остановись! Об этом же неустанно говорил ему его внутренний голос...

ПРИМЕЧАНИЕ №1 к Главе 6. Как хороши, как свежи были розы

Ольга Деви написал: *”Таки кто уперся копчиком - старший или младший брат?”*

“Афуительный” Афоризм

Да! И ещё раз да! Совершенно правильный вопрос. А для меня ещё и — принципиальный! А принципами не поступлюсь..

Конечно, согласен на все 100%. Так не только жить, но и писать, Действительно, нельзя. Однако бороздя просторы интернета и оставляя свои следы на его пыльных дорожках, я встретил очень интересное высказывание. К сожалению, я сразу его не выписал, а тут как некстати админ сайта лишил меня права лицезреть сии странички на целую жизнь с гаком, после чего вернувшись - потерялся и запутался в трех кликах. Поэтому воспроизведу “Афуительный” Афоризм своими золотыми словами с крылышками: *“Писать надо так плохо и безобразно, чтобы ни у одного подонка-пирата-подлеца не поднялась клешня стибрить мой текст”* – написала то ли Мальвина, то ли Клементина, то ли – Мандолина... М-м-м... Какая уммница! Мммоодец!

- *А если поднимется рука у пирата, то чтобы потом сразу и моментально отсохла!* – добавлю дружелюбное и доброжелательное пожелание уже от себя.

Пока существуют подонки=пираты=подлецы писать надо плохо. Совершенно правильно! Поддерживаю целиком и полностью!! Писать надо плохо и непонятно. И вот представляете: я это знал, я это глубоко чувствовал до этого, но вот сформулировать этого точно первым не смог! Поэтому дарю пальму первенства отныне запрещённому для меня сайту. А ежели обнаружу еще что-то такое-этакое, супер=пупер, то подарю уже не пальму, а целого верблюда... Не бойсь, не плюётся. Не плюётся, потому что он = глинобитный... Статуэтка такая, привезённая то ли из Египта, то ли из Мароккоо...

Так вот лозунг и призыв этой прозорливой Мандарины из Марокко я воспринял как руководство к действию, и с тех пор пишу всё хуже и хуже... Но прихожу к неутешительному и неминуемому выводу, что **нет предела совершенству в плохописании!** Кажись, ну вот написал так плохо и гадко, что дальше уж некуда, а проходит время, и с ужасом обнаруживаю, что можно было это место написать ну так, что – хоть всех святых выноси! А ведь не написал! Нет всё-таки правильно говорили древние греки: нет предела совершенству! Но я упорно стремлюсь опровергнуть энтих древних греков... Тьма сгущается... Успею ли?

**Нет. Никого нет,
только он и она - вместе, но поодиночке. . .
Седьмая Глава.**

...Холодное молчание с обеих сторон затягивалось; оно становилось явно неприличным до безобразия - они были одни в квартире: её сестра с дочкой в коляске уехала на прогулку, мать - седовласая дама! - сидела с товарками и запасными ключами на лавочке у соседнего подъезда, отец Веры хотя и был на пенсии, продолжал работать стропальщиком на станкостроительном заводе...

- Привет.

- Привет, заходи...

Он переступил через порог и осмотрелся... Вера была в том, же самом халатике, что и вчера; всё вокруг было по-вчерашнему как-то уютно и по-домашнему... А он, ...

Судя по этой её одежде, она вообще-то не собиралась никуда ехать, но увидев молодого человека— злого, дёрганного и какого-то весь «взъехерошенного», если так можно выразиться, - как воробей, купающийся в пыли ... Она посмотрела на него внимательно и —
— вдруг передумала?!

И - голубенький халатик провёл его в большую комнату — где первое, что он увидел были— цветы...

Наш герой стремительно подошёл к хрустальной вазе, стоявшей на низком журнальном столике, и наклонился над цветами, он двумя пальчиками потрогал лепесток и смял его, потому что у него возникло подозрение, что это — искусственные цветы. Потом нажал на веточку с шипами, да так, что уколол палец... Острая боль заставила его с облечением вздохнуть — пластмассовые шипы не кусаются, значит настоящие...

- А ты что их — не выбрасывала?

- А зачем их выбрасывать? — удивилась Вера.— Они очень даже приличные... Ты где их купил?

«А что же это тогда было? — мысли его понеслись вскачь. — Галлюцинация? Или вакцинация? Не может быть в жизни двух одинаковых охапок цветов...»

- На Рижском... — на автомате ответил он

- Ой, там всё так дорого... Ты точно хочешь съездить в Ботанический Сад?

- Да, а что?

- Я даже не знаю, - нерешительно и вместе с тем решительно произнесла Вера и тут же задала наводящий вопрос: "А что ты там хочешь увидеть — в этом Ботаническом Саду?"

Но на это у него уже был заранее заготовленный ответ:

- Понимаешь! Можно, конечно, сходить в кино, но ты понимаешь... Понимаешь.. Будем сидеть как два олуха царя небесного, пялиться на экран — а потом домой... В переполненном автобусе... Я думаю, что лучше всё-таки будет поговорить, просто пообщаться, наедине, на природе, а там деревья растут, птички поют, розы цветут... Вместо того, чтобы пялиться на экран... Подышим свежим воздухом хотя бы...

Она нерешительно теребила хвостик своего пояса, завязанного на узел и туго стягивавшего осиную талию... Потом посмотрела на квадратные часы, висевшие над одной из стенок...

Похоже, что юноше и девушке нечего было сказать друг другу. Почесав висок, который не чесался, он дерзко и решительно смотря себе под ноги - «Да или нет?» - хотел он спросить, но что-то остановило — язык не повернулся. Как всегда ...

Вот так всегда!

Они застыли друг напротив друга в какой-то нерешительности. И чем больше он стоял так, насупившись, тем больше как-то успокаивалось внутри него...

Опять что-то непонятное вмешивалось в нормально запланированное им течение событий... Наступал какой-то паралич воли. Может быть, это происходило, потому что они были уже относительно не молоды—30 лет—это относительно большой срок пребывания на земле... И не торопились, не пороли горячку чувств... Впрочем ... Он ещё раз посмотрел на букет с цветами, уже распустившими свои бутоны до конца: что же тогда было на мусорке? Галлюцинация? Наваждение... Или какая-то дурацкая случайность? Но может ли дурацкая случайность так тошнотворно пахнуть?

- Да или нет?..—вдруг неожиданно для себя промямлил он...

- Что — да или нет? - приподняла правую изогнутую полумесяцем бровь Вера и окинула жениха остранным взглядом с головы до ног.

- Мы едем или нет? - поправился наш герой, немного струхнув.

- Ну ладно, - вздохнула Вера о ресторанах.— Ботанический так Ботанический... Если ты так хочешь — давай съездим в Ботанический ...

Хочу обратить ваше внимание на один непонятный и неприятный момент: как известно, оставшись наедине мужчина и женщина и не подумают читать Библию— - .-.=-.-.—

- ... - \ - ... - \ - ... - - ... - - ... - - ... - \ - ... - - ... - \ - ... - - ... -
 \ - ... - - ... - - ... - \ - ... - \ - ... - - ... - - ... - - ... - \ - ... - - ... - \ - ...
 - - ... - \ - ... - - ... -
 - ... - \ - ... - \ - ... - - ... - - ... - - ... - \ - ... - - ... - \ - ... - - ... - \
 - ... - - ... -
 - ... - \ - ... - \ - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - \ - ... - - ... - \ - ... - - ... -
 \ - ... - - ... - - ... - \ - ... - \ - ... - - ... - - ... - - ... - \ - ... - - ... - \ - ...
 - - ... - \ - ... - - ... -

Чтобы спасти положение и изобразить из себя любезного джентльмена, сыпящего как из рога изобилия шуточками направо и налево, он выдавил из себя первое попавшееся:

- Какой странный до вас идёт автобус - номер я имею в виду: 666!

- Какой?

- Шестьсот шестьдесят шесть— число зверя ездит по столице СССР.

- Такого автобуса нет.

- Почему нет? Мы же - атеистическая страна, не так ли! Атеисты не верят ни в какую магию чисел, нумерология им не страшна, поэтому автобус за этим номером обязан быть в СССР. Если его нет - то, следовательно, мы не страна атеистов, коммунистов, воинствующих безбожников, а страна суеверных в числа, в чёрного кота, в другие бабкины приметы и забобоны! Ведь есть же в столице автобус 13, троллейбус 13 и даже трамвай 13! - упорствовал он - Почему же не может быть автобуса за номером три шестерки?! Кстати, я ехал сюда троллейбусом №13, и как видишь, жив-здоров! Большинство жителей и гостей столицы даже не задумываются...

Человек остаётся любопытным существом: чем большего страху наш герой натерпелся перед чёрным котом, тем большим героем хотел он представить себя перед чужой и незнакомой девушкой... Зачем он так себя вёл, он не понимал.

- Это был автобус 696! - сухо и деловито ответила Вера и посмотрев искоса, с подозрением на него.

- Спьяну тебе померещилось? - немного поколебавшись, (говорить или не говорить?) через некоторое время добавила она

- Я вообще не пью! - моментально с гордостью возмутился он, отыграв поданный мячик, но голос предательски дрогнул.

- Подожди меня здесь, - прервала она нашего героя с лёгкой извиняющейся улыбкой.— Я пойду переоденусь.

И оставила нашего героя одного в большой комнате.

Вспомнилось вчерашнее

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН!

Он поморщился, потому что он сказал слова своего кредо не совсем тем тоном, каким он говорил это всегда. Предательская хрипотца проаккомпанировала эти гордыней переполненные слова.

Именно в этот момент он впервые почувствовал - рядом с Верой - какую-то скованность, которую он никогда не чувствовал ранее ни с одной из других девушек. Провозглашая перед Верой свой незыблемый к тому моменту символ Веры, он почувствовал, что помимо воли голос его прозвучал как-то жалко. Отнюдь не героически, во всяком случае.

Ну что ж? положение можно было еще исправить - отхаркаться, прибавить в голосе металла, за который гибнут люди ...

- Я вообще не пью! - громко и с очень большим вызовом.

Вера на это не ответила ничего. Снова тишина. Потом стукнула дверца шкафа, видимо платяного... Тишина усиливалась до такой степени, что начинала давить на уши.

Не дождавись напрашивавшегося вполне вопроса, который ему всегда задавали те, кто из клуба "Кому за 30", он высокомерно объяснил:

- А не пью я знаешь почему? Да потому, что я - абстинент!

Однако и на это заявление последовало глухое, а может быть и ледяное молчание со стороны девушки, непонятно чем всё ещё занятой в соседней комнате. Он услышал ровное и ритмичное биение своего сердца...

Ну всё понятно!

Снова никакой реакции. Он это уже предчувствовал и даже начал привыкать. Но тут вдруг один из больших шкафов стенки югославской мебели в той большой комнате, где он находился, явственно крикнул.

Он вздрогнул и подумал, что они всё-таки не совсем одни... Он внимательно осмотрел стенку. Это был какой-то странный деревянный звук. Ему захотелось открыть дверцу крикнувшего шкафа — может быть там сидит кто-то на манер любовника? Хотя в следующую секунду даже ему эта мысль показалась смешной он вспомнил сцену из фильма, где жених дотошно пересчитывает все подушки и перины приданого... Сейчас Вера вернётся, а он по шкафам рыщет ...

- Ты чего?

- Ничего! Ищу кто тут спрятался...

Или погротескнее:

- Ищу кого ты тут спрятала, в шкафу — этого американского наблюдателя...

Не дождавись ни вопроса, ни ответа, он уже безо всякой надежды на ожидавшийся эффект пояснил в пустоту, а может быть и для того любовника, который спрятался в большом шкафу и подаёт оттуда спиритические знаки морзянкой:

- Но я не только абстинент, но я еще и - инсургент!

Пусть все знают!

. . . Вера вошла в большую комнату - на ней была белая кофточка в мелкий черный горошек и - в белых тугих брючках, туго обтягивавших всю фигурку. Вся такая из себя белая блондиночка. Если бы какая-нибудь деваха вырядилась таким образом в его Дрисне и пришла на свиданку к нему в таком наряде, то он бы почёл что у ней с головой не всё в порядке и надо поскорее делать ноги, пусть даже со смущённой улыбкой и тысячью поклонов, но странное дело - здесь его это ничуть не взволновало: может быть потому что - какая разница, от кого получать неизбежное в данной ситуации "НЕТ" - от белых брюк ли, сарафанчика с бретельками, плиссированной юбочки, зелёной кофточки в белых кедах или пусть даже резиновых сапогах на босу ногу ...

- Ну что пошли? - вскинула она коротко остриженной блондинистой головой.

- Поехали, - согласился он...

Они спустились по лестнице (может быть в лифте?)

“Ну я не думаю!”

Они вышли из подъезда гуськом, Вера впереди, он за ней... И первым делом он посмотрел на мусор, уже возвышавшийся шапкой над контейнером...

“Отведи её и покажи цветы, пусть не думает, что ты — совсем сумасшедший, а иногда сойдёшь за нормального!” - скомандовал хриплый самодовольный голос. - “дак её сразу же стошнит, если меня чуть не выворотило наизнанку” - молчаливо ответил он ему.

Проехали...

Наш герой оглянулся по улице, точнее по дворику среди многоэтажных коробочко, и ему снова повторилась та же мысль: если бы он в своей родной Дрисне появился среди бела дня с девкой в таком наряде на улице Ленина, вёдшей в тупик улицы Клары Целкиной, то в осадок бы выпали не только все бродячие собаки с курями вместе, но и все горобцы улетели бы с элеватора, чтобы полюбоваться на диковинную парочку...

Но это был не Райцентр; это была Москва и наш герой снова убедился собственными глазами, что на них абсолютно никто не обратил никакого внимания

... А с чужим уставом в свой монастырь не ходят

- Я уехала! – вдруг радостно закричала Вера и помахала кому-то рукой на прощание...

- Мы — в Ботанический Сад!

Они из дворового пространства вышли на улицу. Наш герой ступил одной ногой на проезжую часть и вытянул руку, машин здесь проезжало мало, а те, кто проезжали — ни одна из них не останавливалась... Но он упрямо стоял с протянутой рукой, повторяя фигуру памятника Ильичу.

Вере это скоро надоело, она не привыкла к таким поворотам винта, поэтому она нетерпеливо подошла к своему спутнику и сказала, :

- Отойди-ка за столб!

Не успел он слиться с окружающей обстановкой, как перед блондинкой с великолепной туго обтянутой фигурой, белой как лебедь, сразу же остановилась Волга; ей даже руку поднимать не пришлось.

- Куда едем? - вкрадчивым баритоном с ослепительной улыбкой водила полностью высунул свою голову внаружу боковой дверцы

- улица Ботаническая, - сухо сказала Вера на его улыбку.

Однако шофер не смутился, он со своего водительского места потянулся и открыл дверцу ... На появление нашего героя, присоединившегося к Вере, шофёр отреагировал круто изменившейся физиономией:

- Не по пути! - как-то уж оочень зло и обиженно выкрикнул он, и захлопнул дверцу. Волга дёрнулась без объяснений, и рванула с места с каким-то раздражённым скрежетом в коробке передач...

- Ты не спеши! - сказала она ему.— Ты не спеши высовываться. Или ты боишься - что без тебя уеду?

- Нет, не боюсь, - ошарашенно ответил он.

Впрочем, со следующей машиной всё произошло как по нотам. Придерживая одной рукой любезно распахнутую водилой дверцу, Вера махнула ему рукой...

, наверное, проблема была в том, что наш герой слышал, как поёт Челентано, но никогда не смотрел фильмов с его участием...

Х Х Х

Недолгое столичное лето было наизлёте. В высоком голубом небосводе висели белые то ли тучки, то ли тени от них. В розарии Ботанического Сада зацвели и отцвели последние розы - красными, багровыми, желтыми и белыми точками среди низкой блекнувшей зеле-

ни, и между ними весёлым фейерверком феерически порхали последние пёстрые бабочки. На солнце еще жарко, а под деревьями, особенно хвойными, уже ощущимо прохладно.

День был будний, и в цветнике было достаточно пусто, во всяком случае кроме них, почти никого не было, не было видно даже садовников - время обеденное, - когда они добрались до Ботанического Сада, то время было уже обеденное.

Картина была бы попросту идиллическая, если бы не стая черных глупых ворон, только что прилетевшая с близлежащих четырёх мусорных баков; куча мрачных созданий расположилась на кустах за пустыми скамейками. Символы несчастья затеяли свой каркающий концерт и полёты по-двое, по-трое низко над землёй.

Рядом с этими Вороньими Воротами находилась географическая схема БС. На ней он прочитал вслух:

- А тут оказывается и японский садик есть. Ты была когда-нибудь в нём?

- Нет.

- Давай пойдем, посмотрим, что это за японский садик...

- Ты хочешь? - этот вопрос появившийся вторично смущал его больше всего на свете. "Да если ты хочешь знать— я вообще ничего не хочу!" - отвечал наш герой всерьёзе, но промолчал. В конце концов, он же сюда не ругаться приехал, а выяснить один очень важный вопрос, мешавший ему взять билет до дому...

- Ну я и не знаю ... Но это, наверное, интересно будет ... В японских садиках, понимаешь, главное не деревья, а камни! Сад, в котором сажают, выращивают и наслаждаются каменной красотой...

- Хорошо.

В ту сторону было несколько асфальтированных дорожек, и наши герои не задумываясь пошли по одной из них. Могучие кроны деревьев сомкнулись над их головами в пёстро-зелёный шатёр

Чтобы не терять времени он решил дожать (мужское слово!), то есть добиться окончательного ответа от неё -уже по тропинке, оставив на японский садик уже прощальный разговор (если они паче чаяния доберутся до него!)

Прочитав сии слова, иная наша читательница всерьёз подумает, что наш заглавный герой решил стать на колени перед новой знакомой, пропеть слова признания в любви, предложить руку и сердце и так далее... Чему там ещё учил Старший Брат?

Ну что

Тем более, вокруг ни одной любопытной души, которая могла бы ему помешать приоткрыть сокровенное. До этого момента он серьёзно сомневался, что всё получится так, как он задумал—обычно что-то непредвиденное всегда мешало сбываться его планам и прогнозам... Чаще всего приходилось на ходу менять заранее заготовленную последовательность не только слов, но и поступков... Но сегодня, наверное, был его день...

Только вот одно маленькое обстоятельство вкралось тихим сапом в запланированное стечение обстоятельств: в самом начале пути к ним неожиданно присоединилась чёрная как смоль ворона-одиночка. Отделившись от стаи, она нагло последовала за ними под сень деревьев, словно выполняя какое-то секретное партийное задание за поведением граждан в общественных местах и кустах.

Нет, совсем не то, что вы подумали!

Я имел в виду – распитие спиртных напитков.

Но именно поэтому это существо менее всего смущало нашего абстинента.

- Ну и как тебе эта горбачёвская перестройка? - задал он первый свой вопрос.

Вера молча пожала плечами. «Понятно, Нет слов для выражения!» - интерпретировал он её телодвижение. Совсем как Штирлиц, который как известно угадывал досюда все фашистских стервятников. Поэтому наш герой даже обрадовался представившейся возможности дать развёрнутый ответ на свой же вопрос:

- Я много думал над этим, - скрестив руки на груди и замаршировав как бойцовский петух. - Покорение вершин—это опасный спорт. Перестройка - это кризис верхов; это именно верхи заметались, почувствовав, что их прежние методы управления страной не тянут, не работают должным образом...

- Ка-а-ар! - спутница в чёрном оперении, описав пируэт над ихними головами, важно сообщила о своём интересе. - Дур-р-ра-карр! - слышалось ему.

“Дур-р-ра-карр!? Да ты сама — дура... Да ещё картавая дура... Научись сначала разговаривать! Что - в вашей стае приличного логопеда нет?”

И тут он вдруг заволновался. Ещё бы! Ещё никому до сих пор в своей жизни он не открывал столь важных своих тайн и секретов... Но здесь он почувствовал себя свободным: завтра он всенепременно уедет домой, и ни одна душа не узнает о крамольных словах, которые прозвучат здесь ... И только одна чёрная ворона будет свидетельницей в веках...

- Это как паровозик, - продолжал он, не обращая внимания на низкое кружение предвестницы несчастья над его умной головой, - паровозик, который катился да катился по накатанным рельсам и вдруг впереди - пропасть, а состав продолжает катиться потихоньку к краю. Машинисты в панике: одни ищут тормоза, другие пытаются на полном ходу выпрыгнуть из паровозика, третьи садятся на колени и начинают петь псалмы и молиться позабытому Богу и т. д. Впрочем, это так характерно для нашей земли, где до сих пор все перемены начинались именно “сверху”. Если ты помнишь, то на Сенатскую площадь вывели войска именно “сливки” тогдашнего дворянского общества, как, впрочем, характерна и полная безрезультатность “декабристов” ... Народ, он всегда недоволен своей жизнью, он всегда не хочет жить по-старому, поэтому сначала Маркс, а потом Ленин ... - и он стал как на политинформации разжевывать теорию революционной ситуации в применении к СССР того времени. Через пять минут неумолчного говорения, оратор почувствовал, что он элементарно выдохся. Когда он замолчал, он услышал всего лишь одно слово -

- Интересно, - ответила Вера таким металлическим тоном, который ясней ясного показывал, что ей абсолютно наплевать не только на перестройку, но и на всех вместе взятых Марксов с Энгельсами впридачу. А посмотрев на её лицо, получил ощущение Как будто он открыл дверку морозильной камеры и заглянул во внутрь. Скорее всего девушка, задумавшись о чём-то своём, глубоко личном, пропустила его Обращение к советскому народу и миру во всём мире мимо своих ушей с золотыми серёжками.

Зато эта политическая тирада, видимо, глубоко заинтриговала ворону, которая, перелетев на самую нижнюю толстую ветку сосны справа от них, трижды важно оповестила заблудшую парочку о своём мистическом интересе к политическим дискурсам и дискуссиям:

- Кар-р-р! Кар-р-р! Кар-р-р! - они обошли эту сосну с вороной: она - справа, а он - слева.

Он призадумался. Первый пробный шар Вера проглотила молча и совершенно равнодушно. Наш герой как-то не сообразил того обстоятельства, что девушка напротив может совершенно спокойно передать эти его слова своей подружке Фотинье, а та в свою очередь— его старшему Брату... Он беспокоился совсем о другом, о том, что пора подходить ко второму и последнему - к главному делу всей его жизни. Он откашлялся и оглянулся по сторонам. К импровизированному президиуму так не хватает графинчика с водой...

Х* Х* Х*

А на работе с самого утра как по закону подлости, на Фотинью навалилась груда дел, вдобавок ещё начальница попросила “подтянуть хвосты” за уволившуюся сотрудницу, так что только к обеду, Фотинья смогла перевести дух. Она вспомнила, что хотела позвонить Верике и поболтать с ней о вчерашнем сватовстве... Прихлёбывая чай с сухариками, она набрала номер. Трубку взяла мать Веры.

- Вера далеко? Можно её ...

- Да, далеко, - подтвердила Римма Николаевна.

- Не поняла... - растерянно пробормотала подруга.—Где Вера?

- Это кто, это ты, Свет?

- Да, я...

- Так они уехали...

- Кто они?

- Ну она, - Римма Николаевна стала сердиться на непонятливость, - ну она с этим...

которые вчера... как его... со вчерашним...

Фотинья пришла на помощь и назвала имя нашего героя.

- Да-да, точно — с ним.

- А куда? - продолжила допрос слегка прибалдевшая Фотинья.

- Да я уже не помню,... Ах да — в Ботанический Сад, по-моему, в Ботанический Сад она сказала...

Ну-у-у — чудеса да и только... Ничего не понимаю... Когда же они успели... - весьма и весьма озадаченно...— А когда вернётся не сказала?

- Нет, ничего не сказала.

- Ну как он вам, Римма Николаевна?

- Да ничего...

- Ничего хорошего? = спровоцировала Фотинья.

- Да нет, наоборот...

- Ну да—скромный, тихий, молчаливый...

- Ничего не молчаливый, он мне много чего рассказал на кухне... Очень даже разговорчивый... Как они там живут, тольк я всё это уже позабыла... Только он какой-то голодный, ты, наверное, плохо его кормишь, Свет...

Нервировало и другое: ситуация как-то уходила из-под контроля Фотиньи. Она-то думала, что брат мужа сидит в её квартире и ждёт её звонка... Да не тут-то было! Птичка выпорхнула из клетки... Контрольно она позвонила в свою квартиру

X* X* X*

- Ты знаешь, был такой поэт Дант, он написал "Комедию", потом читатели, а за ними критики и литературоведы стали называть её "Божественной комедией". Это я - к истории вопроса, чтобы тебе ясней была глубина моей идеи. Затем Бальзак - свой гениальный замысел - написать "Человеческую комедию", к сожалению, он не полностью осуществил свой гениальный замысел. Но даже то, что он успел написать, это, конечно, великое полотно. А я ... - он запнулся, как бы собираясь с духом

- Ка-ар-рр-рах! - подбодрила его сверху чёрная птица несколько зловещим карканьем. "Сейчас всё разъяснится!" - он подмигнул каркуше правым глазом. "Если она начнёт смеяться или иным каким образом поставит под сомнение дело всей моей жизни, я скажу ей, что мне как будущему великому гению и ей, пошлой мещанке, - не по пути!" - Сосны закончились, начались ели; они были погуще чем сосны и на тропинке стало мрачновато.

- Я напишу "Человеческую Трагикомедию", - провозгласил он, внутренне наслаждаясь ожидающимся её катарсисом, - Да, да, - с напором - именно "Человеческую Трагикомедию" потому что и Данте, и Бальзак, и Золя - при всём их величии, все они были односторонними: трагедия да трагедия. Весь фокус в том, чтобы подойти к изображению человеческой жизни в слове разносторонне и многопланово; ведь в ней есть не только он и она, любовь и ненависть, но и много чего другого - не только трагедия, но и комедия, а всё вместе составляет как раз Трагикомедию. Это будет как бы "Тринадцать прощальных взглядов на белого дрозда". Я пишу сейчас целый ряд произведений: "Человеческая Трагикомедия" - это как бы рама, в которой мною будут заключен целый ряд картин из нашего прошлого и настоящего; у меня есть список замыслов как Сельской Человеческой Трагикомедии так и Городской Человеческой Трагикомедии¹⁾ ... Так вот: если я напишу хотя бы часть произведений из этого

списка, то обязательно - Я СТАНУ ВЕЛИКИМ. Моя цель - это получить Нобелевскую премию по литературе.

- - Ка-ар-рр-рах! - поперхнулась Каркуша с макушки очередной тёмно-зелёной ели. - Дур-кар-рах!

Вера как-то холодно и равнодушно молчала. Как глухая. Может она плохо расслышала, что он станет великим лауреатом Нобелевской премии? (Нобелевской премии - это не матерщина, а опечатка, поэтому под действие закона о мате не подпадает)

Очередной раз - шаг за шагом по тропинке под елями молчание явно неприлично затягивалось. Они шли вместе, но - поодиночке; впрочем, таким макаром, протекали все его сватовские свидания. Пожалуй, и это не стало исключением ...

Его ожидания, что она начнет обсуждать его Великую Идею, даст её нелицеприятную оценку - типа, что он сумасшедший ("Ну ты дурак большой!"), а он был к этому вполне готов... На этот счёт у него уже было заготовлено заранее кое-что...

...или начнет высмеивать его, и в ответ на её ехидный либо недоумевающий смешок - у него на это был заготовленный "досвидос": зачем ему жена, которая его не понимает?

Наступала тягостная минута всемирно-исторического значения – момент истины! - он посмотрел вверх - на ворона; предвестница несчастья сидела поникшая как под дождем - видимо, насквозь пронзённая его Великой Идеей о Человеческой Трагикомедии бедная птичка потеряла дар речи; она, она уже больше не каркала, зараза.

Но жизнь всегда имеет одно маленькое отличие от всех пусть даже гениальных текстов, - она всегда непредсказуема. Она бессюжетна, и в этом её беда; в ней нет развязки, завязки ни даже какой-нибудь кульминации, она начисто лишена этого пресловутого катарсиса, и только чеховское ружье, повешанное самубийцей на стену в первом акте, всё стреляет и стреляет...

- Ну-у-у и ... - протянул он выжидательно и провоцирующе.

- Что?

- Как тебе моя Идея?

- Анекдот вспомнила, - сухо и деловито сказала Вера. - Я плохо рассказываю анекдоты, но суть такова. В общем, в психушке один псих рассказывает другим - у него мания величия, он воображает себя великим художником, - он говорит: все художники до сих пор тупо копировали природу, а он напишет такую картину, которая не будет копией - он создаст саму живую природу. В ответ на это другой псих, наморщив лоб, говорит:

- Ты чё, придурок?! Ты чё не знаешь, для того, чтобы создать живую природу, надо сначала жениться!

- Оригинально, - пробормотал будущий Нобелевский лауреат. - Я такого анекдота еще никогда в жизни не слышал!

А сам подумал: "А не маланка ли она? Да нет, она же блондинка! Маланки, они вроде обычно все брюнетки, а она же - блондинка!" И тут ему вспомнились слова Карла Маркса: "Философы до сих пор только объясняли мир, наша задача - изменить его!". Мысль его как утопленник в воду погружалась и погружалась в философские глубины анекдота. И ничего что анекдот про психов; капелька шизы никогда не помешает - это как кусочек обжигающего холодом льда в бокале с шампанским ... Чудаки украшают мир во всём мире.

Вспомнилось вчерашнее

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН!

Вера искоса посмотрела на кавалера, впавшего в прострацию, и подумала: "Молчун-то молчун, но оказался очень говорливым..."

- Слушай, а мы неправильно идём! - с некоей непонятной ему радостью сообщила девушка. - Идём, идём, а японского садика нет и нет ...

- Да, точно - мы, наверное, заблудились - автоматически согласился он, всё еще не в силах вынырнуть из философической глубины только что услышанного, и никак не могущий достигнуть дна казалось бы простенького с виду анекдота, его концептуального дна, - прежде чем сказать "досвидос", точнее - про "досвидос" он в тот момент попросту забыл.

- Ты больше ничего не хочешь мне сказать? - спросила вдруг у него девушка.

Наш герой воспринял вопрос всерьёз и надолго задумался над ним. Уставши ждать ответа, сама Вера приняла решение:

- Ну тогда поехали по магазинам, - вдруг легко и просто, не колеблясь, произнесла Вера, и по тону сказанного это была не просьба, но это был и не приказ; это было информационное сообщение ТАСС ...

Он еще раз поднял глаза вверх: Чёрная Птица Завтрашнего Дня, которая прилипла к ним и весь ботанический путь по тропинкам сопровождала своим дурацки зловещим аккомпонементом, куда-то исчезла; она улетучилась, даже не прокаркав на прощание - паника её была велика. Он вспомнил. . .

"Какие магазины? . Баранкин, будь му-у-у... мужчиной, а не тряпкой-тяпкой, - подсказал ему проснувшийся, но осипший от какого-то непонятного волнения внутренний голос: - Скажи - нет! Ты никуда не поедешь! Ты поедешь домой! Ты устал! С тебя пожалуй хватит . . ."

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Ван Гог составил с братом план, по которому он собирался нарисовать множество картин, а брат должен был заняться рекламой и продвижением этих картин, - в общем, готовая иллюстрация: КАК СТАТЬ МИЛЛИОНЕРОМ. Думается, что такие идеи возникают либо у сумасшедших с манией величия, либо — у людей, которые чувствую, не могут не чувствовать свой огромный творческий потенциал ? Но ничего не могут с ним поделаться ...

ТАСС уполномочен заявить:
Тс-с-с! высокие договаривающиеся стороны
поехали по магазинам ...

Глава восьмая.

Он призадумался. Вступать в спор с хрипатым внутри себя при посторонних ему не захотелось. Впрочем, где-то внутренний голосок была прав: как и подавляющему большинству мужиков от мала до велика, хождение по магазинам, особенно с дамским товаром, было абсолютно неприемлемо, скучно, неинтересно и вообще - муторно; в глубине души он всегда ненавидел этот процесс и никогда не ходил никуда: если что и надо было, то покупал и носил первое попавшееся под руку ...

«Что значит поехали по магазинам?» - хотел наш герой спросить у Веры, хотя прекрасно представлял весь этот процесс. Но была вредительская мыслишка: а вдруг она имеет в виду нечто другое, чем он?

Но изнутри пошло нечто такое, что перебило предыдущую мысль:

“А ведь тебе как будущем великому писателю это хождение по мукам, то есть по магазинам, может очень даже пригодиться” - у него в мозгах щелкнул невидимый выключатель, и включился вдруг Тихий внутренний голос.

Некое сияние замерцало в тени деревьев Ботанического Сада, - вокруг были одни невесомые и невесёлые инопланетяне - свет, как уже несколько раз бывало, поплыл разноцветными точками и спиралевидными кругами. “Ты должен разбираться в Дамском Счастье не хуже, а где-то может быть даже лучше своих героинь ... “ - опять какая-то непонятная мелодия зазвучала как из-под земли...

Ему стало интересно. Может быть, сама судьба либо кто-то (или что-то?) здесь как бы посылает ему навстречу очень важный опыт, который потом вне всякого сомнения будет использован во многих и многих произведениях...

Она думает обо мне.

Она обо мне заботится.

В отличие от его судьбы Вера повернулась к нему спиной и, ничего не сказав по поводу своего поворота, спокойно пошла обратно, не спеша удаляясь от него по аллее, ведущей через заповедник-дубраву к выходу из Ботанического Сада. **Особенно много разноцветных кругов было в той стороне воздуха, откуда они только что пришли...**

«Она не видит этого калейдоскопа, - догадался наш герой, - поэтому идёт так смело».

В этот момент Вера даже ни разу не оглянулась, зараза, - идёт ли он за ней или нет. И если бы он не пошёл за ней, то, вне всякого сомнения, она поехала бы по магазинам без него - одна.

- ... - - ... - - ... -

Тем более ТАСС уполномочен заявить ... И наше герой снова почувствовал, что не сам ТАСС у Императорских Ворот это брякнул, а некая вышняя даже над ним, над ТАССом сила, таинственная и непонятная, повелевающая ТАССом, но которая была сильнее нас настолько, что мы не только не могли, но и - сами не хотели ей активно сопротивляться ...

X* X* X*

Ну вот, кажись, я отыскал в Лабиринте его мемуаров этот решающий, этот в полной мере переломный моментик ... Ту самую развилку, которую он проехал, - даже промчался, не заметив надгробного камня с надписями: налево пойдёшь... Направо пойдёшь... Прямо.... ТОЛЬКО ПРЯМО. И ВПЕРЕД.

Но всё равно, - пусть будет так: перелом был, но он виден сейчас, снаружи, - вообще

все исторически коренные переломы почему-то видны историкам, и совершенно незаметны современникам...

...и у нашего героя в тот исторический момент, - у него не было ощущения перелома ... Не было колебаний, сомнений - это так нормально: ведь всё тогда можно было поменять в мгновение ока. Например, расстаться. Или просто остаться в тени одному ... И пусть каждый умирает в одиночку.

“Нет, я хочу жить!”

Мало ли ты чего хочешь... - ответил ему хрипатый...

“Догоняй” - пропел Тихий голос. “Ты можешь потерять её — и потерять навсегда! И тогда твоё бедное сердечко...”

“Останься на месте. Просто крикни ей, - скомандовал хрипатый.— Крикни командирским голосом: ко мне! Ко мне, Жучка! Ты же укротитель тигров!”

- К ноге, Каштанка! - он услышал чей-то голос и оглянулся вокруг...

“Да, я, Действительно, укротитель тигров, но не — львиц” - молча ответил наш герой своему внутреннему голосу — хриплому.

И тут наш герой, спасаясь от этих неотступных голосов, сцепил зубы и молча кинулся за своей новой знакомой, ускорив и удлинив каждый шаг. Вера ушла довольно далеко от него, так что он был всё-таки вынужден крикнуть ей:

- Подожди!

И девушка, резко оглянувшись, остановилась. Самое интересное — вот это “оглянувшись”. В лесу кроме них двоих уже никого не было... Ясно, что произнести это слово мог только он один. Может, Вера захотела что-то прочесть на его лице? И что именно?

Подбежав к ней, он вытащил из левого кармана брюк какой-то плоский предмет, похожий на карманные часы только без ремешка и положил себе на вытянутую горизонтально ладонь

- Что это?

- Компас! - с важностью пояснил он. — Сейчас мы сориентируемся по сторонам света.

- А без компаса нельзя? - едко и иронично поинтересовалась Вера.

- Москва — это такой большой город, что маленький чукча может потеряться и будет горько плакать...

- А чего ему плакать? Его сдадут в бюро потерянных вещей — а там, глядишь, отыщется и его хозяйка...— в тон ему отыграла Вера.

- Я предлагаю так пройти — прямо. Мы здорово сократим путь, - стрелка компаса остановилась, и только её кончик слегка подрагивал, строго определяя север

Вера заколебалась.

- А вдруг там не будет прохода? Ты точно знаешь?

- Как это не будет? Дырки есть везде, тем более—в заборах... У нас заборы строятся для того, чтобы в них делали проходы и дырки... Пошли! Только прямо и - вперёд!

- Ну смотри! Если ты меня обманешь...— она не закончила фразы, но по её тону угрожающему — было ясно, что она не простит ему обмана до конца своей жизни... Но он почему-то этого совершенно не испугался. «Конечно, обману! - внутренне согласился он.— Ну и что ты мне сделаешь?... Хочу посмотреть!»

- ..=..— - ..=..— - ..=..—

- О том, что у всех этих заводах и фабриках есть дырки, даже у режимных предприятий я постоянно удостоверивался и не раз... Поэтому я, конечно, абсолютно не знаю, но я почему-то уверен, что там будет проход.

И он повернул влево — круто на Юг, куда показал его компас.

- Да! Специально для тебя сделали! - с нескрываемой иронией отреагировала Вера, но пошла вслед за молодым человеком.

- ..=..— - ..=..— - ..=..—

- у нас режимное предприятие. Никакой прессы — сказала мне начальник караула, баба под два метра ростом, косая сажень в плечах.— мне насрать, что вы пожалуетесь в горком.

Был ли риск? Я об этом не задумывался...

Я делал то, что— он осёкся ... Он хотел сказать:

- я делал и говорил то, что мне говорил мой внутренний голос, но сообразил, что наличие внутреннего голоса — эта та его тайна, о которой он не должен говорить никому вообще...

Поэтому он помолчал многозначительно. Вовремя остановился. Вера просекла это неожиданное замешательство в таком городом монологе

- Тебе дали задание?

— Мне было интересно...— пробормотал он. — я ведь никому не сказал, куда поехал и зачем. Я прекрасно понимал, что шансов на удачу не было никаких. И поехал так — для очистки совести.

- А зачем тогда?

- Нет, понимаешь тот завод ЖБК, который был у нас, он просто не тянул не мог произвести столько продукции... Причём на устаревшем оборудовании

- Почему?

- Людей не было. Элементарно не хватает рабочей силы.

- А там куда ты поехал, что — были люди?

- Тоже нет.

- Тогда зачем же ты поехал? Ничего не понимаю! Ты так путанно всё объясняешь...

- Людей там не было, но там были ... Были забайкальские комсомольцы — зэка всё там строили. И только в одном этом была единственная причина секретности и режимности этого объекта. Но там работало и достаточно гражданских. О заводе писали, но писали не упоминая, кто на нём работает... На поверхности и на бумаге это была чисто комсомольская стройка...

Он замолчал, как будто обидевшись.

- Ну и что дальше?

Он откашлялся и продолжил, всё более увлекаясь и увлекаясь:

- Зашёл в проходную. Стоят два вертухая в форменных фуражках с синим околышем.

Показал документы:

- Как связаться с вашим начальником?

- А никак, - нагло отвечают. Понятно, что не пропустят. Ну такие вот попались.

- У нас строго секретное предприятие...— начал один. Я понял, что они настроены воинственно. Запускаю последний довод короля: "У вас городской телефон есть? Сейчас мне надо позвонить в горком партии!"...

- Телефон захотел?! Ха-ха-ха...

Первый раз в жизни он шёл так долго с молодой девушкой наедине, выдерживая постоянное расстояние между ними примерно в полметра - не ближе ... похоже, время было не властно над ними в это время ...

- А почему ты сразу не пошёл в горком партии?

- Зачем? В горкоме я бы услышал ту же самую песню: предприятие режимное, посторонним вход воспрещён... Я вышел с проходной и пошёл вдоль железобетонного забора. Забор-то приличный — на века: где-то ну метра три вверх и колючкой такой верхушка вся обмотана... И вдруг вижу: идёт навстречу мужик, ну чуть постарше меня...

- Земляк, - говорю поспешно, - вертухаи тут меня тормознули, на зону никак, а мне бы попасть туда — срочник .. Не подскажешь, тут же дырка где-то есть...

Он остановился, как-то внимательно осмотрел меня с ног до головы и что-то ему во

мне не понравилось. И заколебался

- Понимаешь, кентуха срок мотает здесь... Маляву хочу закинуть...

- Не пизди...— ответил он мне сквозь зубы с лёгкой усмешкой.

Он был прав: прошло уже 10 лет, как я вернулся со стройбата, и феня моя уже отстала самым серьёзным образом — там уже давно гуляли новые словечки и фразеологизмы...

Я рассмеялся. Потом посмотрел ему в глаза:

- Понимаешь надо!

- Если надо — мандруй туда, - и он махнул в направлении, противоположном тому, как я шёл ...

И я пошёл туда, куда он махнул.

(Вера искоса поглядывала да поглядывала на своего невольного спутника, удивляясь как он прямо на глазах переменялся начавши этот свой сумбурный рассказ: рядом с ней шёл уже совсем другой человек.... Похоже, он был не совсем не тот ботаник, которым казался с первого взгляду... Особенно такая неуместная и неожиданная от него матерщина! Фотинья что-то явно путает...)

- Через два часа пустят собак! - крикнул он мне вдогонку. Я посмотрел на часы: правильно—в 16 часов там закончится первая смена... И там как раз смотрю — ветка железнодорожная идёт... И я думаю, как я не догадался сразу — ведь можно прицепиться к вагону и—проехать на особо охраняемую территорию...

- Это так опасно...— с сомнением пробормотала Вера. - У нас на железной дороге недавно сцепщика зарезало...

Молодой человек отмахнулся.

...Прошёл метров сто, ну вот как отсюда до того развесистого клёна — смотрю: а на железобетонной стене, за столбом какая-то непонятная заплатка, я подошёл поближе...

А это фанерным листом замаскировано и что-то вроде собачьего лаза, но если ухитриться, то человеку пролезть можно спокойно — ведь кто-то выдолбил бетон, перекусил и отогнул арматуру... Я фанеру оторвал...

Полез.

Пролез.

Выпачкался, конечно, но никуда не денешься—специфика нашей журналистской профессии: если не в дерьме, то в грязи будешь обязательно. Почистился как мог и пошёл дальше. Вот такое режимное предприятие— а ты хочешь, чтобы между ВДНХа и Ботаническим Садам наш народ не наломал дырьев...

Х* Х* Х*

Я — НЕ АМАЛЬРИК, я—другой... Копия Большому Брату.

12.04.1987 можем ли мы серьёзно сказать, что за последние два года, т.е. с 85-го по нынешний 87-й маятник серьёзно качнулся вправо?

1. Гласность антисоветизма, антикоммунизма, точнее её элементы...

2. Попытки “демократизации” именно буржуазного типа разделения властей

3. Начало движения децентрализации и проч.

Но когда это будет достигнуто, а оно скорее всего всё-таки будет достигнуто, то начнётся нешуточная БОРЬБА. Поэтому я говорю о противоречивости политической программы КаПээСэС Горбачёва: , с одной стороны, подавление администрирования силой нетрудовых доходов, с другой стороны, коллективный подряд, индивидуальная трудовая деятельность, кооперация и проч.

Часть советского общества будет тянуть в сторону обобществлённого коммунистического труда, технополисов и проч., повышения уровня, сознательности бескорыстного труда на благо общества и т.д. Назовём её всё желевой группировкой. Другая часть будет тянуть вправо: в сторону частичной реставрации

капитализма со всеми вытекающими последствиями... Типа "народного" капитализма по юославскому образцу

Именно это может стать содержанием наступающих ближайших лет...

- *Ещё разок - после достижения определённых уровней:*
- *Гласности*
- *Демократизации, в том числе и политической*
- *Децентрализации, в том числе и национальной*
- *Продовольственного налога*
- *Кооперации и т.п.*

Начнётся нешуточная схватка. И сейчас совершенно неясно - до какого предела она дойдёт и насколько кровавой...

X* X* X*

- Ну и что дальше? Тебя поймали? - неподдельный интерес засверкал в глазах девушки.

- Ну да: меня поймали, арестовали, велели пачпорт показать... А я не советский, а я не кадетский, а я = цыплячий комиссар... Да ничего подобного — громадная территория, загромождённая всяким барахлом, как я понимаю — бракованными железобетонными панелями, строительным мусором, машинами, экскаваторами, какими-то бочками и самое главное — ни одного человека. Я, наверное, минут пять шёл пока не набрёл на работяг в ватниках...

- Это зэки, они что без охраны? - неожиданно перебила его рассказ Вера.

- Ну видишь, это ведь не совсем зона. Это же типа ЛТП - типа "химии"... Где спрашиваю административное здание. Они на меня пялятся как на инопланетянина, и молчат. Я снова спрашиваю. Они так тупо смотрят на меня и ничего не отвечают. Я тогда матом на них:

- - ..=..— говорю, - ..=..—

—типа вы что по-русски не понимаете, уроды?...

- Ну ты бы так сразу и сказал! - говорит один из них и начинает объяснять...

Пришёл в администрацию — директора нет: вызвали в обком... По кабинетам: плановый там отдел, эксплуатационный — ну полный бардак. Есть, говорят, главный инженер... Ну мне какая разница! Показал ему свою корочку, говорю так и так — должна быть статья в газете нашей, что ваш завод готов обеспечить наш город, ваших соседей в целях крупнопанельного домостроения... Он как-то ухватился за эту идею ... Мощности у них действительно простаивали. Он мне небольшую экскурсию по заводу, я даже поснимал там своим фотиком — без людей, без работников естественно...

- А почему без людей? - вдруг неожиданно спросила Вера. Он смутился

- Я ж тебе уже говорил, что есть стройка была как бы комсомольская. Но в действительности там - элтэпэшники, а также те, кому дали срока на поселение—их называли "химиками".

- Обрато тоже через дырку?

- Ну нет! С завода меня главный инженер вывез на белой Волге как белого человека... Довёз до автовокзала... Очень долго извинялся, что не может довезти до моего родного городишка...

- Ну в Москве у тебя такие фокусы не получатся, - немного подумав, обронила Вера.

..., конечно, ей нужно было очень много объяснить, что всё это воздвигалось в степи и сам завод и город вокруг него... Что там было два завода: на основной он бы действительно не попал, а это второй завод, который был построен чтобы обеспечить жильём город, создававшийся на пустом месте... Это был просто завод ЖБК. Он чувствовал, что она это ничего не знает, не понимает—но самое удивительное, было то, что это её почему-то гораздо больше заинтересовало, чем его Великая Идея о Человеческой Трагикомедии...

X* X* X*

Кто? Б*? Он сказал, что убьёт меня—почему предварительно не согласовал с ним эту статью... Б* был чужак... И он не особо праздновал горком, поэтому горкомовские исподтишка стремились его убрать, чтобы посадить на его место своего... И когда Дубовый понёс мою статью, они решили рискнуть и дали добро на печать... Была возможность решить вопрос жилищного строительства.. Б* тогда выкрутился, но на пленуме горкоме партии ему пришлось туго— ему по-моему даже на вид поставил...

- А какая у вас там в газете зарплата была?

\- - .-.=.-.— - .-.=.-.— - .-.=.-.—

Потапыч меня предупредил:

- Коллеги позвонили: они очень удивляются, как ты туда попал.... Но ты пойми — на этот раз тебе сошло всё с рук! Но ты пойми, жопа, так материалы = через замочную скважину, через дырку в заборе, через горлышко бутылки водки — так советский журналист работать не должен... Ты должен с чистой совестью смотреть в глаза людям, своим читателям...

- вообще тебе так здорово повезло — ты прямо в рубашке родился!

Вера выслушала эту историю с каким-то не очень понятным для него интересом, и это здорово сократило им путь — совместная дорога показалась им не очень длинной... И тому, который рассказывал и той, которая слушала...

- А кто такой Потапыч? - снова заинтересовалась она.

- Потапыч, ну это—он замялся.—Это вроде как мой старший друг, когда я пришёл в газету, он стал меня поддерживать, помогать, подсказывать... И ещё знаешь, что он мне сказал? Нельзя, говорит, постоянно испытывать свою счастье — не может быть такого, чтобы везло на постоянной, рано или поздно случится беда... Один раз повезёт, второй, третий, но настанет момент, когда фортуна отвернётся от тебя...

- Твой Потапыч просто трус и паникёр, - сухо сказала Вера.— Только они думают так...

История с колцом Полидора (?)

С одной стороны, чужие абсолютно незнакомые друг другу люди, но самое удивительное - упорно шли вместе пока не добрались до предусмотрительно сделанной хулиганьем дыры в заборе, отделявшем ВДНХа от Ботанического Сада - с другой стороны. В тот момент, остановившись у пролома в решетчатом заборе, они и не подозревали, что совершили символическое путешествие через всю Великую Империю XX века, через её географические ландшафты - ... - и тут они одновременно почувствовали, как гудят у них ноги, - хотя они были молоды, они устали ...

Но молодой организм восстанавливает силы быстро: совсем немного отдохнув на тёмно-зелёной деревянной скамейке, побрели дальше. Здесь было повеселей, чем в Ботаническом Саду - особенно эти павильоны, - такие разные и такие одинаковые! У этих в полной мере странных сооружений были не двери, а целые ворота, рассчитанные не на людей нормального роста, а по меньшей мере сказочных великанов, ну а надписи на зданиях с колоннами на верхушке ступенек - это особый разговор.

- ... - - ... - - ... -

Так получилось, что про достижения народного хозяйства Самой Великой Империи XX века и наш герой, и Вера были очень хорошо начитаны и наслушаны, поэтому они достаточно быстро и благополучно пересекли насквозь все отрасли и братские республики одной шестой части планеты Земля и, в конце концов, добрались - до круглого и приземистого строения без окон с одной-единственной всего лишь буквой "М" на верху, весьма близко напоминавшего издали вход в муравейник, и поехали под землёй на другой конец столицы южной.

Под визг, грохот, скрежет, металлический голос диктора в подземном средстве транспортного сообщения он вдруг понял, что в некоторые моменты жизни молчание - важнее слов. Что-то произошло там - на небесах? - во время этой длительной пешеходной прогулки

... Но что именно было пока абсолютно неясно.

А самое главное в шуме, с которым мчались поезда метро, он явственно стал различать звуки какого-то всемирного барабана, такой неторопливой барабанной дробью, которая то появлялась, то исчезала...

Вспомнилось вчерашнее

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН!

УНИВЕРМАГ "ВАРШАВСКИЙ ДОГОВОР"

Брежневскую эпоху - застольную и застойную - объясняли, наверное, уже десятки тысяч раз - пора и нам пока ещё живым свидетелям, внести свою лепту в это благословленное дело: переписывание чёрной истории на белом.

Каждая эпоха холодна, но каждая эпоха холодна по-своему.

Так вот, магазины столицы в то время представляли особенное зрелище, весьма специфическое и уникальное в мировой истории рабовладения. Из года в год, из десятилетия в десятилетие они не торговали, они просто функционировали по типу "дефицит выбрасывали".

Никогда уже не забуду чарующие и незабываемые картины этих бесчисленных и бесконечных очередей моего народа, выходявших из дверей магазина, заворачивавших за его угол и огибавших здание предприятия торговали, теряясь во дворе, в подворотне ...

Н-да, жильцам вот этого столичного дома не нужно было далеко ходить, чтобы стать в очередь: выйдя из своего подъезда они автоматически оказывались пристроенными в погону за дефицитом ... Именно поэтому все советские люди как незабвенные три сестры тогда и рвались, наверное, в столицы: южную и северную ...

Но ведь была ещё Одесса! Ну да—такое постоянное ощущение, что да! Это всё не-серьёзно, даже флирт был бы серьёзнее, а тут всё ещё можно поменять... Хотя как сказать! Может быть, именно такое легкомысленное отношение всё-таки и показывало, что поменять уже было ничего нельзя...

В торговых залах ... у входа в Варшавский Договор стояли не только женщины, но и отдельные мужчины, готовые предложить тот же самый дефицит вчерашнего дня, которого уже не было на полках и вешалках в магазинах - но уже как минимум в два раза дороже.

Был ещё один тип очереди: он назывался - давка за импортом... Здесь были сильные духом... Но ещё более сильные телом...

Магазин по прозвищу Варшавский Договор - это был трёхэтажный магазин, в котором выбрасывали импортные товары из братской социалистической страны или из нескольких сразу. Очереди за дефицитом были такие, что если бы они стали в конец людской цепочки, то даже к закрытию магазина они не попали в отдел. Кроме того наблюдался круговорот одних и тех же лиц: фарцовщицы занимали очередь друг для друга ...

- ... - - ... - - ... -

И когда они поднялись из подземелья, то движение по трём этажам и десятку отделов универмага ему было в новинку: он попытался запомнить отделы и что в них находилось ... И мысль его закрутилась вокруг тайн женской души, которая находит странное для него удовольствие в этом движении по платьям, юбкам, плащам, женскому белью, сапогам и туфлям и Бог знает чему только, - ... - в которую он принципиально не входил, оставался в стороне, а новая знакомая возвращалась к нему, и они продолжали неторопливое пешеходное передвижение ... Ничего не запомнилось, и он пожалел, что не захватил с собой записной книжки с карандашом; да кто знал, чем закончится встреча в Ботаническом Саду?! Он и подумать не мог - что - МАГАЗИНАМИ?!

Но пока Вера перебирала тряпки на верхних полках и сортировала плечики с блузками, висевшие на нижних спецстойках - по её же выражению "утильсырьё", - он стал от нечего делать - рассматривать посетительниц.

Про себя он отметил, что андроповцы были правы: несмотря на то, что день был рабочий и в разгаре страда деревенская - по магазинам слонялось достаточно большое количество народу. Отпускники? ... Ясно, что все они составляли вполне приличную питательную мелкобуржуазную среду, в которой шли свои процессы перераспределения и концентрации денежных средств, - сделал он такой решающий вывод.

Одна из женщин из этой алчной толпы, находившейся в постоянной погоне за дефицитом, остановилась напротив него и внимательно уставилась на него, даже не смотрела - а пялилась на него без стыда и совести.

Заметив этот неприятный прямой взгляд остановившейся на бегу волчицы - как будто она гипнотизировала его чёрным глазами, - он смущённо потупил взор, но перед этим успел заметить, что предполагаемая хищница была в очень тёмном платье и чёрных лаковых туфлях на низком каблуке; уже этим одним нарядом она как-то выделялась из пёстрой полетнему толпы.

Его слегка шокировал этот весьма контрастирующий с достаточно жаркими августовскими днями весь чёрный цвет ...

Особенно чёрные колготки... И чего люди парятся?...

И это бледное, словно гипсовое, лицо ...

"Наверное. У неё какое-то несчастье в семье!" - подумал он о её наряде - "И она носит большой траур Но почему она неприятно смотрит именно на меня? Какой у неё тяжелый взгляд! Бывают же такие неприятные люди! Ей что больше нечего делать? Наверное, обозналась... Сейчас я ей объясню, что я совсем не знаю... Да и — знать не хочу! А вдруг эта сумасшедшая? и сейчас что делать если она прицепится ко мне? Звать милицию? Смешно..."

"Причём тут несчастье? - пропел нежно и убаюкивающе тихий голос внутри души его.—Это Гостья из Будущего. Она живёт в коммунистическом будущем ХХ!!! (двадцать третьего века от Рождества Христова) и создаёт в своём счастливом далеке Визуальный Мир по мотивам твоей биографии — биографии будущего Нобелевского лауреата. Она села на машину времени и прилетела сюда — в конец ХХ века, чтобы вживую понаблюдать за тобой..."

«Несмотря на столь благоприятный вброс со стороны подсознания, я почувствовал ледяной холод в моем левом боку, со стороны неприятной незнакомки...»

Он резко отвернулся от черной женщины, но спиной продолжал чувствовать этот неприятный взгляд, которым она его сверлила как бормашина гнилой зуб.

Потом повернул ещё раз голову назад - она шла к нему.

Он отвернулся. Во рту пересохло. Он откашлялся. Это не помогло. Мозги поплыли. В висках застучала кровь.

- А ты знаешь, - проснулся хрипатый, - ты вот так — «подстеночкой», под стеночкой и дальше ... И там вниз по лестнице, ведущей вверх — бегом... На выход! Брось её! Брось всё! Спасай только самого себя! Просто брось... Вера - москвичка. Вера привычная... Деньги есть — сама доедет... Ты же сам видишь: происходит какая-то чертовщина. Тут дело нечисто, ох, нечисто!

Но только он сделал два неверных шага как пьяный, - как словно из-под земли выросла перед ним... выросла эта самая дура - Чёрная Женщина. Она перегородила ему дорогу к лестнице и стала приближаться к нему всё более и более увеличиваясь в размерах... Нестественно белое, как мел, как гипсовая статуя...

В этот момент его ноги как будто приросли к мозаике бетонного пола... Случилось что-то невероятное и неопишное ...Он почувствовал, как что-то особенное пронзало все его члены и ему казалось, что кровь замерзла не только в его малом, но и большом круге кровообращения...

Судьба нам послала странную спутницу...

Глава Девятая

- Пошли наверх ... - голос Веры услышал он как бы издалека, как бы через вату в ушах, хотя она была практически в нескольких метрах от него и говорила отнюдь не шепотом, а даже довольно громко. И...

Чудеса да и только! Даже несмотря на столь слабый для него отгороженный чем-то голос, в этот весьма неприятный и непонятный момент только благодаря этому звукам, наш герой вышел из состояния странного оцепенения, навеянного на него Чёрной Женщиной.

Неизвестно откуда стали вливаться в его оцепеневшее тело неожиданные силы, и через несколько секунд у него возникла возможность, сбросив туман с очей, отвернуться от поманившей его Чёрной Женщины. А повернувшись, наш герой увидел, что Вера уже вышла из отдела верхней женской одежды, и в несколько шагов бросился опрометью к ней под крыло. Ему стало жарко. Испарина выступила на лбу.

Вера увидела начало его движения, увидела то, что он двинулся к ней, но, не дождав его, пошла вперёд подниматься по ступенькам.

Она не спешила принимать его к себе под крыло. Наш герой последовал за ней, старясь унять разыгравшееся внутреннее волнение. Пока перебирал ногами ступеньки, страшно хотелось оглянуться, но из последних сил он сдерживал это желание... Ему не на шутку показалось, что оно может оказаться—последним. А тут строители понимаешь, понаделали лестницу без перил, и не за что взяться!

Поднявшись на второй этаж, наш герой краем глаза не теряя идущую мимо Веру, остановился и всё-таки обернулся и глянул вниз - Женщина в Чёрном неотступно следовала за ними, она уже подошла к первой ступеньке лестницы на второй этаж. Он не видел её лица, не видел сверху её глаза, потому что она смотрела себе под ноги.

И тут наш герой сообразил: если они остановятся, то она точно подойдёт к нему. Ещё раз подойдёт. И после того (в его уразумении!) как Чёрная подойдёт, воспоследует какая-то неприятная сцена... И тогда начнётся...

- С кем это ты разговариваешь? - спросит Вера. Обязательно спросит.

Ему снова стало нехорошо. Что делать? Как предотвратить неминуемое развитие событий?

Сверху она ещё больше походила одеждой на монахиню. Какое-то горе приподняло её плечи, и Чёрная Женщина закрывалась ими как боксёр от ударов судьбы.

Тем временем когда он догнал на следующем—третьем этаже, Вера окинула скользким взглядом названия отделов и повернулась к нему:

- Ну что я тебе скажу: ничего нет - одно барахло! -

Наш герой уже нормально расслышал эти слова. Такое очередное информационное сообщение ТАСС прозвучало впервые в жизни, и слегка удивило его - ведь какие-то шмотки там висели? Ну почему так обязательно барахло? Хотя кто знает... — Вера ещё раз многозначительно обвела взором отделы, скучающих продавщиц и хмурых покупательниц за загородками отделов и махнула разочарованно рукой...

- Поехали отсюда! «Ну слава Богу!»

Даже ему совершенно ничего не понимавшему в красоте ширпотребных вещей, которая спасала если не мир, то весь советский народ во время Брежневской эпохи, то есть в товарах народного потребления, - было ясно видно, что ассортимент был действительно крайне беден, однообразен. Да и с модой, видимо, жил не совсем в ладу...

- Застряла в лифте! - сообщил ему с видом знатока его внутренний хрипчатый голос.

- Тут нет лифтов! - заспорил наш герой со своим внутренним голосом.— Она шла по лестнице..

Оба, они—и он и его внутренний голос—прекрасно понимали, о ком именно идёт речь.

- А я тебе говорю—всё равно застряла в лифте!..

Уже смело и размашисто наш герой крутанулся на все 360 градусов—Чёрной Женщины нигде не было.

Он обрадовался. А тут ещё Вера подошла к нему и взяла под руку. Неожиданно. И они стали спускаться вниз по лестнице, ведущей вверх

Впрочем, не всё было так уж плохо! И в Брежневскую эпоху что-то приличное из ширпотреба было. В этом наш герой убедился буквально через несколько минут. Когда они уже спустившись по лестнице оказались на первом этаже, на последней ступеньке к ним резко приблизилась хорошо упитанная, - но изящно одетая женщина с небольшой и очень навороченной красивой сумочкой в руках. Подойдя наперерез почти вплотную и затем дополнительно наклонившись, как партизанка-подпольщица, она тихо, но внятно пробормотала волшебное слово:

- Мохерова ...

Вера остановилась и вопросительно посмотрела на неё. Вместе с Верой остановился и наш герой. Он не знал, что делать: присутствовать в переговорах или отойти в сторону, стать свидетелем сделки? А вдруг своим присутствием он помешает или что ещё хуже—сорвёт выгодный бизнес-контракт.

... - Девушка, есть такая очаровательная кофточка — ну прямо на вас ... Мохерова

...

Элегантное импортное платье искусно скрывало её полноту. "Давайте отойдём!". Вера посмотрела на неё, и слегка улыбнувшись, фарцовщица кивнула головой в нужную для отхода сторону...

- Ну и в какую цену? - Вера не сдвинулась с места. Остановилась и фарцовщица.

Не оглядываясь по сторонам и смотря прямо в глаза, женщина ничтоже сумняшея и глазом не моргнув назвала трёхмесячный оклад рядового советского работника, а для уборщицы, наверное, и полугодовой

Вера скорчила ироническую гримасу:

- Извините, но за такие деньги - носите сами, пожалуйста... То есть спасибо...

Наш вздрогнул, потому что Верины слова показались ему чересчур оскорбительными и резкими... Тем более, что саму вещь не посмотрели... Может, например, там действительно шедевр из золота и брильянтов?! Но фарцовщица ничуть не обиделась резкостью обращения. Ей нельзя было обращать на себя внимания. Да и куда она могла обратиться со своей обидой?! В милицию, кгхм...

- Я уступлю, девушка ... - вдогонку - Я вам уступлю ...

У Веры не дрогнул ни один мускул на её серьёзном и деловитом лице, она потянула за собой кавалера, не оборачиваясь.

За сегодняшний день он понял, что Вера много не говорит, а если говорит, то выражается всегда энергично, показывая недюжинный холерический темперамент и какие-то странные на его взгляд амбиции.

Именно в этот день он стал немножко понимать особенности новой знакомой; и чем больше он понимал, тем больше находил в этом характере особую пока только одному ему понятную прелесть ... Ему, слабкохарактерному по жизни, импонировали её энергичность и решительность... А также—немногословность.

И в тот момент, немного подумавши, наш герой почувствовал возможность сыграть роль богатого кавалера - "Да ладно, давай купим", - пробормотал он Вере, наклонившись к её уху, совершенно забыв, что деньги у него находятся в укромном месте, и даже при всём

благородстве жеста он не сможет обеспечить моментальную выдачу водяных знаков прямо рядом со входом в Варшавский Договор - нет, не сможет. Для этого надо было сначала найти как минимум мужской туалет.

Вера посмотрела на него таким резким взглядом, что он осёкся и больше не захотел выступать в роли Багдадского Вора.

Неожиданный диалог с фарцовщицей отвлек его от мысли о Чёрной Женщины, и когда высокие договаривающиеся стороны окончательно покинули многоэтажное здание Варшавского Договора, наш герой уже на улице, снова осмотрелся вокруг и, не обнаружив вокруг себя никаких чёрных фигур, с облегчением вздохнул...

Ну, может, место такое - такое проклятое. Если не ошибаюсь, вход в метро там был без наземной башенки и просто обозначался буквой «М» на верхушке столба над подземным переходом... День стремительно катился к вечеру, а солнце спускалось с вышины — к горизонту... Он вынужден был признать, что день вместе с Верой пролетел незаметно как одно мгновение

X* X* X*

Из Неотправленных Писем Провинциала: «О ЧЁМ ПИСАТЬ? Копия Старшему Брату.

(Или немного политики в современной ситуации)

О том, что коллективный подряд везде на бумаге, о том что хозрасчёт в бездействии, о том что вместо ускорения происходит замедление, о том что в перестройку люди не верят, о том, что рабочий класс оказывает сопротивление перестроечным процессам:

Показывать как при ближайшем рассмотрении лопаются мыльные пузыри демагогии, лжи, обмана, разоблачать на каждом шагу неуклюжие манёвры партийных ослов и идеологических спекулянтов от марксизма=ленинизма, как кооперативное движение проваливается с треском в откровенный бандитизм, о том что индивидуальная трудовая деятельность обречена на провал, то что демократизация означает на деле ли - широкомасштабную провокацию, очередной бессмысленный эксперимент ...

Очевидно, что период колебаний или сомнений не может быть слишком долгим; необходимо рано или поздно сделать выбор: либо «за» перестройку, либо - «против». Ибо отсутствие выбора грозит распадом моей личности.

Точно так же очевидно, что нельзя поддерживать то дело, которое заведомо обречено на провал. Грядёт развал экономики, но только такой ценой партия может удержать своё главенствующее положения в народе.

Я верю в личную искренность Горбачёва, мне симпатична его фигура как человека, но я не верю в экономическую результативность его деятельности. Все его усилия направлены на то, чтобы сохранить господствующее положение привилегированного слоя бездельников, тунеядцев и авантюристов, именуемой партией.

В 1985-м, 1986-м, и отчасти начале 1987 годах многое было ещё неясно, и выбрать не представлялось возможным, и только сейчас ход жизни приводит меня в ряды сторонников реакционеров, ряды противников перестройки.

Разоблачение перестройки как мелкобуржуазного процесса не как самоцель, а как основание для социально=экономического углубления социально=экономических процессов

На обороте: Начальнику 138-го отделения ...

X* X* X*

УНИВЕРМАГ "ДЕРЕВЕНСКИЙ"

Хотя с него было достаточно вполне и одного Варшавского Договора, Вера думала

несколько иначе, и они поехали в следующий магазин, это был универмаг - "Деревенский". Это по радиальной, штук десять станций подряд и — если мне не изменяет память — и затем по кольцевой... В вагоне метро он попытался оценить, много ли новой важной информации он получил из посещения Варшавского Договора, и насколько серьёзно поможет она ему в его писательской работе — например, в разработке образов положительных героинь... Женщин, рыщущих по магазинами как голодные волчицы в поисках модной одежды и обуви...

И когда они вышли на поверхность у "Деревенского", то он насчитал 21 ступеньку бокового входа — преодолев их вверх, они вышли на такую площадку перед стеклянными дверями. С высоты он внимательно осмотрелся вокруг и ничего подозрительного вокруг не обнаружил.

Вера вопросительно посмотрела на него:

- Ты что ищешь?

- Вчерашний день... - отшутился он

- А что значит - уступлю? - впервые в своей жизни задал он своей новой знакомой "гвупый вопрос", исключительно, чтобы перевести тему разговора. Обычно он фильтровал базар и не задавал девушкам на randevу своих коронных вопросов, но здесь в данной ситуации после откровений Ботанического Сада, ему терять уже было нечего.

Вера не ответила. Может не услышала.

- Придурок! - ответил ему вместо девушки его внутренний Хрип. - "Уступлю" - это значит пойду навстречу ...

- На какую встречу?.. Навстречу светлому коммунистическому будущему нашей великой страны?

Здесь, в Деревенском, они стали смотреть тюлевые занавески и шторы. Но сама атмосфера, и самое главное люди в этом многоэтажном универмаге были другие и .. . Поинтереснее, что ли. Сначала он не понял, почему... Но присмотревшись, увидел: среди них было достаточно много приезжих, потому что этот универмаг располагался на площади трёх вокзалов...

В этот день он мог убедиться своими глазами что пресловутая "продажа с рук" была в столице южной, извините за неуклюжий каламбур, поставлена "на широкую ногу". Особенно в универмаге "Деревенский", где народу было ощутимо побольше. Не особенос стесняясь женщины показывали друг другу юбки, брючки, жакеты, кофты... Купив товар, покупательницы ничуть не стесняясь тут же перепродавала его тем, кому он действительно был нужен, но не достался...

Но уже здесь его начала пробирать зевота - день показался удивительно длинным. Начинали гудеть ноги, а глаза сами собой — искать, где бы присесть хотя бы на пяток минут. Прикрывая рот ладошкой от очередной порции зевоты, он вдруг заметил ту же самую пожилую женщину в черном платье. Точь-в-точь. Копия! Сонливость как рукой сняло.

Он совершенно забыл о ней, и её появление перед ним во второй раз просто-напросто шокировало нашего героя...

Только этого еще не хватало!

Впрочем, у него была плохая память на лица. И он подумал, что это, наверное, всё-таки совершенно другая женщина. Мало ли в столице женщин в чёрном?! Много ли в первопрестольной горя и несчастий?! Резонный вопрос.

Он отвернулся от Чёрной Женщины. А что ещё он мог сделать? Он напряг мозговые извилины в поисках рецепта оптимального поведения, которое бы помогло ему избежать того приступа панического страха, который он испытал на втором этаже Варшавского Договора...

Держаться поближе к Вере? Пожалуй, это выход... И если раньше он не заходил с ней в отделы, то теперь они шли вместе...

Хрипатый молчал.

Настроение у нашего героя начало потихоньку створаживаться, а сам он—киснуть.

Несмотря на то, что он отвернулся, неприятности нарастали: и эта новая (или старая?) женщина в чёрном приблизилась к нему вплотную и почти в упор стала всматриваться ему в глаза – точно также, как та другая, первая, которой он вдруг так перепугался и которая бросила его в дрожь и испарину; нашего героя не покидало ощущение, что стоявшая рядом Чёрная Женщина сейчас ему что-то скажет, она предупредит о чём-то, но он очень невнимательно отнёсся к этому ... Он опустил глаза...

Более того - он не хотел слышать, что она ему скажет; Чёрная Женщина ему не понравилась с первого взгляда - чёрный цвет всегда вызывал в нём содрогание и неприятие... «Тётка, наверное, больна малокровием, - подумал он. - Точнее бледнокровием... Больной человек!»

- .-.=.-. -

- .-.=.-. -

Жизнь продолжалась по своей незыблемой и неизбывной синусоиде: но в молодости ямы и падения еще не ощущались как ямы, а взлёты - ... А взлёты не сопровождались чувством умиротворения? Он чего-то достиг в жизни, но этого так мало...

X* X* X*

Единственное - что они не посетили в тот день, - так это были строительные материалы и продукты. По-моему, был даже какой-то мебельный отдел...

Впервые в своей тридцатилетней жизни наш герой держал в руках женскую сумочку, чужую ... Наверное, в ней были деньги. Что там могло быть ещё, - об этом он и не задумывался. И не ощущал никаких эмоций ни радостных, ни горестных по этому поводу ... Бывают такие сны, когда просыпаешься в слезах счастья, бывают такие кошмары, когда от страха сердце готово выпрыгнуть из грудной клетки, а бывают сны такие - равнодушные ... сейчас с ним длился точно такой же индифферентный сон.

Вспомнилось вчерашнее

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН!

Но именно здесь в привокзальном универмаге трёх вокзалов страны к нему впервые пришла мысль, что события в столице южной, участником которых он стал, развиваются - как-то неправильно. В чём их неправильность, он не мог сообразить, но было стойкое смутное ощущение, что жизнь его направляется не совсем туда, куда надо ... Опять же вот эта Чёрная Женщина. Но поскольку надежда умирает последней, то и ему абсолютно всерьёз казалось, что вот ещё немножко и всё вернётся на круги своя. Абсолюман!

X* X* X*

- Ничего страшного нет, какая разница, как она воспримет твоё информационное сообщение - успокоил его Тихий внутренний голос. - ничего страшного не будет. Ты в любой момент можешь ... Можешь купить билет домой.

Вместо этого наш герой вдруг сказал Вере, когда они в очередной раз вышли из-за загородки с женскими тряпками всех цветов радуги:

- Слушай, ты знаешь, но, кажется, судьба послала нам странную спутницу...

- Ты о чём это? - не поняла Вера

- Я.. Просто... Ну, в общем, заметил, как за нами гоняется какая-то баба, - с легкой улыбкой на губах поделился он своим открытием — вся в чёрном, понимаешь...

- Кто? - Вера слегка вздрогнула и импульсивно оглянулась, внимательно проведя глазами по веренице покупательниц. Он хотел в этой разноцветной толпе ткнуть пальцем на женщину в чёрном, и уже поднял свой указательный вверх, но к его удивлению, сколько не искал её глазами, не нашёл - не нашёл даже похожей черноты, хотя совсем недавно Чёрная

была совсем рядом м ними...

- Ну и где она?

Странно но —, - словно она сквозь бетонный пол запропастилась. И когда только успела...

- Хм, - хмыкнул он растерянно и пожал плечами. - Кажется, она куда-то уже делась!? - он продолжал крутить головой на все 360 градусов, но бестолку: то ли видение, то ли привидение ...

- Понимаешь, она то подходит, то уходит...

Вера еще раз вслед за ним внимательно осмотрела торговый зал, и ничего не сказала, хотя он ожидал, что она брякнет про глюки. Обязательно скажет... Может, что и похлеще спросит...

Вместо этого Вера пошла дальше. Ему ничего не оставалось делать, как пойти вслед за ней... Разговор не закончился.... Он интуитивно чувствовал: сейчас будет продолжение. И точно:

- Следующий раз спроси, чего ей нужно?- через некоторое время обронила она через плечо тихим но внятным голосом.

- Хорошо! Спрошу ... - хотя разговор с Женщиной в Чёрном не входил в его планы до тех пор, пока он доподлинно не выяснит, на самом ли деле она существует или же это ему только кажется ...

Там такая система: глюк может говорить и порой достаточно много, не говоря уже о логике.. Но состоявшийся разговор с глюком, отнюдь не доказательство, что он существует на самом деле... Нужны были ещё одни глаза, ещё один уши—посторонние... В сущности, от Веры ему нужно было только одно: она тоже видит эту Чёрную Женщину или нет?

Нет, этот разговор никак не хотел завершаться, и через некоторое время наш герой снова поделился своими сомнениями с Верой:

- А, может, не надо ничего спрашивать? Вдруг она сумасшедшая? Дураков — много...

- Ты что боишься?

- Да нет, не боюсь — просто неприятно

Вера промолчала. Видимо, она тоже как и он не любила спорить...

- Не трожь гавно, вонять не будет, - взял на себя миссию подвести итоги. «Нет! И ещё раз нет! Он ничего не будет спрашивать у Чёрной Женщины. И разговаривать с ней не будет тоже»...

Хотя сам образ - удлинённое гипсовой бледности лицо, длинные и прямые чёрточки-брови - показался ему достаточно поэтичным для вставки в какое-нибудь его произведение ... Но одно дело — поэзия, а другое дело — жизнь... И то, что так уместно выглядит в рифмах, без оных зачастую лишнее бывает...

Но его поразило ещё одно обстоятельство: Вера почему-то неожиданно всерьёз восприняла его сообщение... Значит ли это, что-то такое существует на самом деле... Но что именно, И она знает, что это существует?! А откуда она знает? Вопросы множились со скоростью звука... Но он не спешил их озвучивать...

X* X* X*

Завершался всего лишь второй день знакомства...

Вспомнилось вчерашнее

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН!

Как он запланировал, так он и осуществил прогулку с девушкой в Ботаническом Саду; наступало время, когда в ночной синеве начинают зажигаться один за одним небесные фонарики, в нарастающем полумраке над Большим Городом их становится всё больше и больше, а вслед за тем на улицах и проспектах в одно мгновение вспыхнули и засияли уличные

звёзды, - в этот момент все магазины уже сливались для него на одно лицо. «Ну и что делать с ней завтра?» - задумался наш герой... Ответа на этот вопрос он не знал.

Напряжённость и скованность во всём теле нарастала вместе с усталостью. И почему он пошёл по магазинам? Потерянное время ... Хотя оно и пролетело незаметно. Всё-таки потерянное время...

Сначала у него был ...

Тем более что за целый удивительно большой день не было совершено ни одной мало-мальской покупки. До сих пор для него любой поход в магазин завершался приобретением жизненно необходимых вещей; конечно, там тоже не всегда было то, что ему было нужно, но если было - он покупал, не обращая внимания ни на качество, ни даже на цену. В конце концов, какая разница в чем ходить, что носить: вельвет, кримплен или даже пропилен ... Скороход или Саламандру ... Саламандра – это не животное и даже не насекомая, это такая заокеанская марка импортных галош.

Поняв, что ничего нового его здесь уже не ждёт, он осведомился со вздохом:

- Ну что?! - пора идти в ЗАГС! - настойчиво и серьёзно.

Наверное, это следовало бы произнести шуткой, а не с таким кислым выражением лица, но иронический тон с новой знакомой не получался - ну и пусть что всего лишь второй день их знакомства.

Однако поскольку он был пессимист, то спешил навстречу неизбежному расставанию; он его немножко провоцировал. И нашему герою захотелось побыстрее разрубить этот гордиев узел.

- Ну что вы там врёте - всё врёте и врёте! А где же признание в любви? - спросит особенно любознательная читательница: - ... А как же основной вопрос марксистско-ленинской философии: а я тебе нравлюсь?

“Ведь мы знакомы так мало. Правда, ну правда же ...”

Вообще, хочу заметить вскользь: и знакомство и разговоры любого юноши и девушки подчинены непереступаемым законам жанра жизни от роддома до кладбища. И он где-то понимал справедливость негодования Старшего Брата: у сексуальных игрищ есть свои правила и их надо соблюдать. Всё однотипно, всё одно и то же, но шаг вправо, шаг влево означает - конец света. Только прямо, только вперёд...

Но сейчас наш герой настойчиво играл не по правилам. Играл в расчёте на отказ.

И вполне возможно, делал он это потому, что в его деликатном положении почему-то действительно привычное и порядочное течение жизни нарушалось ...и он чувствовал это нарушение, эту неправильность... и не зная что делать, погнался конец... Он не услышал “нет” в Ботаническом Саду, - должно же оно прозвучать хотя бы вечером! Итак:

- Ну что?! - пора идти в ЗАГС!

Вера вышла из отдела красная и взволнованная.

- Ты представляешь, - всю возмущалась Вера.— Они там просто спят на ходу — перепутали размеры... Ну я же не слепая, я же вижу, что это не тот размер, а они со мной они ещё спорят...

«Она не любит спорить... Какой холерический темперамент! - подумал наш герой искаса глядя на неё, и невольно залюбовавшись бурностью реакции. — Она в конфликтной ситуации чувствует себя как рыба в воде. А самое главное—сама создаёт их...» Но разбираться во всех этих хитросплетениях ему было недосуг. В конце концов, предложение делает мужчина, а семью создаёт женщина...

- Ну что?! - пора идти в ЗАГС! - настойчиво и серьёзно.

Ты - Хрен Моржовый! Ты долго думал перед тем, как это сказать?! - прохрипел внутренний голос, видимо, готовясь его укусить...

Глава 10.

Ах!.. И зачем эта жизнь так была коротка ...

- Ты - Хрен Моржовый! Ты долго думал перед тем, как это сказать?! - прохрипел внутренний голос, видимо, готовясь его укусить.

Х* Х* Х*

Вера услышала эти его слова и на мгновение призадумалась.

Его провокационное предложение регистрации акта гражданского состояния, прозвучавшее поздно к вечеру второго дня их знакомства, казалось, ничуть не смутило девушку своей небывалой скоротечностью и полным несоответствием обстоятельствам знакомства.

- Ну сейчас ты получишь! - обрадованно проскрипел внутренний голос. - Икс-икс-а-а ... Икс-икс-а-а ...

“Ведь мы знакомы так мало. Правда, ну правда же ...”

Немного - насколько возможно это за пару дней?! - ознакомившись с её характером, он, разумеется, уже не ожидал от Веры какой-то бурной реакции на свои принципиально дурацкие слова, но совершенно спокойно предвкушал, как она деловито и энергично произнесёт «НЕТ!». Ну может быть в лучшем случае просто промолчит и ничего не ответит. Это было очевидно...

А он тогда долгим и упорным взглядом посмотрит в её полно сжатые губы.

Ну тут меня пробивает слеза ...

- Придурок! - скажет по обыкновению его внутренний голос. - Не в губы надо смотреть, а на девичьи руки, на её пальчики и тыльные стороны ладоней. В этот момент ты должен тщательно зафиксировать, как эти члены её тела себя повели: дрогнули ли, расслабились или наоборот сжались в кулачки...

Впрочем, Вера в объяснение своего отказа может быть добавит (хотя это не факт!), что они ещё очень мало знают друг друга, а может и не прибавит; всем всё и так понятно ...

На что он угостит её заготовленным заранее ответом, что у него, к сожалению, а может быть и к счастью, больше нет времени узнавать друг друга ... Пора сматывать удочки домой. Ведь он хотя и не лимитчик, но всё равно приезжий с Фуюва-Кукуева.

«Нет, ну не так грубо!» - просто объяснит, что его летние каникулы педагога заканчиваются там, где начинается длительный период ухода за ним, и он должен на личествовать собственной персоной на августовском педсовете, который без его присутствия не состоится. Это здесь в столице южной он никому ненужный, а там в своём заштатном Укрюпинське на букву Джи* из аглицкой азбуки — он как никак входит в когорту укрюпинських Славных деятелей переднего края и торжественного президиума ...

- Ты - Хрен Моржовый! Ты долго думал перед тем, как это сказать?! - прохрипел внутренний голос.

- А что?! Идея неплохая! - неожиданно ворвался в его сознание с разбушевавшейся фантазией Верин голос. - Давай!

- Завтра? - надеясь услышать ответ «завтра я работаю» или что-нибудь такое в этом роде, обычно говоримое людьми, когда и хочется и колется и маменька не велит, - но получил наотмашь:

- Да. Завтра и съездим!

Он ожидал всего, но только не такого скоропалительного «ДА»; и как в жизни бывает, оно-то как раз и прозвучало. Прозвучало и поставило нашего героя в тупик...

— Так-так, скажи быстренько, что ты пошутил! - вмешался в его жизнь Хрипатель.

Жизнь очередной раз опрокидывала все его планы и построения. Особенно последние два дня творилось нечто странное и доселе небывалое: ни один его прогноз не сбылся — нет нужды много говорить, что наш герой был в большой растерянности...

Нечто совершенно непонятное и абсолютно небывалое вторгалось в его до сих пор такую целесообразную и запланированную Правильную жизнь...

«Не пил, не курил, только цветы дарил, тещу мамой называл...» - Два. Завтра с мамкой придёшь ...» - как всегда саркастически прокомментировал внутренний голос.

А ведь наш герой был так уверен в своей прогностической силе, ведь он всерьёз изучал футурологию и был знаком с трудами членов Римского клуба (не в подлинниках, но по пересказам литературоведов в штатском, разумеется!)

- .-.=.-.—

Так-с, пойдём дальше... Неужели незнакомка полюбила его? Полюбила настолько, что согласна стать его женой? Такой вопрос встал перед ним.

Нет. И ещё раз нет! В это он даже поверить не мог... Тогда же что?

Ну ладно, хрен с ней, с этой любовью, - почувствовала к его великой персоне доверие и уважение в считанные дни?

Повторяю: это был всего лишь второй день знакомства! И она, и он это всё прекрасно понимали - взрослые люди же — разменяли тридцатник. Но вот поди ж ты как в жизни бывает ...

Итак, моя прелесть, Жених потерял дар речи от неожиданного ответа Невесты. По идее молодой человек должен был несказанно обрадоваться, что его предложение получило такое скорое и лёгкое согласие, но он стоял и молчал с плотно сжатыми челюстями. Тогда Вера, почувствовав его затруднение, поняла это по-своему и пришла ему очередной раз на помощь.

- Ты знаешь, где ЗАГС? - спросила она.

- Нет, конечно, - я же не москвич ... - пожал он плечами.

- А ты узнай! - и тихие повелительные нотки впервые, но весьма отчётливо прорезались в её голосе.

«А ты узнай! - прочитал он в её глазах... Нет, не в глазах. Скорее почувствовал в её интонации. — Это тебе нужна прописка, нужна квартира, нужна столица, блистательная карьера с Нобелевкой в виде призрачного света в конце туннеля... Это всё тебе нужно! Вот и узнавай!»

«А если этого ничего мне не нужно? Ни прописка, ни квартира, ни столица, ни блистательная карьера с Нобелевкой в виде призрачного света в конце туннеля... Ведь главное — не НАПЕЧАТАТЬСЯ, главное - НАПИСАТЬ... Написать, а там хоть трава не расти. Хотя и Шнобелевка не помешала бы! А НАПИСАТЬ можно где угодно и что угодно... Но не – как угодно...»

- ответил он молчаливым взором, уткнутым в носки уставших за день штиблет..)

«А как я узнаю? На дворе — багряная ночь?» - потом внутренне удивился он, его мышление двигалось по спирали – и ... покорно согласился:

- Хорошо!

«Наверное, надо спросить у брата...» - мелькнула умная мысль. «Интересно, а где именно он бракосочетался?» Ему представилось большое и красивое здание в виде Дворца с баллюстрадой и коллонадой, с дверями у 5 или 6 человеческих ростов где-нибудь в центре Москвы... «Ладно, завтра поедем в центр...» - подумал наш герой. Заодно посмотрю на Красную площадь!

На лестничной клетке было темно и безлюдно - пользуясь этой случайностью, он решил вдруг схулиганить и приобнял Веру за плечи, пытаясь с силой поцеловать в губы. Она

с лёгким смешком выскользнула из-под его правой руки, как торпеда. Неудача его не сильно огорчила.

- До завтра! - сказав это, она слабо хихикнула, закрывая дверь квартиры.

- До Завтра? **«Да она смеётся над тобой!»** - **закашлялся внутренний голос и продолжил, наслаждаясь: - «Ты что глухой? Ты что не слышал, как она явственно засмеялась над тобой?! Тебе что – ещё не надоело валять дурака?»**

Наш герой вышел из подъезда в психологическом состоянии, очень трудно поддающимся описанию словами — настолько оно было уникально. Сказать, что он был уже другой человек — это было нельзя, но то, что он не замечал никого и ничего вокруг себя и со стороны выглядел типа заторчавшего наркомана — это было точно!

Шагая к автобусной остановке, наш герой несколько раз посматривал вверх = где-то там, в багровом и мутном, но всё равно слегка звёздном небе, тлевшем над южной столицей - он это отчётливо почувствовал! - что-то там высоко, в движении кровавых и бездушных небесных светил неумолимо изменилось... Про такие ощущения мистики говорят, что им пришло послание свыше... Круто замешанный мессидж о том, что грядут некие события...

Такие состояния бывали у него редко, и поэтому он всегда их хорошо запоминал. Нет, ну он в самом деле почувствовал—там за облаками, где-то среди звёзд и бледного серпика луны что-то явственно и громко щёлкнуло...

Изменилось что-то именно не изнутри, а — снаружи. Он не знал - хорошо это для него или плохо, не понимал, что именно последует за этим изменением, но что-то там произошло - это ясно как дважды два четыре.

Вот так живёшь, живёшь и - ... - весь устоявшийся и устойчивый уклад жизни внезапно переворачивается, земля уходит из-под ног, кто был ничем, тот становится всем, и человек оказывается совершенно не готов стоять вниз головой и кверху попой.

А он готов?

... чтобы сменить свою холостую, уютную, обеспеченную на - чужой город, на чужую семью, на свою семью в чужой семье?

... По ночной и очень малолюдной дороге на квартиру к Старшему Брату он не столько долго, сколько очень глубоко и проникновенно - дорога показалась ему очень краткой! - он продолжал размышлять над тем, в какой странной до неправдоподобности ситуации он вдруг оказался. С одной стороны, вроде перед ним был выбор...

Для него ЗАГС было очень серьёзно.

С другой стороны, вроде выбора не было, а была какая-то непонятная и затянувшаяся шутка...

Более того, впервые в жизни замаячил впереди - ЗАГС. На всех предыдущих свиданках об этом и речи не могло быть... А тут вдруг - бац! Было ли это серьёзно для Веры - он сомневался: сейчас он уже думал, что она ...— слишком легко она согласилась подать заявление.

Но для него это совершенно не выглядело недостатком Веры: лёгкость заявления - не лёгкость поведения. Конечно, в пятнадцать мальчишеских лет он бы так не подумал, но ему уже было в два раз больше. Жизнь уже научила и неоднократно кое-чему: обещать жениться - это еще не значит выйти замуж. Скорее наоборот: по «обычке» всех внутренних парадоксалистов он расценил этот поступок—да нет, не поступок, а просто слова — с точностью до наоборот.

И вот почему.

Сегодняшний день был для него наполнен событиями до отказа и под завязку. Самым главным среди них было, разумеется, не эти поездки по магазинам, и то, что лежало и стояло на ихних полках и висело на ихних стойках, повешенное на плечики рядами, - а то, что эта девушка не стала расставаться с ним после всего того, с одной стороны, затаённого и сокровенного, с другой стороны, откровенно сумасшедшего, - что он ей наговорил под жел-

теющими листьями и пожухшими хвойными иголками, тихо опадавшими с веточек светлых берёзок и пасмурных сосен.

Самое неожиданное информационное сообщение ТАСС: она осталась с ним.

А может быть это он остался с ней, согласившись поехать по магазинам... Но это один Бог знает, что там случилось на самом деле...

Он ставил самого себя на место девушки (хотя это очень трудно себе представить) и представлял, что если бы ему = точнее ей — её молодой человек заявил нечто такое насчёт Великой Идеи или Нобелевки-Шнобелевки, то на её месте— нет, ну правда! - ну не стал бы он = точнее он, — связываться с такого рода молодым человеком как он.

Во всяком случае среди героинь его текстов таких не было в наличии...

Размышляя таким образом, однако, в сухом остатке он заподозрил, что эта Вера - это должен быть перед ним человек необыкновенной храбрости и мужества - согласится хотя бы на время связать своё время и пространство с не очень адекватным мужчиной, думающим не о семье, а какой-то премии, которой ему, собственно, не видать как своих ушей без зеркала.

Выйти замуж за будущего писателя?

Ну и дела!

Выйти замуж за будущего писателя-неудачника?

Кто посмеет?

Да никто!

Сколько ни оглядывался он вокруг себя, он не мог найти такого человека в своём уме, а тем более женщину, - способного на такой удивительно мужественный и энергичный поступок...

А вместе с тем Вера ничуть не выглядела легкомысленной молодой девушкой, простушкой, хохотушкой...

Х*Х* Х*

Из Неотправленных Писем Провинциала:

«РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ?» Копия Старшему Брату.

Перестройка - это что угодно, но только не революция.

Это ясно надо понимать. , во-первых, не произошло абсолютно никакой смены действующих лиц и исполнителей власти, во-вторых, нет по-настоящему массового НАРОДНОГО движения. Вероятно, изюминка ситуации заключается в том, что народное сознание не созрело для активных политических действий и поэтому предпочитает мирный путь развития социализма, если так можно выразиться. Попов сравнивает с 1861 годом, но ведь «народники» появились не до, а после - именно «бомбисты», «чёрный передел» и т.п.

Речь сейчас идёт не столько о революции, необходимость которой ясна из окружения реального социализма - Китай, Польша, Венгрия и т.п. - сколько о мирном или военном развитии этой революции: прусский или американский вариант. Сейчас пока сохраняется возможность мирного развития революционной ситуации в СССР, очень много зависит от поведения партийной верхушки и лично товарища Горбачёва: сможет ли он привести свои зажигательные слова в соответствии с от замороженной в холодильнике ЦК КПСС деятельностью? Пока судя по всему такого - не произошло!...

Х*Х* Х*

Но несмотря на все свои размышления с разных сторон и точек зрения, он никак не мог до конца поверить ...

- у него начало складываться ощущение, что она не поняла, про что сегодня утром он

рассказал ей в Ботаническом Саду. Может невнимательно вслушивалась, думая о чём-то своём ... Надо ещё и ещё раз повторить, чтобы она поняла, чем она рискует ... Зачем ей этот подвиг жены писателя?

Впервые за время всей своей жизни - во время этого столичного вояжа он столкнулся с чем-то не очень понятным. До сих пор все телодвижения судьбы его укладывались в жёсткое прокрустово ложе матримональной гимнастики: с одной стороны, знакомство - предложение руки и сердца с коленопреклонением или без - её ОТКАЗ, с другой стороны, знакомство - его ОТКАЗ от продолжения знакомства. В общем, отказ, кругом один отказ...

В столице Южной вдруг как по мановению волшебной палочки случилось нечто совершенно иное? Согласие - как отказ, отказ как согласие. ..

Но тут его автобус прибыл на конечную - ВДНХа северную и он, на время расставшись со своими отчасти грустными, но такими светлыми мечтами, пошёл пешком на ВДНХа южную. Нет, хорошо что в то баснословное время транспорт ездил до двух часов ночи.

Х*Х* Х*

На квартире у Старшего Брата все уже легли спать. Ему долго не открывали дверь, но он упорно нажимал кнопку звонка, рискуя разбудить не только соседей по подъезду, но и бомжа спяну улёгшегося этажом выше на лестничной клетке. Наконец, родич соизволил открыть - сонный и злой - он наговорил ему много неприятных истин с комментариями аккурат по пятому изданию словаря Бодуэна де Куртене:

... , во-первых, если задерживаешься должен позвонить, благо это не твоя деревня и телефон-автомат есть на каждом углу, а две копейки выпросишь у прохожих ...

... , во-вторых, следующий раз я тебя не пущу вообще - будешь ночевать на улице. Я сказал. Дважды я не повторяю. Понял, урод?

- Да, я виноват, виноват я - затараторил он, - прости меня, братан. Последний раз, клянусь! Последний раз! Больше не повторится ...

Он не обиделся на Старшего Брата. Разве можно обижаться на тех людей, которые вполне возможно, что пригодятся в дальнейшем. Столичная карта появилась в его раскладке не вдруг; она была выстрадана... А порой ему казалось, что она была послана ему самой судьбой, которая ... И он подумал дальше: «Он прав: в ней действительно что-то есть ... Что именно - это совершенно непонятно, но понятно, что это лежит совсем не в той плоскости, о какой говорил Старший Брат ...»

- ... - - ... - - ... -

Ему вспомнилась, некстати, Алхимия Слова - где с беспощадностью хирурга по-живому прорезана дилемма: брак или безбрачие для писателя.

«Писатели - ... - на пороге зрелости оказывались перед дилеммой: семейный очаг или безбрачие.

- ... - Ряды холостяков в значительной мере заполнили лица духовного звания, особенно в те периоды истории, когда писателями были люди только этого словия. Защитники безбрачия натолкнутся на аргументы своих противников, почерпнутые из жизни знаменитых писателей, развитию и расцвету которых их семья не помешала. Но сторонники безбрачия не сдаются: против женатого Овидия они выдвигают холостых Вергилия и Горация.» И так далее.

Конец цитаты.

Начало авторского текста.

- ... - - ... - - ... - *Уважаемый Алхимик слова!*

«Я не знаю как сложится моя дальнейшая судьба ... Я не знаю, как сложатся наши дальнейшие взаимоотношения с Верой, - скорее всего - никак, и мы с ней расстанемся, но уже за одно то, что она не побоялась подать заявление со мной - я буду уважать её до конца своей жизни ...» - это прозвучало в его душе как некая клятва. Он оглянулся окрест.

Нет! совсем не Воробьёвы горы!! Тусклая слабо освещённая улица, редки машины, и совсем ни одного прохожего. Ночь. Улица. Фонарь. Аптека - интересно есть ли там лекарства от радости и против счастья!?

- ... - - ... - - ... -

Вот так пришёл момент, в который он внезапно понял, что когда следующий раз в следующем году он приедет в гости к Старшему Брату, то обязательно если не встретится с Верой, то будет отслеживать её дальнейшую судьбу, пусть даже выйдет она замуж за кого-то другого. Буквально во второй день знакомства совершенно неожиданно было принято им решение: и вся его будущая холостая жизнь раскрылась перед ним как на ладони - и это был великолепно и фееричный Гранатовый Браслет последней трети XX века. Фантазия его разбушевалась.

...«Прошёл год, и я почти уже забыл о Вере ...» - неумолимо безжалостные строки складывались сами собой в уме: - «Повесть под кодовым названием **Схимник по имени Алхимик** была уже не только написана, но и отпечатана в трех машинописных экземплярах для поездки в столицу южную, когда я вспомнил о ней, о Вере ...»Всё, что происходило с ним, могло быть так поэтично и романтично - «по самые нехочу» - перед мысленным взором раскладывался одна картина живописнее другой: жизнь продолжалась неумолимо и безжалостно...

Вариант, что жизнь его перестанет продолжаться— этот вариант был незадействован вообще...

Понятна материнская любовь к своему сыну-неудачнику...

Мысль его снова и снова возвращалась: совершенно неожиданное согласие выбило его из привычной колеи. Он снова вернулся к тому, что ЗАГС - ведь это чертовски серьёзная вещь, и если он привык подолгу и глубоко задумываться над мелкими, а то и мельчайшими пустяками, типа РОЛИ ЛИЧНОСТИ в истории СССР, то здесь глубинный подкорковый страх пополз изнутри, вызывая мелкую нервную дрожь всего тела...

- Ты ведь действительно совершенно её не знаешь ... = констатировал мелодичный и Тихий внутренний голос. - Как ты к ней относишься?

- Никак, - ответил он своему внутреннему голосу и вздохнул. - никак я к ней не отношусь.

- Ну вот видишь! Поэтому скажи, что ты пошутил ... Кстати, ты до сих пор не купил билет обратно, а там твои мамка с папкой волнуются - ты же говорил им, что отдашь рукопись и сразу вернёшься - а тебя всё нет и нет. Ты, садист, ты очень любишь их мучать?..

- **Завтра я обязательно позвоню бате на работу!** - дал самому себе он обещание и повернулся на другой бок. - Его конечно не будет, он вечно в разъездах, но пусть ему передадут, что сынок звонил из столицы и просил передать, что у него всё нормально. **Обязательно!**

X* X* X*

А знаешь ли ты, что ты не смог до неё достучаться! - сказал Хрипатый. — она попросту не слышит тебя! Возьми её за руку, посади напротив самого себя и —растолкуй ей! Потрать час или даже два, и растолкуй ей, что ты родился писателем, и что вся твоя жизнь будет отдана одному единственному делу в жизни — извиту словес...Когда она поймёт, то она примет единственно правильное решение... Иначе получится что обманешь девчонку! Представь себе картинку: вы бракосочетаетесь, и она тебе скажет:

- А ты мне об этом ничего не говорил!...

А она, - представь себе! - совсем не телепат, чтобы угадывать твои мысли... Поэтому скажи ей всё! Как есть! Как на духу! Как на исповеди...

СТРАШНО и СМЕШНО наш устроен мир...**Глава одиннадцатая.**

На квартире у Старшего Брата наш герой никак не мог заснуть.

С одной стороны, не было никаких очевидных причин для волнений, но почему, с другой стороны, - но почему тогда внутри периодически закипала внутренняя дрожь и беспокойство время от времени одолевало с непонятной силой... Наш герой попытался проанализировать сложившуюся ситуацию.

Нынешняя его поездка в гости вот уже целых два дня оказалась совершенно непохожей на те, которые были до сих пор..., Уже целых два дня он был сам не свой, а под влиянием какой-то чужой силы... Нарастала психофизиологическая напряжённость.

Раньше наш герой не имел никаких секретов от своего родственника...

Почему он не сказал своему брату... Боляся, что тот сглазит... До сих пор он никогда не обманывал, а тут уже второй день ложь и фальшь нарастали... И если всё откроется?!

И если всё откроется, то вполне естественно его воспримут очень и очень негативно...

Если, как он считал: Вера ничего не значит для него, и ему абсолютно всё равно, чем закончится это новое и неожиданное знакомство, то почему тогда на это «приключение» уходит столько нервной энергии и сил?

Щерше ля фам, как говорят французы. Стоит на горизонте показаться женщине, как мужчина начинает играть в прятки...

Ощущение подвоха?

- ... - - ... - - ... -

- Да дура она - дура! - завизжал в неистовстве внутренний голос и в ярости затопал ногами в его черепной коробке.

Но только легкая тень пробежала по его лбу снаружи; никто бы и не мог догадаться по лицу с закрытыми глазами о тех бурях, полных ярости и ненависти которые в ту секунду завывали в нём внутри, укрытом одеялом с головой. ...

Но сколько не копался наш герой в себе, но так и не докопался до прямого и ясного ответа на вопрос, почему всё же так нет спокойствия и внутренней умиротворённости? Почему внутри постоянно держится такое колоссальное напряжение?

Впрочем. Глубокая ночь с её тишиной потихоньку овладевала им; хорошей житейской аранжировкой к ней служили сухой треск и скользкий шорох тараканов, начавших свои гонки за выживание по линолеумному полу квартиры. И он вдруг переключился на другое

Бац! Бам! Бум!

Умный линолеум.

Плохо, конечно, что я - не поэт! - мысль перескочила, - написал бы стихотворение, обзвал бы «Умный линолеум», что-нибудь про великую комсомольскую стройку XX века -

- **БАМ!**- про прораба=члена КПСС, про выполнение квартального плана по возведению многоэтажного жилья в тундре -

- **БАЦ!** и опубликовал в комсомольской газете как не безызвестный поэт на букву Вэ - я не имею в виду Высоцкого ...

- **БУМ!!** И участие в Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве, путёвка в Дом творчества Союза Подлецов СССР на берегу самого синего моря...

- Не дешеви, сука! - пробурчал ненавистный внутренний голос.

Впрочем, разве только один Вэ? Если бы!

Есть ещё один...

Бах! Бах! Бах!

- есть не только Бах, но ещё и Бетховен, - не унимался хирпатый.

И ещё один южный поэт на букву эМ, - не путать со мной, Маркевичем ... И ещё ... У-у-у, сколько их!

Безумный линолеум. Бездумный линолеум. Этот безумный умный мир светлого будущего ...

- Да брось придуряться честным! Ты просто этим лауреатам кислых щей завидуешь! Ты просто сам хочешь оказаться на их месте! Хи-хи-хи! - обрадовался хрипатый и с удовольствием потер свои ладошки друг о друга.

...Мысль исчерпав себя, снова перескочила к событиям канувшего в Лету дня. И тут он по обыкновению всех психопатов вновь и вновь подумал, что скорее всего Вера шутит с ним, она хочет его просто разыграть, чтобы потом вместе с Фотиньей дружно посмеяться над ним... Взрослым девочкам просто скучно.

“А я же не узнал—где ЗАГС? Вот — балда! Как же быть теперь? И если я сейчас начну названивать, они все проснутся...”

- .-.=.-.—

Наш герой откинул одеяло, медленно, осторожно, чтобы не заскрипела тахта, опустил ноги на пол. Затем стараясь абсолютно не шуметь, как мыш полевой, на цыпочках прошелестел в прихожую, боясь только одного - разбудить родственников. Он плотно прикрыл за собой дверь и очень долго рассматривал в полутьме диск телефона: “Что им ответить, если они проснутся...” он уже давно подозревал, что у братана чешутся руки съездить ему пару раз за всё хорошее...

- .-.=.-.—

И ещё наш герой подумал, что они с Верой не доедут до ЗАГСА, или доедут, а там чего-нибудь не получится - как всегда, по закону подлости, и всё это обратится в шутку, занимательную житейскую историю, а ещё подленькая собственническая мыслишка - этот опыт путешествия к ЗАГСу совсем не будет лишним, поскольку он будет многократно воспроизведён в его текстах. Ну если не забудет к тому времени, разумеется...

А где она спрячется от него?

В этот полночный момент к ощущению затянувшегося сна, стало примешиваться впечатление участия в некоем литературном произведении—пусть не на сцене непосредственно, но около того...

Х* Х* Х*

- Мужчина, говорите громче...

- Я громче не могу—упрямо шептал наш герой прикрывая ладошкой нижний конец трубки...

- Вы что там издеваетесь?

“Я её разбудил...” - по-своему понял наш герой экзальтацию девушки.

...Трудно передать удивление полусонной телефонистки «09», когда примерно в час ночи мужской голос спросил её загс, наиболее близко расположенный к станции метро «М.....о», где на балюстраде перед входом вместо круглых колонн стояли квадратные столбы.

- Нет, кроме шуток, я абсолютно серьезно. Мы с Верой завтра ...

- Ну завтра и звонили бы! - в сердцах прервала ну очень недовольная девчушка, но трубку почему-то не бросила.

Всё складывалось одно к одному: получив к вечеру своей жизни убийственно чёрный досуг, он без устали перебирал в памяти эти моменты и моментики, прозревая, что если бы ...

- ... - - ... -

И вдруг ночная телефонистка на том конце длинного провода поверила ему: в конце концов, чудес не бывает, но иногда так хочется, чтобы они были! ... поверившей скорее не ему, а дрожащей интонации его голоса, который решает свою судьбу; в конце концов, от

роддома до кладбища не так уж много внезапно охрипших интонаций, и нужно долго жить, чтобы очередной раз стать витязем на распутье, и каждый из этих моментов имеет свой судьбоносно дрожащее...

В тишине столичной ночи 09 продиктовала ему сквозь хрип и треск, - продиктовала номер телефона ЗАГСа, который он не запомнил, но адрес крепко-накрепко отложился в его молодой памяти.

Положив трубку, он испуганно вслушался в тишину квартиры:, ожидая шарканья тапочек по полу, зевок:

- Ты с кем это здесь разговариваешь?

- Сам с собой

- Я смотрю: у тебя крыша поехала окончательно...

Ну да... так немножко... я так давно не видел маму...

Но намаявшись за день на работе, родичи спали так крепко, что его ночной звонок остался им неизвестным; разве только в их сне может быть что-нибудь возникло такое-этакое, а скорее всего — нет.

... Украсть ради украсть, убить ради убить... - уже засыпая, крутились в мозгу какие-то странные слова, сплетаясь в абракадабру. - Любить ради любить, убить ради любить, любить ради ...

Какое-то странное образование вроде чёрного облачка спустилось над распростёртым героем и пролилось еще более странными словами:

«УМЕРЕТЬ, ЧТОБЫ РОДИТЬСЯ!» Но наш герой, всё туже и туже стискиваемый объятиями Морфея, не услышал ничего. Он заснул.

X*X* X*

Ботанический Сад, ВДНХа, магазины, несмотря на молодость, умотали нашего героя в доску; ноги гудели, поламывало поясицу, и спал он как убитый горем... Но странное дело: проснулся рано утром — и сна ни в одном глазу! Такое бывает: спал мало — но категорически выспался. В сознание ворвались голоса: его родичи завтракали на кухне, готовясь идти на работу...

... Старший Брат с утра был тоже в хорошем настроении — в хорошем настроении: он художественным свистом соловья напевал какую-то из песен Великого Ресторанного Певца про настоящую любовь с большой пребольшой буквы: "Вот и свела нас с ума еда, вот и свела!".

Он посмотрел на Бледнолицего брата своего:

- Это что? Это ты никак целый день до поздней ночи вчера околачивался с ней в Ботаническом Саду?

- Угу, - застеснялся наш герой признаться, что вместо Ботанического Сада он с Верой целый день шлялся по... магазинам...

- Ну и как, Ботаник, твои дела на любовном фронте? Птички поют... Бабочки порхают ... Лепота!

- Вороны каркают...— уныло добавил Петруччио (Это было второе его семейное прозвище...)

- Ну ты — как всегда! Вороны, видите ли, ему не нравятся?! Запомни братан на будущее: московское воронье на рубиновых звёздах не нравится тому и только лишь тому, кто не смог получить прописку в Москве...

\ - .-.=.-.- — - .-.=.-.- —

- Кстати, надеюсь, ты уже сообщил ей, что ты окончательно потонул в её красивейших глазах, и только она одна может спасти тебя из омуты всепоглощающей страсти?! - спросил у него Старший Брат с доброй улыбкой.— Короче, Склифоссовский, как скоро она пропишет тебя в трёхкомнатной квартире?!

- Нет, - ответил он горестно, - нет, я не потонул - я упал в её глазах ... - со вздохом.

О том, что у него вырвались какие-то странные слова насчёт загса, он почему-то вежливо тоже промолчал, застенялся, наверное, своего необдуманного поступка — сейчас ему уже казалось, что эти роковые слова вырвались как-то сами собой и помимо его воли...

- Вот оно что! - присвистнул Старший Брат.—То-то я и смотрю, что такой мрачный!.. Как будто тебя мешком с гнилой картохой по голове трахнули...

Некоторое время Старший Брат продолжал безукоризненно насвистывать мелодию, как бы размышляя над тем, что сообщил ему Бледнолицый брат его...

- Ну да, эти глаза напротив, - прекратив свист, голосом Ободзинского саркастически пропел Старший Брат - Ах эти глаза напротив! Сентиментальность и грусть - море моей супротивности ...

Тресь! Яйцо лягнуло на сковородку, аж брызги масла до него долетели...

- Впрочем, этого и следовало ожидать — она девочка практичная... Вот и свела нас беда, вот и свела! - и уже совершенно другим тоном: - Ладно, не казни себя бледнолицый брат мой, она у тебя не первая, и я надеюсь - не последняя из столичек! Мы всё равно уделаем эту грёбанную столицу!!

“Правда, есть ещё Одесса,” - прохрипел ему на ухо внутренний голос.

X* X* X*

Наутро после десяти он позвонил ей, что всё в порядке: у него есть адрес искомого учреждения, занимающегося регистрацией актов гражданского состояния в столице южной, но в ответ получил просьбу рано не приезжать...

- Я так и думал! - усмехнулся и прохрипел внутренний голос из правого его уха. Он как-то перекатывался под черепной коробкой: от правого полушария к левому и наоборот. - Ты, хрен моржовый, мог спокойно позвонить 09 утром, заодно узнать дорогу туда=сюда=обратно, а не будить и бесить телефонисток по ночам. Ха! Разогнался!

- А ты не думай! - нахамил ему он. - Легче жить будет.

Внутренний голос заткнулся.

Интересно, почему - почему для того, чтобы заглушить внутренний голос, надо обязательно наорать на него, нахамить, - всегда необходимо вздрогнуть ненавистью-ю-ю? Ненависть истощала нашего героя, и после каждой такой вспышки он чувствовал себя как полувыжатый лимон.. Но что поделаешь? Когда с внутренним голосом общаешься вежливо и мягко, он в свою очередь начинает наглеть и грубить всё больше и дальше.

Ну да — ощущать в себе нечто постороннее— это же не только странно, но и страшно? Ну как тебе сказать... Прочитую великих, Федора Михайловича в частности : “человек-подлец, он ко всему привыкает”.

Наверное, Идиот прав... Страшно было только в первое время, несколько первых месяцев; а если учесть, что у нашего героя обнаружение крайне неприятной истины, что внутри находится что-то постороннее, злобное, потом - операция аппендицита, потом период ожидания чего=то... (не дождался! Фух! Можно перевести дух...)

, потом начались нарабатываться механизмы адаптации к этому внутреннему... Всё это произошло где-то в десять одиннадцать мальчишеских лет, то ...

, конечно, он мог бы (и иногда его мальчишескую голову посещала мысль!), чтобы рассказать об этом странном внутреннем голосе, о чём-то чужом сидевшем внутри — внезапно появлявшемся, внезапно исчезающем бесследно, Но таком странно чужом и чуждом... Однако в том возрасте он уже знал, что существуют пьяные, существуют сумасшедшие, ненормальные и становиться раз и навсегда в их ряды он —

— боялся...

Боялся и молчал...

И когда уже в армии врач-психиатр добродушно улыбаясь задал ему контрольный вопрос...

Вместо ответа он поглядел ему — врачу-психиатру - в глаза и ответил:

- А вы сами-то как думаете?

- Ты чего — дурак?! - неожиданно вспыхнул служитель культа Гиппократ и бестрепетной рукой надписал: "Годеен в пушечное мясо..." и — расписался...

Улыбка у него была добрейшая, у этого ветеринар-психиатара...

- Следующий!...

- .-.=-.-.—

К этому времени у него уже сложилась стройная и чёткая логическая классификация его внутренних голосов ...

X*X* X*

Из Неотправленных Писем Провинциала: «Пусть будет вон тот, одетый во всё не по росту? Копия Старшему Брату.

ЗАПИСЬ ОТ 17.08.1987

Одна из основных тем, к которым я совершенно не готов - оказался: перестройка. Мне довелось стать свидетелем грандиознейшего и интереснейшего материала в истории СССР; перестройка - это всё же переломный процесс.

Я думаю, этому периоду времени можно посвятить не один роман, потому что эта тема всеобъемлюща.

Жизнь до перестройки, начало её - смутное продолжение - стабильности конец, как бы всё это не развивалось дальше - точно таким же каким оно было до сих пор наше общество уже не будет...

Этот материал надо набирать и набирать, потому что много из этого забывается просто на ходу. Сейчас пока можно собрать какие-то сведения даже путём вырезок из газет...

Перестройку могут и отменить очередным Постановлением Партии и правительства, и тогда этот накопленный материал окажется бесценным, ибо всё, что его касается окажется недоступным, как, например, произошло с большей частью информации, бывшей в ходу во времена Никиты Чудотворца....

Для меня лично чем дальше, тем больше перестройка окутывается каким-то туманом, прямо расплывается на глазах. Как облако в штанах...

Например, один из вопросов: можем ли мы говорить о переломе параметров Системы, равно по значению отмене культа личности?? Или всё-таки это более серьёзный и масштабный процесс? Непонятно что будет с Программой КПСС - большевики просто удавятся, но не позволят просто так отменить эту подсадную утку для дурака-селезня...

Есть и ещё ряд "гзупых" вопросов...

Как скоро перестройка выдохнется?

И что придёт на смену ей?...

Или... ему?

X* X* X*

- Рано не приезжай!

Несмотря на это пожелание он поехал рано. На душе почему-то было тревожно, и на квартире у Старшего Брата в преддверии ЗАГСа просто не сиделось, не расхаживалось и даже не лежалось.

- ... - - ... -

Несмотря на подавленное с утра настроение, он ехал с большим интересом, но вместе

с тем постоянно ощущая себя марионеткой в чьих-то абсолютно могучих руках, как будто смотрел на себя со стороны, и ему было даже любопытно, чем-то дело сегодняшнее закончится ... В смысле—поездка в ЗАГС...

Приехав, он присел в пустынном дворе на скамеечке у детской площадки, потому что было сказано: "Рано не приезжай!", - а наш герой как всегда не уточнил: что это значит рано? Или поздно? Надо было чётко по-военному сориентироваться по часам... но тогда ведь время было такое, что люди и не догадывались о возможности сотовых телефонов...

. они выходили и выходили из подъезда один за другим или даже целыми кучками, спеша на работу или в торговые точки с пустыми кошёлками.

Что значит со стороны?

- *А вы меня спросите! Я вам - отвечу: со стороны это значит слева и вверху. А справа? Справа - не бывает. Только слева и вверху, но невысоко - метра три, максимум - пять вверх и по диагонали...*

Была возможность подняться на третий этаж, но наш герой трусил: если Вера спросит, почему он приехал так рано, - что ему ответить? Посмотрев на часы, он увидел, что успело натикать — полдень... Где-то бьют куранты... Где-то стреляет пушка... а он? Он сидит и ждёт

Мало-помалу напряжённая ожиданием душа настраивалась на привычный поэтический лад.

«У подъезда дома твоего сижу. Жду когда пройдёшь ...» - запел ни с того, ни с сего Тихий внутренний голос. Этот паршивец, который вдруг стал ещё более нежный и мелодичный; во время нынешнего пребывания в столице этот второй внезапно появившийся внутренний голос становился всё больше похожим на женский, что вызывало крайнее неудовольствие хрипатога: «Ёрш! Ты совсем обабился ...» - уже не раз говорил он ему. «Будь мужиком!» да всё бестолку...

Удача усыпляет людей, а счастье расслабляет, не так ли?

«... а быть может - нет! Ах! Стоит мне тебя увидеть ...»

Нет, он не считал песни Великого Ресторанного Певца плохими или вредными, как впрочем и песни советского Пьяного Пушкина. Если нет ничего лучшего, то на безрыбье и рак рыба. Бывают в истории той или иной национальной литературы — так называемый "тёмные" эпохи, бывают эпохи упадка и декаданса

- СТРАШНО и СМЕШНО наш устроен мир, - в тон ему прохрипел хрипатый, - сердце любит, но ...

А сейчас Ободзинский как нельзя лучше соответствовал его похоронному настроению - почему-то так сильно он ещё не волновался никогда... Его настроению, которое мне еще предстоит потрудиться, чтобы правильно и точно описать.

Как и должно быть в жизни, эйфория закончилась очень быстро, и свою лебединую песню он не допел до конца куплета...

... - ... Потому что как раз тут из чёрного дверного провала подъезда торопливо выныривает Вера в своих знаменитых белых брючках под руку с каким-нибудь военным в зелёной квадратной фуражке пограничника.

Ну и дела!

Может, это не она?! Что ему теперь делать?

Как это не она?

Всё равно, проверить ... Зря он сел так адски далеко.

На скамеечку у самого подъезда!

Вот где надо было сидеть... Тогда бы он сразу поймал её на горячем. Сердце застучало бешено - ещё бы! - она, эта сучка, держит под руку его, этого военного! Она повисла на его руке, предательница! Теперь понятно, почему она так сразу взяла в Деревенском меня под ручку! Она берёт всех подряд... Эх, как же он не догадался! если бы он был на скамеечке у

самого подъезда он сразу бы посмотрел бы ей в глаза ...

Ну, конечно, - по жизни сравнения с военными он никогда не выдерживал! Любой лётчик или вертолётчик, не говоря уже о сержантах ...

Так вот почему она и сказала: «рано не приезжай!». Этот военный ночевал у ней ночью, а сейчас утром она его выпроваживает, чтобы не получилось очной ставки с ним ...

- «рано не приезжай!» - повторил он неожиданно вслух с горечью полыни...

Звенья логической цепи молниеносно складывались воедино, чтобы опутать его сознание неожиданной вспышкой brutальной и банальной ревности ...

X* X* X*

Н-да, не могу не посочувствовать своему герою, - действительно, такому человеку как он было трудно по жизни: он постоянно думал за других людей, особенно его окружавших, моделировал, как бы он поступил на их месте, приписывая им свои мысли...

Сам себе задавал вопросы, и сам же на них отвечал.

Тогда чего ж тут удивительного, что жизнь всё время наказывала его по полной программе - она постоянно оказывалось не такой, как он предполагал; имея гнусное и развинченное воображение ... Наверное, как писателю это ему здорово помогало, хотя - не факт.

X* X* X*

- ... - Сейчас он встанет и побежит за ними! Он догонит их, обгонит и посмотрит ей в лицо! Посмотрит, как она вести себя будет?! Быстрее! Они уже заворачивают за угол! Сейчас посадит хахалю на автобус и вернётся как ни в чём ни бывало! Невеста?! Вот это Невеста!! Всем Невестам — Невеста Моя...

Тут из того же самого подъезда напротив с вечно раскрытой нараспашку дверь выкатилась какая-то пожилая женщина с коляской. Она с кем-то разговаривала - может сама с собой ...

Сердце бешено стучало. Он не знал что делать! , конечно, прежде всего надо постараться успокоиться. Взять себя в руки. Да только—как это сделать?!

Нет уж! Когда она будет возвращаться с автобусной остановки, он выбежит к ней на встречу и прямо спросит:

- Ну что проводила?

Нет, не так, а вот так:

- Не выспалась, говоришь? - в голос вложить максимум иронии...

Как бы не так! Она думала, что ей всё так сойдет с рук? Нет, он выведет её на чёрную воду! На чёрную воду и белый паракот...

Паракот...

- .-.=.-.-

Наш герой дёрнулся, чтобы догнать удаляющуюся Веру с её ночным приятелем, может быть — даже настигнуть их прямо на остановке, пока они будут ждать автобус и тетюшкаться, - но тут Какая-то непонятная, но очень властная сила парализовала его ноги ... Он почувствовал как они наливаются свинцом и намертво приклеиваются к зелёной траве, посыпанной редкими ещё свежесыпающимися листьями ...

- Блин, с этим ... сватовством еще и паралич хватит! Нет, с него хватит! Досвидос!!

И тут он подумал: может, вообще... "Ну чего с ней разговаривать? " У него появилось непреодолимое желание повернуться и уехать вообще — безо всяких разговоров и выяснений. А чего тут разговаривать, если и всё тут и так ясно само собой. Он не позволит играть с самим собой как с дурачком. Зря Старший Брат так возмущался... Нет, не будет он её выслеживать, не будет с ней разговаривать... Вообще, он сейчас развернётся и уедет...

Уедет домой.

О, море в Гаграх! О, пальмы у моря!

А скорый поезд мчит меня на юг...

Тем временем детская коляска прокатилась по асфальту, потом, с усилием согнувшись, развернулась и затем уже по траве подкатила к детской площадке. Когда она подъехала совсем близко, он увидел рядом с собой и понял, что это бабушка разговаривает не с сама с собой, а с ребёнком в люле. С внуком, наверное...

Но тут эта бабуля, подъехавшая так некстати, вдруг сразу же сказала громко и удивлённо на всю детскую площадку, как объявила по радио на железнодорожном перроне:

- А что это вы здесь сидите? - голос крепкий, звонкий, полноводный — прямо как из художественной самодеятельности.

От изумления он распахнул рот, отключившись от своих мыслей, полных ярости, гнева на предательницу и ненависти. Оглянулся: кого эта бабка это спрашивает? Но кроме самого себя рядом с качелями и песочной горкой никого поблизости не обнаружил.

- А что это вы меня так спрашиваете? - и тогда ответил он по своему обыкновению грубо и хамовито, как он всегда обращался с людьми, которые, как ему казалось, переступали нормативы дозволенного им самим приличного взаимного общения. **«Вообще, это не ваше собачье дело!» - прохрипел внутренний голос, угрожая превратиться во внешнее рычание.**

- Поссорились, что ли с ней? - следующие её слова ещё более озадачили. Не находя слов для выражения от такой наглости, он уставился на коляску, чувствуя что сейчас взорвётся как ошпаренный - а в коляске находится тот самый кулёк с чёрными глазками, которые он только позавчера вынужденно похвалил за красоту несказанную ...

- С кем это? - по инерции выкрикнул он и тут, к своему стыду, в подошедшей узнал ту самую седовласую женщину, которая позавчера назад так вкусно и обильно покормила его щами и гречневой кашей.

- Ох, простите, это вы?! - ради Бога, я вас не узнал! - смущённо и радостно заулыбался он. - У меня очень плохая зрительная память ... - начал он извинения, многословные как всегда.

- Да я так и поняла - вы идите: дочка вас ждёт, она сегодня с ночи пришла, устала ...- графиня как-то так ласково и нежно посмотрела на него, что он растаял ...

- Идите!

“Куда идти? Она же ушла с этим!..” - хотелось вырваться у него из груди истошным воплем, но не вырвалось... Наш герой очень внимательно и пристально всмотрелся в пожилую женщину. “Что в сговоре? Сговорились?”- хотел он спросить саркастически, но осёкся. Она ему совсем не показалась обманщицей или издевательницей над ним. Ему подумалось, что мать и дочка вместе обманывают его, но он был уверен, что у них ничего не получится...

- Идите! - настойчиво повторила женщина, качнув головой вниз

«Идите на ...!» - прохрипел истерически внутренний голос, явно «сладострастно» наслаждаясь.

Он оглянулся: **СТРАННО, НО НИКОГО вокруг него НЕТ!** «Кого это ты посылаешь? Если никого нет ...» – спросил он у внутреннего голоса. Но в ответ – тишина.

И он повернувшись молча пошёл. В подъезд. Потом на этаж...

- Чудные вы, однако!.. — пробормотала ему Верина мать в спину.

Ну ничего!

Сейчас Вера будет возвращаться с автобусной остановки, и вот здесь-то он её и встретит. Осталось немного! Наш герой дожждётся её возвращения и выскажет ей всё не на улице, а непосредственно на лестничной площадке! Он выведет её, мягко говоря, эту обманщицу, лживую и коварную - на чистую воду, чего бы ему это не стоило...

“А где это ты была?” - спросит он.— “А с кем это ты шла?”

Вера начнёт врать и изворачиваться, расскажет про какого-то родственника, военного

брата, племянника, дядю...

Ну да! Держи карман шире!?! Так он ей и поверит?

На лестничной площадке третьего этажа, было тихо, царила полутьма... Но так было недолго — вскоре внизу дверь подъезда хлопнула, раздались шаги - цокот каблучков по бетонному, вот по шахте вниз мимо него вальяжно спустился лифт, звукидвигающихся створок, минута молчания и звук пополз вверх - лифт приближался к нему...

Ну сейчас он её встретит, предательницу!...

родиться — ЧТОБЫ — УмЕрЕть, . Двенадцатая

Ну сейчас он её встретит, предательницу!...

Лифт остановился как и следовало ожидать на третьем этаже. Он сделал шаг навстречу ещё закрытым дверям кабины. Сердце застучало, зубы сжались намертво, он ощутил, как кровь хочет пробить жилу в левом виске... Пока только лёгкой болью.

Дверь начала медленно разъезжаться направо и налево.

- Ну что...— громко и хрипло сказал наш герой и ... Осёкся.

В лифте действительно, стояла девушка. Только она была брюнетка! Это первое, что бросилось ему в глаза...

Ему запомнились её застрашнвившиеся чёрные глаза под его полным ненависти взглядом..

- Здрасьте! Я — Ольга, соседка Веры, - торопливо сказала девушка, почему-то не выходя из лифта, - Я — Ольга, а Вера, она рядом живёт...

Лифт был медленный. Он стоял и ждал. Молодой человек сделал шаг назад... Он был так ошеломлён, что потерял дар речи... А где же тогда эта предательница Вера?

Он опустил глаза, и его взгляд упёрся в белые брючки... А что в москве все ходят в белых штанах?

Воспользовавшись явным замешательством, Ольга вышла из лифта и показала ему на уже знакомую дверь: Не только дверь но и такую—пупышк белую на чёрном цилиндрике...

Настолько потерял дар речи, что не мог извиниться, хотя понимал, что надо что-то сказать...

Ольга пришла ему на помощь и поспешно нажала кнопку звонка рядом..

- Вера живёт здесь, - повторяла девушка.— - .-.=.-.—

X* X* X*

- Я вчера договорилась с Галькой, - как-то мимоходом обронила Вера, - чтобы она меня сегодня подменила.

- то есть ты сегодня должна была быть на работе? - по обыкновению всех мужчин уточнил наш герой...

- Нуда. Но могло и сорваться. Поэтому ... - Вера не закончила мысль...

На этот раз

X* X* X*

- Хотим подать заявление, - внезапно охрипшим голосом. Откашлялся, но помогло слабо: хрип так и остался под адамовым яблоком..

Вообще, возвращаясь в детство, это было удивительное по неординарности ощущение, - впечатление иллюзорности, эфемерности происходящего - как во сне. Будто это происходило не с ним, а кто-то другой шёл в загс.

Кто-то другой разговаривал с заведующей ЗАГСа. Пожилая женщина внимательно посмотрела на них, и, наверняка, отметила в них что-то необычное.

Это было как бы продолжение сна. И в этом сновидении он, продолжая действовать, ждал - что-то произойдёт.

Через пару-тройку минут заведующая поняла—что именно её так насторожило: обычно молодожёны или новобрачные—как вам угодно—приходят ну если не в обнимку, то рука под руку; эти же держались порознь и как-то дичились друг друга...

Что-то произойдет? Ну не может быть так всё хорошо и быстро складываться ...

Например, он «щас» проснётся у себя на кровати в Джи... Или он сидит за пись-*

менным столом, и мучаясь от летней жары, пишет, как его герой и героиня мучительно ищут выхода из того лабиринта, куда их загнала безжалостная и несправедливая житуха...

Н-да, словами такое не передашь.

"Фиктивный брак?!" - первое что автоматически пришло на ум смётливой заведующей: Конечно, ей было глубоко плевать, но Моральный кодекс строителя коммунизма обязывал обзывать вещи своими именами и проявлять принципиальную нетерпимость к беспринципности...

И никак не может выйти из шкуры своего героя, но вот одно невероятное волевое усилие, - и он окажется за своим письменным столом с шариковой ручкой в руках.

- Ну что застыли, молодые люди? Раз пришли, то давайте ваши документы, - почти не глядя на их смущённые лица, мельком. Ему показалась, что строгая тётка даже недовольна тем, что они пришли.

Вера привычным движением достала из сумочки свой паспорт, он - свой растерянно вытащил из кармана, сердце дрогнуло в тот момент - надо сказать правду: неужели? в самом деле...

...Когда они совместными усилиями нашли эту злополучную вывеску, и вошли в эту дверь судьбоносного заведения, то сначала показалось, что неожиданно повезло - небольшой коридор загса, куда они приехали - а ехали они очень далеко, с несколькими пересадками - битый час = был пустым, безлюдным, безо всякой очереди, если не считать выстроившихся у стеночки нескольких пустых стульев ... Женись - не хочу! Но никто почему-то в этот августовский полдень не женился, не разводился, и даже не регистрировал тех, кого уже нет с нами ...

Казалось, жизнь остановилась. Вокруг беспредельные тишина и покой.

Остановилась на распутье: а не пойти ли в обратную сторону?

...Тёмно-зелёная книжечка с гербом Советского Союза вдруг выпала из его рук, но упала не на пол, а на стол. Получилось неожиданно и как-то неприятно: будто он презрительно бросил этот свой дубликат бесценного груза заведующей. Но та и глазом не повела - не то, что там сделать замечание.

- Нет, мы не примем ваше заявление, - через некоторое время почему-то с облегчением вздохнула заведующая загсом.

X* X* X*

Я её всё заведующей числю... Но может быть это была простой регистратор, я не думаю, чтобы заведующая сидела на приёмке или примерке...

X* X* X*

Но и он, и Вера воспринимали её именно — как Заведующую, самую главную...

...лёгкая улыбка раздвинула губы нашего героя: начинали сбываться предчувствия и предположения ...

- Это почему ещё? - резко и, как ему показалось, зло спросила Вера.

Как он и ожидал, начали происходить события, которые всё поворачивали вспять и возвращали по своим привычным насиженным местам.

- Вы, девушка, не кричите!

- Я не кричу, я просто спрашиваю! Что у вас уже и спросить нельзя?

- Вы просто спрашиваете, я - просто! - объясняю: вы прописаны в соседнем Б.....ском районе, и мы не имеем права = юридически не имеем права принимать заявление от вас. Ежайте в своё отделение, там регистрируйтесь на здоровье, сколько хотите.

«Вот она - судьба!» - подумал наш герой с удовлетворением; и эта мысль имела некий мистический оттенок. Но тут вдруг какой-то неожиданно глубокий вздох невольно вырвался из его груди. Он действительно вздохнул. Вместо того, чтобы обрадоваться— опечалился?

“Что это со мной?” - невольно осознал он свою двуличность...

Вера повернула голову и искоса одарила его взглядом весьма неласковым и загадочным для него. Очевидно, она хотела нечто сказать, но передумала.

Однако героиня нашего романа по своему характеру была не та девушка, которая пасует перед непреодолимыми препятствиями; она начала грозить заведующей загсом:

- А что вам мешает принять у нас заявление и переправить его в нужный загс? Вы же одна контора! - наступала она по всему фронту.

Впервые наш герой видел её такой рассерженной, “Наверное, ей это очень нужно, - озадаченно подумал он.— если она так горячо и решительно вступается...”

- Почему мы должны ездить туда-сюда, если все вы просто-напросто филиалы одного и того же учреждения? Ничего не понимаю!

Заведующая Загсом, хотя и сама была из столичных аборигенов, но от наглости такого наскока на себя на мгновение потеряла дар речи. Наезда от молодожёнов она не ожидала совсем.

- Не положено! - повысила и она голос. - Вы что понимаете - НЕ ПОЛОЖЕНО?! Положение есть, и в нём чёрным по белому написано: заявление подаётся по месту прописки одного из брачующихся!

- Я прописана в Москве!! Что этого недостаточно? Что вы не можете сами из одного отделения передать в другое!

- Девушка! Ну - не положено! Я вам русским языком объясняю..

... \ - ... - - ... -

- Это всё ты виноват! - сказала она. - Ты что? Не мог нормально узнать, в каком ЗАГСе расписывают? - и Вера как-то вопросительно посмотрела на нашего героя.

... Нет, совсем не так он представлял последние моменты расставания со своей новой знакомой.

На повышенных тонах?

Бог мой, зачем! Через какой-нибудь час они расстанутся, а через день забудут друг о друге! Всё это так знакомо как — се ля ви

- Дак, я спросил в 09, телефонистка мне назвала этот адрес - откуда я мог знать, что в столице столько загсов? У нас всего лишь один ... - лениво оправдывался он, вообще не понимая из-за чего тут можно было сыр-бор поднять.. От души отлегло.

- Ну! И что будем делать теперь? - спросила Вера как прокурор.

- Я и не думал, что в столице так много загсов! - повторил он, пожимая плечами, таким образом ответив ей, ничего по существу не отвечая.

Заведующая загсом, вышедшая на крыльцо, с интересом наблюдала за разговором влюблённых друг в друга молодых людей на повышенных тонах. И она, и он выглядели гораздо моложе своих лет - детский сад, прямо! И какие разные! Один - спокойный как деревенский идиот, другая нервная как городская истеричка ...

- Не знаю, - пожал он плечами, - ничего не знаю. Наверное, телефонистка что-то перепутала, или специально — из-за того, что я ей разбудил, дала неверный адрес... Ну раз так получилось ... Не получилось - давай я лучше тебя провожу додому...

Точно так же, как вчера в Ботаническом Саду, Вера, не дослушав его, повернулась спиной, вышла из кабинета, потом её каблучки как поступь Командора тяжело и тупо зацокали по коридору ...

Конечно, надо было бы спросить, почему она так резко и самое главное поворачивается, но это означало бы устроить разборки, которые сейчас — при расставании! - были явно ни к чему.

Наш герой как побитая собачонка поплёлся вслед за ней: как всякий настоящий джентльмен несмотря ни на какие разногласия и разночтения он проводит её домой, чтобы услышать на прощание: «Больше не приезжай!» (как они все обычно говорят!)

- «Хорошо, не буду!» ответ у него уже был давно готов

ДОРОГИ РАЗНЫЕ НАМ СУЖДЕНЫ.

Вера не оглядываясь шла к автобусной остановке. При этом наш герой отстал от своей спутницы прилично. Впрочем, хорошую книгу он привык дочитывать до конца. Он безусловно проводит её додому и распрощается по-человечески. Осталось только догнать её..

“Дороги грязные нам суждены...”

Но догнать оказалось непросто

... Какая-то старушенция в Чёрном, она вклинилась на его пути, откуда-то со стороны, сбоку - между ним и уходящей Верой. Он хотел её обойти, но понял, что ему это сделать не удастся: Это ещё что такое?

И вдруг, совершенно неожиданно...

—Чёрная Женщина -

...он сразу и вдруг понял, что это именно она - откинула вуаль с лица: нет не старуха, как можно было подумать с первого взгляда на эти приподнятые до подбородка плечи, скорее пожилая, бледная немочь, может быть уже на пенсии - работает (подрабатывает?) дежурной в Музее изобразительных искусств имени А.С.Пушкина - примерно одного возраста с его матерью, сельской учительницей. Сердце нашего героя бешено застучало, а лоб моментально покрылся испариной...

- Сейчас я вам скажу очень важное! - она глубоко и тяжело вздохнула.

- Ну! - он остановился, в любую минуту готовый агрессивно ответить грубостью на её ласково-похоронный тон. Остановившись он правым глазом продолжал косить на остановку, где среди нескольких человек соляным столбом застыла одинокая Вера.

В любую минуту девушка могла оглянуться, но она, не оглядываясь, расстроенная, видимо, а автобус не подъезжал. Видимо, спрятался там этот паршивый сарай на колёсах - за поворотом, ожидая нужного стечения обстоятельств.

С очень неприятными чувствами, с нарастающей яростью наш герой присмотрелся к своему препятствию

В молодости черноротая была выше его ростом, но старость сделала своё дело, и сейчас сгорбившись - их глаза оказались на одном уровне.

- Сынок мой ...

Но именно в этот момент при этих словах он ощутил: он — не один, и эти поганые слова обращены не только к нему. И, наверное, по большому счёту он должен был быть благодарен этой ведьме за это чувство: впервые в жизни он — не один. Смотря прямо в чёрные трагические глаза, он видел не столько черноротую, а ту, которая сейчас была на остановке. Он - не один; там ещё Вера, хотя — какая-то Вера ... Которую он должен кровь из носу успеть проводить додому... И если сейчас из-за горизонта вынырнет автобус, никакая Чёрная Женщина не удержит его..

- Это ваш сын, - резко и неблагодарно оборвал он захотевшую помочь ему Чёрную Женщину. - И мне это неинтересно.

Ему вдруг всё стало понятно - и без её слов понятно: «Она думает, что мы подали заявление! Она ещё не знает, что заявления у нас не приняли!» - куда она клонит.

«Так вот почему она преследует нас... Надо в Ишь перескочить к РСДРП и подготовке революции - светлых образов большевиков и тёмных морд меньшевиков - или наоборот?» - мелькнула неожиданно поэтическая мысль. - «Да, надо сделать наоборот: большевикам пририсовать чёрные морды а меньшевикам приделать светлые ноги, то есть образы ...»

- Вы послушайте! Почему вы не хотите выслушать меня? Вас это ни к чему не обязывает!

- Потому что я здесь ненадолго, я здесь проездом - И улица Стартовая всего лишь стартовая для меня - на моём пути из Джи* - в Джо*.

- Ничего не понимаю?

Вера ещё раз посмотрела в ту сторону, где он только что стоял. Интересно, видит ли она чёрную спину удаляющейся горбуни или нет?

- Всё-таки она кого-то мне здорово напоминает! - пробормотала она, переводя взгляд на него.

“Ага-га-га! ДОРОГИ ГРЯЗНЫЕ НАМ СУЖДЕНЫ...” - проснулся тут же хрипатый внутренний голос.

- Да? Ты тоже заметила? Давай догоню, спрошу! - предложил он. - Спрошу, как её зовут, эту Чёрную-пречёрную :

А сам моментально подумал: “Ура-а! Значит, это не глюк... Значит она тоже видит это”

Вера равнодушно махнула рукой.

- Да ну! Буду я еще себе голову забивать всякой чушью! - она тоже была сегодня не в лучшем своём настроении.

Подошедший автобус прервал их диалог о таком чудном столичном слове:

ЧУШЬ!

И снова они ехали очень долго, при пересадки опять очень долго автобуса ждали - трамвай, потом, проехавшись по рельсам, снова пересели на автобусные колёса. Приняв решение на сцену расставания, наш герой не задумывался, куда они ехали; его мысли завитали в других облаках, явно не столичных - чушь крепчала...

X* X* X*

Из Неотправленных Писем Провинциала: «РЕФОРМЫ УЖЕ НЕ СПАСУТ? Копия Большому Брату.

ЗАПИСЬ ОТ 06.06.1987

В оценке современного положения с точки зрения революционной ситуации мои голоса расходятся: одни считают, что пик кризиса миновал в 1982 году, а потом пошёл спад. Некоторые, особенно, экономисты расценивают современное состояние как предкризисное : Думается, правы и те, и эти. Если брать узко-политически, то кризис и метания власти (смерть Брежнева - Черненко - Андроповщина ..) давно прошёл.

Кормило в руках у молодого, инициативного лидера, Михаила Горбачёва, настроенного проводить глубокие и полномасштабные реформы, но если брать широко - положение рабочего класса и городской интеллигенции продолжает ухудшаться, урчание пустого холодильника становится всё громче и настойчивее, и в этом смысле - очередной кризис впереди ... И единственный вопрос: какой же из этих будущих кризисов станет решающим?

X* X* X*

Оглядываясь назад, совершенно непонятно: почему Черная Женщина впервые объявилась именно в тот момент, который вряд ли можно было бы считать переломным: не было ни физического перенапряжения, ни нервного истощения - но первый их разговор по душам состоялся именно здесь :

Чем раньше ты уедешь к ним... - вторично прозвучало у него в голове.

“Да уж, - подумал он.— Если сегодня вечером сяду на поезд, то уже завтра буду дома”

X* X* X*

... И снова они ехали рядом, но абсолютно молча, как будто были совершенно незнакомы - два чужих человека, случайно оказавшихся рядом. Сейчас один встанет и сойдёт на следующей остановке.

И они больше никогда не встретятся.

Ну и пусть!

Нет ничего в жизни чище и светлее безответной любви! Ну правда же нет?!

А самое главное — безответственной... Ведь самая безответственная любовь в мире — это безответная. Просто любишь и — никакой ответственности! Просто любишь и — точка.

X* X* X*

“Дни шли за днями, приближая неизбежный конец”. - ... - Какая красивая и звучная историческая фраза! - восхитился он. - надо обязательно где-то употребить её. И он стал в уме перебирать свои замыслы - в каком из них она была бы уместнее всего.

Но это отвлекло нашего героя только ненадолго, и он вернулся к тому своему ощущению, что - что-то неправильное было во всём этом, во всех этих двух встречах с Верой - во всяком случае - не должно быть в его личной жизни, распланированной «от и до», ничуть не хуже программы строительства коммунистического общества ... НО оно было. Было=было и - прошло...

Внезапно вспомнил про Аптекарушу, которой он автоматически присвоил кличку «Ятаган», он подумал, что в том единственном и неповторимом случае она повела себя как жена этого амбала или двоюродного брата — он не знал кем она ему приходится — Именно так, по его непреложному разумению должна была вести себя жена, позвав на помощь своего мужа...

С Верой всё было не так. Он уже почувствовал, что его новая знакомая сама будет решать свои проблемы, и не далее как десять минут назад убедился в этом... И если бы в той аптекарской ситуации гипотетически оказалась Вера, то вряд ли она стала бы звонить кому-нибудь и тем более звать на помощь...

“Всё же с интересной девушкой мне удалось... нет, довелось—более правильное слово—познакомиться на этот раз. Совсем неожиданно!”

- .-.=.-.— то есть - .-.=.-.—

Поэтому там в универмаге “Деревенский” у него зародилось сомнение, что Ятаган сделала звонок и пригласила сторожа не для того, чтобы отшить его как “маньяка”, а для того, чтобы что-то показать тому парню, которого она пригласила, типа что она его - ценит. Ну да, тот амбал ей очень нужен... Ведь каждый день в аптеку заходят “маньяки”... И что? Она каждый раз звала своего амбала?..

, конечно, вполне возможно, это был её брат—двоюродный, например.—сходство лиц было таким, что даже он не обладавший зрительной памятью легко его заметил...

А что нельзя любить своего двоюродного брата?

“Нет, она совсем не боялась меня, этот Ятаган, она просто воспользовалась моим появлением для того, чтобы продемонстрировать этому амбалу, как он ей нужен как она благодарна ему и так далее.— пошёл он мысленно по второму кругу. — Тем более что амбал пошёл провожать её до дому после закрытия аптеки”

- Фью, - присвистнул хрипатый голос, - но она же второй раз через Прозорловскую передала тебе приглашения несмотря на то, что ты откровенно отпраздновал труса...

Автобус качнуло, и он ещё раз посмотрел так немножко издали на коренастую блондинку, которая жестко и требовательно выясняла что-то у пожилой продавщицы...

Мысли нашего героя пошли по третьему кругу: начали снова повторять то, что он думал всего лишь несколько минут назад... Видимо, эти запутанные и занудные соображения ему нравились. А может быть наоборот - изживал, точнее - изжёвывал давнюю психологическую травму, чуть-чуть не обернувшись его телесным членовредительством...

«Нет, на месте Ятагана — я почувствовал за вчерашний день — день пребывания в магазинах вместе с ней, - думал молодой человек, - Вера бы выдала совершенно другую

реакцию, она бы не стала молчать, она бы сразу спросила, а кто я такой или выразила бы своё возмущение, что у меня с мозгами не в порядке..

Нет, она бы не стала молчать...

Как не стала бы звать никого на помощь...

И тогда бы, если бы это произошло в аптеке, ситуация моментально разрешилась бы, потому что на прямой вопрос он дал бы прямой ответ, что наводку ему дала бывшая учительница истории...»

X* X* X*

: его мысли вернулись к Чёрной Женщине. И хотя наш герой только что обошёлся с ней весьма грубо, но сейчас в автобусе в предвкушении расставания с Верой он глубоко задумался над тем, что она из себя может представлять. Итак появилась отправная точка исхода—Вера тоже увидела её... Более того, Чёрная Женщина ей кого-то напомнила... Из это следовало:

Первый вариант: это действительно, не глюк, а живой человек, который вполне естественно от Веры, от её окружения — как бы следит за ними. Он совершенно не знал ни круга её знакомых, ни что у неё было до него и был ли кто вообще. Не только не знал, но и не хотел интересоваться этим — принципиально. Чёрная могла отпугивать или запугивать (?) его из каких-то далеко идущих соображений. Может быть она хотела отомстить Вере за что-то или просто не хотела, чтобы та вышла замуж : Такой вариант был для него вполне реален.

Второй вариант: это могла быть просто сумасшедшая, которой понравился он сам и которая в силу своих бредовых мыслей – а бредовых, это значит, совершенно никому непонятных, в том числе и ей самой – вообразила, что вот этому молодому человеку в Москве грозит какая-то беда или несчастье и по своей сумасшедшей жалости решила предупредить его - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - \:

«Алё, гараж!**Ты спрашиваешь, почему я до сих пор не женился?».****Четырнадцатая**

Британские учёные установили, что большинство людей с сожалением оглядываются на прожитую ими жизнь. Они сознают, что совершали ошибки и глупости; а некоторые даже прекрасно помнят, что делали подлости и подножки не только дальнему, но и ближнему своему... До определённого момента времени жизни наш герой не относился к числу таких людей: даже если он вспоминал события, свои действия и поступки, то всякий раз думал, что всегда и во всём он поступал тем единственно правильным образом, который спасал самого себя — и жизнь, и судьба при всех её плюсах и минусах развивалась так как надо было ему... В отличие от буксовавшей Программы КПСС, трижды переписанной на бумаге, у него всё соответствовало генеральной линии партии жизни, нестираемо начертанной однажды на правой или левой ладонке его...

Может быть здесь разорвать, сделав нажим, что он провожает её домой. А для этого надо пустить его внутренний прощальный монолог. Он задумался какие слова он скажет ей на прощание...

...«Прошёл год, и я почти уже забыл о Вере ...» - неумолимо безжалостные строки складывались сами собой в уме: - «Повесть под кодовым названием Схимник по имени Алхимик была уже не только написана, но и отпечатана в трех машинописных экземплярах под копирку для поездки в столицу южную, когда я вспомнил о ней, о Вере ...»

А сейчас у него был один-единственный нерешённый вопрос: последние слова признательности и прощания он скажет Вере перед подъездом. Подниматься к ней в квартиру уже не имело никакого смысла. , во-первых, он скажет ей, что она произвела на него неизгладимое впечатление, что эти три дня с ней подарили ему такие впечатления, которые подобно зерну будут прорасти всю его последующую жизнь разного рода произведениях и поэмах в прозе, со стихами он не дружил...

«— Сам Господь послал тебя ... Эти три дня вместе с тобой...»

— А причём тут Господь? - перебил его хрипатый...— Что ты там ЧУШЬ сочиняешь?

Под воздействием выразившегося по-московски внутреннего голоса немного он заколебался:

- Кажется, здесь! - полувопросительно сказала Вера, но тем не менее встала и направилась к выходу из автобуса. Он посмотрел ей в спину и почувствовал мимолётное желание не выходить, а поехать дальше — куда глаза глядят, в общем, на деревню дедушке...

Но эта мысль, возникнув — сразу же пропала без следа; наш герой стремглав ринулся за ней. Створки дверей, повинаясь нажатой рукой водителя кнопки, чуть не прихлопнули его, но он каким-то чудом успел выскочить на тротуар.

Зато не успел напоследок исправить свою джентльменскую обязанность: Вера вышла раньше его.

Жених догнал невесту, и они пошли от автобусной остановки вниз по улице. Оглянувшись вокруг сначала он ничего не узнал, поэтому стал уверен, что они просто заехали к дому Веры с другой стороны.

Прошло минут пять прежде, чем он вдруг понял, что они приехали совсем не на Стартовую, где жила Вера, как он ожидал - какое символическое название, однако! Они приехали на совершенно другую улицу...

В момент этого осознания он с большим изумлением посмотрел вокруг себя, а потом на свою спутницу: она - что дура? Куда это она привезла его?

Вообще, что заставляет умных людей совершать дурацкие поступки? Эй, кто знает - отзовись!..

- Давай ищи! Ищи, Тузик, ищи. - сказала Вера, улыбнувшись. - Чутьё есть?

- Что? - пробормотал он недовольно. **«Тебе надо, ты и - ищи! А я - не собака ...»** - **проскрипел недовольно внутренний голос.** Но наш герой промолчал.

- Загс, - услышал.

Решила что ли всерьёз связать свою судьбу с ним... Ну и дела? Краска гнева начала заливать лицо!

- А я и не ... - он не запомнил совершенно адреса, произнесённого завзагсом; но стал судорожно оглядываться по сторонам.

- Он где-то здесь! - весьма уверенно с нажимом сказала Вера.

Они не сразу нашли синюю ставшую за несколько часов такой знакомой вывеску. Кажется, она перекочевала чудесным образом оттуда, откуда они добирались полтора часа, но в действительности такие прямоугольные вывески делали одновременно и одинаково для всех отделений столичного Загса.

Вокруг была совершенно другая обстановка, и декорации другие - среди свежестроенных зеленоватых небоскрёбов стоял домишко такой небольшой, двухэтажный без балконов, с несколькими вывесками, наиболее массивная из которых была «Химистика», он поправил свои очки: нет, оказывается не хи=хи=мистика, а ХИМЧИСТКА. Когда Вера подвела его к двери, то ему в глаза бросилось то, что рядом оказался подвальчик - с окном с разбитым стеклом - точнее треснутым ... Мелочь, конечно, но всё-таки неприятно.

«Ищите треснувших людей» - вспомнилось ему седьмое правило из советской научно-популярной книги «Тайное становится явным».

X* X* X*

«Страна Дураков превращается в Страну Придурков»- запишет он в своём дневнике особыми стенографическими знаками, понятными только ему одному. Потом подумает, поставит вопросительный знак и пометит: - ... - 1987 года.

X* X* X*

А вспомнил: *он отказывается жениться, но продолжает тайком приезжать в столицу, и узнавать про её жизнь. и как бы тенью сопровождать Веру - опять Гранатовый Браслет грозил вторгнуться в его жизнь! И никуда от него не денешься.*

Ну это же поэзия!

Литература!!

Кино индийское, наконец!!!

В жизни, оно, кино это, конечно, мало что чёрно-белое, так оно всё почему-то по-другому.

X* X* X*

По-другому... - но тут по-другому не получалось. Тёмно-зелёная книжечка снова выпала из его дрогнувших рук, но опять упала не на пол, а на стол. Но это уже было не только неприятно, но и как-то смешно: ноги ещё ходят, а руки уже не держат.

Полтергейст какой-то! Если не землетрясение, то душетрясение точно...

И когда паспорт его хлопнулся перед этой заведующей, та вздрогнула и выразительно посмотрела на будущего жениха. Она хотела что-то сказать ему такое, но махнула на него рукой и сказала будущей невесте:

- Девушка! Вас зовут Вера? - сказала она, после того как перелистала странички как бы брошенного им документа.

- Ну да! Это я! - чётко ответила девушка по имени Вера.

Эта строгая тётка оказалась гораздо более официальной, чем в предыдущем загсе. Если та была в какой-то светло-зелёной блузке, то на этой был напялен строгий тёмно-синий брючный костюм, который дополняли большие почти квадратные очки.

- Так вот Верочка, я хочу вас предупредить. Вы за кого выходите замуж? - спросила она поверх очков, самоубийственно зависших на кончике носа, и сама же ответила:

- За приезжего?! Поверьте, Верочка, я не первый год бракосочетаю в этом кабинете, и у меня уже столько зарегистрировано нехороших случаев, когда вот так выходят замуж за каких-то приезжих, (она глубоко и трагически вздохнула) а потом через полгода клянут себя и — делят жилплощадь!

«Тётка правильно говорит! - подумал наш герой даже с каким-то внутренним одобрением и почесал потылицу: - Но очки ейные! Очки-то ведь сейчас упадут и разобьются, гады!» И самое главное он ощутил, что никакого не имеет желания спасти их от падения и разбиения насмерть стёклышков ...

- Поэтому я всех предупреждаю - а вы хорошо подумали, милая? Предупредить — это мой долг! Вы сколько, извиняюсь, месяцев знаете друг друга? Три-четыре, год? Вы знаете, что семья - это союз нерушимый навеки... и когда он за одно мимолётное историческое мгновение распадается — это крушение, это катастрофа! Это всё! Это конец всему...

Вера стояла и слушала молча, нахмутив лоб, её брови казалось сошлись на переносице...

«Ну это вообще не ваше дело» - сказал Вера таким ледяным тоном, что назидательно-воспитательный фонтан моментально замёрз на полуслове, а сама заведующая минуты две тупо смотрела в стальные глаза девушки, ошеломлённая таким упорным стремлением к разделу жилплощади с приезжим, а может быть и личному несчастью.

«Ну очень жаль, что вы не хотите меня слушать! Ну я вас предупредила! Это мой долг!» - наконец, зло буркнула она и принялась заполнять какие-то бумажки, - бумажки, явно не относящиеся к тому заявлению, которое они положили перед ней. По каким-то еле заметным признакам она почувствовала у молодых какую-то отчуждённость друг от друга.

Так получилось, что я в жизни имел много досуга разглядывать движущихся людей...

X* X* X*

Из Неотправленных Писем Провинциала: «БУДЕТ ЛЮДЯМ СЧАСТЬЕ, СЧАСТЬЕ НА ВЕКА? Копия Большому Брату.

ЗАПИСЬ ОТ 22.04.1987

Приближается знаменательная дата — в этом году Великой Октябрьской социалистической революции исполняется 70 лет. Это чертовски много — в нашей стране так долго большинство людей не живёт. И мне даже интересно становится, о чём же будет говорить Михаил Горбачёв с высокой трибуны в борьбе за мир во всём мире, потому что по гамбургскому счёту говорить собственно не о чём. Как обычно, я послушаю звонкое как пионерский горн начало, потом начну раздражаться, плюну, выключу телевизор и пойду займусь каким-то более полезным делом...

Ведь хвастаться им абсолютно нечем. Разве только тем, что воплотили в жизнь старинную басню о том, что — а вы, друзья и подружки, как не садитесь, а в ФРГ - и машины, и дороги всё равно лучше, чем у нас... С такими темпами вы не только за 70 лет, но и за 700 не построите свой коммунизм! Ни на Гулаге, ни на Госплане...

А признаться, что обманули народ его светлым будущим, кишка тонка... Тонка кишка! Печальный результат наших медвежат. Запоздалое Прозрение и - ..=..— презрение...»

X* X* X*

- ... - - ... - - ... -

Вдруг заведующая посмотрела поверх очков на часы: до закрытия ЗАГСа оставалось ровно десять минут.

- Боже мой! Уже без десяти пять. Ничего не получится. Всё! Мы закрываемся, осталось мало времени - придите лучше завтра. Заодно хорошенько подумаете над моими ...

- Нетушки! Всё у вас получится! - сухо и деловито вспыхнула Вера, - Буду я десять раз отпрашиваться с работы! И я не понимаю, что вам мешает оформить сегодня? Это возмутительно ... Там - вы не можете принять заявление, здесь - у вас время закончилось - это ещё что такое? Мы пришли вовремя, и то, что вы не успеваете что-то оформить — это ваши проблемы! Мы пришли до закрытия загса и вы обязаны взять наше заявление...

- Ну-е-у! если вы так ... - завзагсом недовольно дёрнулась, покачала неодобрительно головой, и вздохнув снова наклонилась над толстенным грессбухом.

- А! Вот оно что - вы у нас не в первый раз, - пробормотала завзагсом. Вера промолчала с каменным лицом.

Пять минут, пять минут ... «хорошо устроились?»!

- Распиш-ш-шитесь! - скорее это был не человеческий голос, а шипение очковой змеи или звук проткнутой велосипедной шины.

Всё как-то получалось само собой, безо всяких усилий ... «Удивительно! Но сегодня мы попали . . . Мы попали в самый последний момент в последний вагон уходящего поезда» - подумал он совершенно не веря, что заявление действительно подано, принято, отштамповано, запротоколировано...

Они вышли на улицу, растерянные и смущенные, - дверной замок громко и поспешно захлопнулся за ними, как засов тюрьмы за арестантами. Он посмотрел себе под ноги, и у него сами собой сорвались с языка странные, как ему тогда показалось, подсказанные внутренним голосом, но оказавшиеся (пророческими) - .. - слова на свете:

- Если мы с тобой поженимся, то у нас будет самая дружная семья на свете! - и не узнал своего голоса: какое совершенно непонятное, доселе неведомое чувство нахлынуло на него, нахулынуло и как волна откатила обратно. Как будто кто-то воспользовался его голосом ...

- **Это ты, брат, погорячился! - сразу прохрипел внутренний голос.**

- **Зато как поэтично! - следом пропел Тихий восстанавливая гармонию в заматавшейся было душе.**

«Или никакой не будет!» - добавил он внутри себя, как отрезал по максимуму.

Вера промолчала. Будто не услышала. После конфликтной вспышки она как-то ушла в саму себя...

Тихий ангел пролетел. Молчание - знак согласия? Он искоса взглянул на неё: он не знал да и в принципе не хотел знать, что у неё творилось на душе, но судя по всему - по её пасмурному виду - ничего хорошего. Да, действительно, глуповатые какие-то слова, совершенно не вовремя сказанные... Лучше бы он их и не говорил вообще. Самая дружная семья?

(«С высоты многих дурачки, но счастливо прожитых лет очевидно, что здесь явно вмешивалась какая-то сила, которая была сильнее нас настолько, что мы не только не могли, но и - сами не хотели ей активно сопротивляться ...

Наверное, паралич воли, импотенция разума, - наиболее достоверные приметы вторжения неведомой силы, но кто в силах противостоять силе неведомого? Я думаю, что никто ...

Я уверен, что никому не дано.

Я скажу даже больше: не будет никогда дано.

Никому.»- записал он через много лет и услышал свой внутренний голос: «**Ну вы - фаталист!**»)

... Им работать неохота - буду я разъезжать по загсам - девушка была не только с изюминкой, по выражению Старшего Брата, но еще и с характером, о котором Старший Брат скорее всего и не подозревал. - Делать что ли мне больше нечего! «

После этого монолога Вера молча по-хозяйски взяла из его рук голубую картонку с намалёванной на ней картинкой: двумя переплетающимися кольцами, которую ему неприятно сунула завзагом, и вложила её в свою светлую сумочку. Потом как-то приостановилась, замялась:

- Тебе нужно свидетельство?

- Какое свидетельство? - не понял он.

Она снова вытащила эту злополучную картонку с картинкой и показала ему:

- Нужно?

- А зачем оно мне? Н-нет! - Вообще-то нет, - сбитый с толку молодой человек. По ленинградскому опыту он знал, что реальной волшебной палочкой в столицах: как Северной так и Южной, - обладает штампик постоянной прописки в паспорте, а не какое-то там свидетельство. Будь у тебя хоть десять свидетельств твоей неординарности, без ординарного штампика в дубликаты бесценного груза тебя будут держать за человека второго сорта.

- Хорошо. - Сумочка захлопнулась.

«Хорошо» - какое это чарующее слово, если бы вы только знали... Как много в нём заключено! О как он был счастлив услышать его... Хорошо! - и я снова молод, хорошо! - снова счастье переполняет меня... С тех пор оно станет для него красной нитью с её уверенностью: всё будет хорошо! Неужели всё будет хорошо?

- Хорошо, - с той тихой интонацией вздоха, скорее не услышанного в телефонной трубке, а угаданного сверхъестественным образом...

Он провожал её на автобусе. От железнодорожной станции они прошли пешком. Вера практически всю дорогу молчала и на его попытки поговорить о погоде отвечала невпопад...

X* X* X*

.... Нет, это не безобразная правда, а красивая ложь; в действительности, жизнь гораздо более неожиданная и разнообразная, чем это кажется входящему в неё подрастающему поколению; я пью из маленького стакана, но я пью из своего - и то что, одним кажется верхом остроумия, для других образчик ослоумия; огромное количество нюансов и оттенков, несводимых ни к какому структуралистическому (тем более постструктуралистическому!) инварианту.

А самое главное, она продолжается, эта грёбаная жизнь ... Со страшной силой продолжается ...

- Ну как у тебя с ним? - поинтересовалась Фотинья. Обе девушки прекрасно понимали, о ком идёт речь.

- Никак! Я его отговаривала покупать костюм, но он купил ...

- Ничего страшного, - мудро заметила Фотинья. - Ему это всё пригодится: у них в Джи* там вообще ничего нет.

- Звонил Аркадий Романович: он пробивает для меня место в гдээрзовском госпитале на следующий год ... Это уже точно. - перевела тему разговора Вера.

X* X* X*

Большая Медицинская Энциклопедия! Вот это да! Это же надо?... И где - - ... - - ... - Опытным взглядом Библиомана, Библиофила и Библиеиста, он прошелся - если мне не изменяет память! - по тёмно-зелёным корешкам, без труда определив, что первая рука, которая к

ним коснётся - это будет его; его и только лишь его.

В тот весьма памятный для него день Старший Брат появился даже позже его; помимо основной работы он халтурил на танцах с оркестром для тех, кому за 30. Это мероприятие так и называлось — «Веранда»

Хрипатым гласом Пьяного Пушкина он напевал:

- Прочь вливания извне! Привыкай к голубизне!.. Привыкайте люди к обсераниям ...

Любуясь собой в зеркало, висевшее на стенке в прихожей, Большой Брат повторил нараспев торжественно-похоронным баритоном:

. - - Прочь вливания извне! Привыкай к голубизне ...

- Ты про что это? - не удержалась Фотинья, выглянув из кухни.

Старший Брат заблмычал очима. Он сделал в зеркало некую гримасу и значительно изменил фиоретуру, снизив в своей октаве голос на два пункта:

- Про голубей, мать! Мне всегда кажется, что мы с тобой как голуби, - голубь и голубка ... Два голубка, а! - он пасхально заулыбался. - Мила-аа-ая! - протянул он нежно посапывая носом

И пошёл обутый на кухню. Послышались шлепки, потом звуки умиротворяющих поцелуев ... Потом были какие-то нежные приглушённые шёпоты, не хватало только соловьиной трели: вместо неё как всегда донеслось отдалённое воронье карканье с улицы. Вернувшись в прихожую, Старший Брат с трудом опустился на табуретку, которая под его весом жалобно скрипнула.

Отложив в сторону 34-ый том Большой Медицинской энциклопедии, он тоже вышел к приходу родственника с «Веранды»

- Братан, салют! Салют, братан! Могу поздравить? - лицо Старшего Брата расплылось в широкой о-оченной улыбке. Родственник действительно, был рад. Наш герой понял, что Фотинья уже сказала ему об их сегодняшнем визите в ЗАГС, о чём она, вне всякого сомнения, узнала от Веры... Он тут не при чём.

- Да, ты знаешь ... - как-то замялся он

- Да! Знаю! - Старший Брат махнул пригласительно рукой наклониться и когда Бледнолицый Брат подошёл и наклонился:

= Хватит скромничать! - потряс его брат за оба плеча и от души обнял того, отчего тот, хилый и худосочный, чуть не задохнулся; крепок перегар, однако!. - Я бы никогда не подумал такое про тебя: какой выстрел! Какой выстрел!! Это же надо: с первого раза - прямо в яблочко! И когда свадьба, скромняга?

- Через два месяца ... Тише ты меня задушишь! ... как по закону положено.

- О-о-о, ну теперь держись, братан!

Наш герой покраснел и забормотал в том роде, что заявление ещё ничего не значит - пустая бумажка! И всё может в любую минуту расстроиться и перемениться в сугубо противоположную сторону.

- Да ла-аа-адно! Лазаря петь... Знай наших! Ты не смотри что мы тихие! Мы своего не упустим! У нас мёртвая хватка!

Нашего героя не на шутку потрясло то, что Старший Брат был как-то странно и чересчур твёрдо уверен, что свадьба состоится непременно, и даже как-то непонятно самоуверен... Это нервировало нашего героя.

- Ну это от меня мало зависело

- А от кого позвольте спросить? Это она тебе на шею нет - что ли? - повесилась?

- Нет, это я предложил.

- Да? Так и сказал?

- Да. Я сказал: «Ну, что - пора в загс»

Старший Брат хлопнул себя по ляжкам, весело и довольно рассмеялся. «Такие сраные слова, - дурашливо запел он, - а как кружит сковорода!» Его Бледнолицый Брат так и не

понял, что здесь может быть смешного ... **Бум! Буц! Шляпс!**

«Не потеряй...» шепнул нашему герою на ушко внутренний мелодичный голос, но он не понял значения этих слов, а времени для беседы с призраками не было, потому что резко прекратив смеяться, Старший Брат посмотрел на него свысока и поднял указательный палец в потолок— весьма философским и пророческим тоном:

- Ну теперь у вас начнётся такая рубка - и было совершенно непонятно: радовался ли он этому, или наоборот сожалел и сочувствовал

- Но ты должен знать! - он поднял указательный палец вверх. - у тебя всегда есть запасной аэродром, на котором ты можешь приземлиться ... У тебя есть Старший Брат, который подставит своё плечо ... - и он оглянулся через плечо. Там никого не было. — А если уж совсем не вмоготу, то и кушетку на кухне...

Наш герой пожал плечами и издал странный горловой звук...»Нетушки! Уже если будет не вмоготу, то он сразу дёрнет домой...»

- И совсем не то, что ты думаешь! - как глухарь продолжал токовать Старший Брат, = не твой вонючий и занюханый как его - ты должен знать, что брат всегда поможет брату. Мне самому в столице досталось - во! - и он провёл себя ребром ладони по кадыку - Ты должен знать, что ты всегда в любое время дня и ночи можешь ко мне привалить - ко мне, и будешь как дома ... Мы тебе поможем: не таких объезжали! Взнуздаем, укоротим ... Подыскаешь себе работу ...Заруби себе на носу: **Большой Брат думает о тебе; он о тебе заботится...**

Старший Брат охотно делился своим единственно правильным, как он считал, пониманием семейной жизни

- Ты ни уступай ни капли! - Вот настолько уступишь - он сжал подушечками большой и указательные пальцы - всё пропал! Зажмёт тебя под ноготь, сука, будешь всю жизнь по струнке ходить: сделай то, сделай это - и всё будет: надо, надо, надо/... И всё будет: мало, мало, мало ... Ну что ты смотришь на меня как Ленин на буржуазию? Что я не прав? Кстати, слушай, тут мне анекдот рассказали про молодожёнов, почти как про вас. Ну, значит, такой анекдот: Петька женился на Верке, и отправились они в свадебное путешествие в Париж. -

... - - - - - \ - - - - - \

... В Тихом Омуте черти водятся. Он родился на полустанке Тихий Омут и рос под петушиные крики и время от времени, но каждый день — собачий лай из конца в конец. Строго по расписанию в эту идиллическую симфонию вплетались гудки поездов, шнырявших сквозь сельцо по блестящим на солнце рельсам. Там бы и прожил всю свою жизнь, если бы население полустанка хоть мало-мальски дружественно относилось к нему. Пусть не к нему, пусть хотя бы к его родителям ...

Здесь в столице вместо собачьего лая царил вороний грой. Рано поутру какая-то ворона как трубач зорю издавала еще сонное карканье. В предутренней тишине предсмертный хрип птичий был подобен пушечному выстрелу. Оно было одиноким и казалось случайным и казалось, что тишина продолжится - не тут-то было! Минут через пять раздавалось второе, а затем и волнами шло по нарастающей, пока не превращалось в сплошной концерт!

X* X* X*

Станет ли он действительно великим? Сможет ли он осилить и претворить все свои решения в жизнь - всё разнообразие задуманного?

Если суждено стать Великим, то он станет им, а если не суждено, то - кто он такой, чтобы перебороть судьбу, взрастить в себе талант, которого нет, приделать себе ум, будучи глупым от рождения?

Пойти наперекор течению, непрестанно доказывая себе и обществу то, что ты гений?! Да нет, не будет он никому ничего доказывать! Силы неравны.

- Сынок, лучше ты напиши про подвиг! Про положительного героя! - в сердцах воскликнула мать. - И тебя напечатают!!

- Мам, знаешь, какая разница между мной и тобой? Ты только говоришь, а я пишу!..
Пишу молча, и никому не показываю...

- ...Ум что талант: либо он есть, либо его нет - третьего не дано! - со всем пылом и жаром юности, свойственными хмурому утру жизни максимализмом заявил он тогда матушке. Она была в курсе всех его дел, и очень хотела, чтобы он стал писателем

X* X* X*

...Вера посмотрела на него странным и слегка сонным взглядом и спросила:

- А кто ты такой? Я тебя не знаю! ...

«... и жизнь, и смерть, и скорбь пророка! †13 .

Тринадцатая

Предуведомление: *главка сия, точнее рескрипт оный находится в данный момент в Супер-Цензурном комитете пред иллюминаторами Наивысшего Разума. И поскольку окончательного высочайшего запрета на сей кощунственный текст ещё не поступило, поэтому не сам автор, но волею сложившихся обстоятельств вынужден публиковать как есть - на условиях открыто публичной лицензии «ГНУ». Но вынужден также преуп ... вредоуведомить читателя, что в дальнейшем текст может серьёзно быть скорректирован с учётом внешне - и внутренне политической ситуативной ориентации и ориентировочной ситуации. Так что, не упusti сей единственный шанс, читатель! Читай, пока читается ... Пока горит восковая свеча!*

22.05.2015 9:44 а почему глава не может быть названа вопросительным знаком? А почему не может быть двух тринадцатых главок, - наконец??

29.07.2016 Недолго музыка играла ...

Как я и вредоуведомлял милостивых читателей, случилось неизбежное и легко предсказуемое ... Впрочем для объектива ради предоставляю вашему вниманию выписку из особо секретного протокала, готовящегося к обнародованию на печально известном сайте Твики–Уики–Секс:

ТРИНАДЦАТЫЙ КРЕСТ ДОЛЖЕН БЫТЬ сожжён;

И пепел его развеян над - ... - ;

КРЕСТОВ ДОЛЖНО остаться ВСЕГО ДВЕНАДЦАТЬ ...

«Некоммерческий Филиал Супре-Цензурного Комитета Наивысшего Разума в составе - ... - с участием обвинителя - ... - и без защитника, не предоставившего удостоверение и ордер при ведущем особый протокол статс-секретаре [http://samlib.ru/m/mrakewich_p/](http://samlib.ru/m/mrakewich_p/ "Новый Заоблачный путь") Мракевиче П.К. рассмотрев в скрытно-закрытом присутствии текст главы сией

УСТАНОВИЛ

автор по месту жительства характеризуется положительно, на учете у врача-нарколога и кожно-венерелогическом диспансере не состоит, ранее не судим, от психиатрического обследования отказался без указания причин и совершил данный инкриминируемый ему текст, относящийся к категории средней тяжести наказуемых деяний находясь в полном физическом здравии и психически здоровом уме.

А посему согласно статьи 666 Заоблачного Кодекса об административных преступлениях и уголовно наказуемых деяний Великой Империи Добра и Света Некоммерческий Филиал Супре-Цензурного Комитета Наивысшего Разума

ПОСТАНОВИЛ:

Признать оный текст не токомо кощунственным, но и ВУЛЬГАРНЫМ с душком пошлости, подталкивающим граждан потребителей противу морали и нравственности, а также воссозданию анти-исторического психоза. Более того злоказнённый автор евоным текстом пытается безуспешно воспрепятствовать распространению мракобесия и единомыслия в географических пределах, предусмотренных соответствующей статьей Заоблачного Кодекса об административных преступлениях и уголовно наказуемых деяний Великой Империи Добра и Света, и с учетом положений Общей части Управляющей Компании ВИЗДиС (Великой Империи Добра и Света)

ПРИГОВОР

приговорить Автора к строгому внушению, а текст главки “...и жизнь, и смерть, и скорбь пророка! Крест Тринадцатый” стереть из памяти отечества и человечества раз и навсегда.

В случае подачи кассационной жалобы разъяснить осужденному, что он вправе подать ходатайство об личном участии в суде кассационной инстанции Приёмной Седьмого Неба, о чем он должен указать в своей кассационной жалобе в срок, установленный для подачи кассационной жалобы.

- ... - - ... -

Автор, отказавшись от подачи всякой жалобы и чудесным образом оставшийся в живых, давший под огненным иллюминатором Наивысшего Разума клятву Партократа на баране восклицает:

- Да здравствует Страшный Суд Наивысшего Разума — самый справедливый и гуманный суд во всём мире и во все времена!

и продолжает сей манускрипт к вящей пользе читателей и бесславию своему. На очереди Глава Десятая. “Змеиный Глаз, ты будешь казнён на рассвете!”, которая, надеюсь, воспоследует в недалёком будущем ...

(В общем, продолжение наследует)

15. Сверхскоростные процессы при скольжении по наклонной местности.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ. Наличие в руках белой картонки с двумя переплетёнными кольцами — почти что математический знак бесконечности — открывало перед нашими неожиданными будущими молодожёнами двери весьма специфических магазинов.

- Так что давай завтра приезжай пораньше! - приказала невеста новоиспечённому жениху.— там тоже всегда выбрасывают с утра... К обеду уже может ничего и не остаться

Если мне не изменяет память, они назывались "Салоны для молодожёнов" или что-то в этом роде. Нет, всё-таки—"Салоны для новобрачных" - хотя и то, и это было не совсем правильно, не по-нашенски.

Товары в этих элитных торговых точках можно было приобрести только по предъявлению заветной картонки, в которой была указана дата свадьбы и ещё что-то. Помимо свадебных платьев там были импортные туфли, босоножки, мужские костюмы и галстуки, носки, **И МНОГО ВСЕГО ЧТО НЕ БЫЛО В СВОБОДНОЙ ПРОДАЖЕ ВО ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ МАГАЗИНАХ. А самое главное — качество...**

Но первое, что вас встречало — даже в середине рабочего дня—это абсолютная пустота торгового зала: в отличие от других торговых точек посетителей в этих салонах было мало. **После всех этих очередей, а то и давки в предыдущие дни — эта пустота завораживала...** Она давала какой-то иллюзорный отсвет на всё происходящее с ними; словно во сне...

Начиная с четвёртого дня знакомства три дня подряд они с Верой постоянно заглядывали в эти пустые торговые залы, и только один раз за это время столкнулись с другой парой молодожёнов, лет так на десять помоложе их — невеста примеряла свадебное платье, жених, устав от своего непонимания, вышел покурить на улицу за двери и не особенно торопился возвращаться...

Конечно они ходили не только в эти нереальные салоны, ходили и в другие реальные магазины...

Советская власть была всю свою недолгую жизнь помешана на спецзаказниках, спецприёмниках, спецраспределителях и прочих спецзаведениях самого разнообразного толка. Ему вспомнилось:

...- Слушай, тут один товарищ у нас в отпуске, возьми набор – сказал мне инструктор отдела райкома партии, в принципе, они относились ко мне хорошо. Не знаю почему, правда?!

Но наш герой удивился. Во-первых, прожив полжизни на обочине Советской Супер-Системы, он и не подозревал, что работники райкома партии отовариваются помимо базара и магазинов каким-то специальным образом. В принципе у них была хорошая зарплата, и они вполне могли питаться с базара...

Удивился и инструктор Саша и, наверное, пожалел, что предложил: в набор входила хорошая рыба, головка импортного сыра, ещё что-то такое вкусное и дефицитное – и всё это за копейки, чего в свободной продаже на магазинных полках НИКОГДА не было и в помине. Но Серёжа не только удивился, он ещё посмотрел на меня неким специфическим взглядом, в котором засветилась подозрительность: любой советский человек схватился бы за такой набор двумя руками, и если мыслить логически как Шерлок Холмс, то на дыбы вставал вопрос, а ...

- Кольца? - Он вздрогнул, не заметив, как она начала говорить с продавщицей — Нет,

обручальные кольца мы покупать не будем! - вывел его из ностальгического воспоминания голос Веры

- Ну что? Наверное, мне здесь свадебный костюм надо отхватить? - спросил он. Она как-то замялась.

- Как хочешь, - ответила она равнодушным тоном. Наш герой смело и быстро двинулся к длинной шеренге тёмно-синих пиджаков. Взял первый попавшийся и принёс к невесте.

- Вот этот вроде ничего... - он сказал он таким сомневающимся тоном, разворачивая вешалку пуговицами к ней и, подняв над головой, поднес почти вплотную к её лицу...

- А он тебе нужен? - сказала она, отстраняясь назад от невежливого жеста.

- Ну я тогда его померю! - и наш герой повернулся в сторону примерочной.

После этих его слов Верины глаза поползли на лоб: "Слушай, а какой размер ты носишь?"

"Размер? Хм, анапест, дактиль, амфибрахий ..." Он будучи Великим Поэтом знал точно, что у всех стихов есть свои точные размеры, которые невозможно спутать друг с другом, но, впрочем, был ещё холиямб— "хромой ямб". Но чтобы у него самого был какой-то размер обуви и одежды? ... Ну да, в принципе, какой-то размер есть, наверное, но до сих пор он приходил в магазин и не глядя, - ей-Богу я не вру, действительно не глядя ни на какие размеры примерно брал штаны или ботинки, потом просто примерял, если были коротки — да и фик бы с ними! Или слегка длинноваты... Тётя Тася укоротит... Как говорится, с лица не воду пить. А туфли, главное, чтобы не жали. И подешевле!

- Это же на слона! - повысила голос Вера.— Это же 62-й.

- Правда?! На слона? - искренне удивился он.—А я думал — на жирафа! - попробовал он неуклюже отшутиться.

- А у тебя... - она зупинилась и, смерив его фигуру с ног до головы, произнесла вердикт: - У тебя—48-й, максимум. Ну рост— а вот рост, наверное, 4-ый ...

Вера пожалала плечами. Он стоял не зная что делать с выбранным матерчатым полотном.

- Да я бы всё равно померял, - промямлил он. - А вдруг—подойдёт...

- Пошли ... - вдруг сказала Вера.

Они вместе подошли к стойке с мужскими костюмами. Вера стала перебирать костюмы и вскоре вытащила из группы совершенно одинаковых тёмно-синих матерчатых краев и концов какой-то и отдала ему.

Он направился в тесную примерочную кабинку для переодевания. Штаны в талии оказались свободными, и норовили съехать вниз, поэтому чтобы удержать их на себе, он — как только можно больше— выпятил живот. Пиджак, наоборот, жал в подмышках, но он, приложив серьёзные усилия, застегнулся на все пуговицы сразу, и понял как во время оно дамы чувствовали себя в корсете; наш герой от всей души посочувствовал им. Но нитки у импортного пиджака оказались прочными и не гнилыми. Из этого всего можно было ожидать — если не Чарли Чаплина, то по крайней мере весёлого клоуна Карандаша... Но — свадьба, наверное, обязывала. «В конце концов, подумал он, эта церемония с матримонией не должна продлиться долго... Можно и немножко потерпеть...»

Обернулся, его глаза встретились невзначай с зеркалом примерочной, он посмотрел на себя и — не узнал. Перед ним стоял молодой незнакомец весьма авантажного вида, как будто сошедший с картинки западного журнала мод, проникшего сквозь железный занавес тайком и нелегально. До сих пор он и не подозревал, что одежда может так радикально менять внешний вид... На первомайской демонстрации вполне могут принять если не за "американского шпиёна", то за иностранного туриста —точно!

- А когда ты, образина, последний раз смотрел на себя в зеркало? - придирчиво прохрипел внутренний голос. — Умываться - не умываешься, зубы только три по-

следних дня чистишь на случай, если придётся целоваться...

- Ну как—когда? Когда брился ... - ответил он ему. И тут же вспомнил, что бреясь электробритвой, он не особенно утруждал себя этим зрелищем и соответственно зеркалом. А так—почти наощупь... Тем более в прихожей у Старшего Брата было темновато электрофицировано.

И теперь солидному джентльмену даже темные круги под глазами, неизвестно придавали некую аристократическую томность.

- То-то и оно! - саркастически расхохоталось гнусное подсознание ...

Предуготовленный к разного рода насмешкам, которые по его мнению должны были последовать со стороны Веры, он резко отдернул занавеску и сделал трудный шаг внаружу.

Вера вздрогнула. Каким-то сверхъестественным мужчинским чутьём он вдруг понял, что неожиданно произвёл на неё впечатление — первое за всё эти четыре дня. Только подумав, вот что значит какая-то драп-дерюга. Может, она представила на мгновение, как она будет выглядеть под руку рядом с вот таким парнем?!

- Ну как?..— говорить с надутым животом было трудно, но он преодолел и это, дыша короткими резкими дыхательными движениями

- Ничего... Ничего.

- Тогда берём! - поспешно сказал он, потому что от натуги сохранять живот выпяченным, у него уже глаза вылезали из орбит; он бросился почти бегом к примерочной, как к сортиру во время поноса ... Натянув свои родные кримпленовые брюки, он задумался: как же он будет стоять, придерживая брюки одной рукой, во время брачного церемониала ... А вдруг ему понадобятся две руки для чегонибудь — тогда штаны что? Свалятся? Он с некоторым прискорбием посмотрел на тёмно-синий свадебный костюм и хотел уже отказаться от него несмотря на Верину похвалу, но тут его осенило:

... Эврика! - воскликнул он. - Верёвочка! Ремень!! Подтяжки!!!

Из примерочной он вышел с приподнятым настроением от своей находчивости. Ему даже пришла в голову ещё одна новая мысль: надо взять два таких костюмчика — один точно такой же про запас.

Он повернулся к вешалке с костюмами:

- А тут есть ещё один такой же? Или это — как всегда — последний?

- Только с перламутровыми пуговицами? - съёрничала Вера. Видимо, у ней тоже улучшилось настроение — А чем тебе этот не подходит?

- Да нет, всё нормально. Просто я хочу — про запас, второй такой же.

Вера фыркнула.

- Молодой человек, - тоном прокурора пояснила оказавшаяся, как нельзя кстати рядом, продавщица в выутюженном фирменном костюмчике, - по удостоверению зарегистрированных органами вы имеете право приобрести в нашем Салоне только по одному комплекту имеющихся в наличии товаров.

- О продаже мы ставим отметку вашему удостоверению, - сбиваясь с тона прокурора на речь участкового, завершила она пояснение. - Записываем его номер и к себе для отчета.

- Всё понятно, товарищ майор, - шутливо ответил он, почувствовав себя одной ногой за решёткой железного занавеса. Продавщица как-то странно посмотрела на него. *Спойлер: Не поняли? Правильно! Сейчас я разъясню: продавщица посмотрела на него как на спекулянта—один костюм для себя, а второй для продажи с рук—втридорога...*

- А ты что думал? Один ты такой вумыный как вутка?

Но какая-то волна эйфории продолжала его баюкать, и на этой волне он подошёл к безлицему манекену с напяленным на пластмассу свадебным платьем

- Слушай, а кринолинчик-то ничего! Давай я тебе его куплю?!

Он по-деревенски выпятил указательный палец в сторону скопища белоснежных рюшек, фестончиков, бутончиков, сборок и строчек, водопад которых мелкими косыми волнами

простирались почти до самого линолеума.

- Зачем?

... Только мы почему-то понимаем всё это тогда, когда уже поздно что-либо исправить — ну очень было похоже на портьеры в Колонном Зале Дворца Союзов ...

Он не знал, что ответить; ответить — что он видит (он очень хотел бы видеть её!) стоящей в этом “белоснежном водопаде” на брачном церемониале — он неожиданно и вдруг застеснялся своего мечтательного видения. Хотя ему казалось, что это будет неплохо, очень даже неплохо выглядеть — особенно с точки зрения его Фуева-гукуева

- Мне это не нужно, - неожиданно спокойно и чётко ответила Вера. И он даже как-то не понял: что именно ей не нужно? Женитьба? Или именно это свадебное платье?

Эйфорическое настроение зашипело и испарилось. Вернулось буднично-пессимистическое.

Нуда, дороги грязные нам суждены...

Он остановился.

- Ты ещё чего-то хочешь себе купить? - как-то механически спросила Вера.

- Да вот ищу... может быть есть здесь хороший гавноньоль?!

- Говиньоль, - поправила она.

- Нуда! Ну да я это и хотел сказать...

- Ты хоть знаешь, что это такое?

- Это такая шляпка... Свадебная... для тебя ...

Вера снова не выдержала и фыркнула.... Ничего, другая бы обиделась...

Х Х Х

Это было пару лет назад. Но память – но память. Когда он работал в газете. Пришло письмо из какой-то колонии. От какого-то заключённого родом из Дрисни, и Тереза, зав. Отделом писем – без догмата – стала читать его во всеуслышание: Пупырышкин и она укатывались со смеху от безграмотности адресанта. Он тоже улыбался, но из врождённой деликатности, не желая испортить чужой праздник, - улыбался сквозь зубы. Ему вспомнилась одна наша пословица, сказанная в сказке нашим народным героем Иванушкой-дурачком:

- Не смейся чужой беде – своя напереди.

Смеялись они, вполне естественно не над чужой бедой, не над этим бедолагой, оказавшимся за колючкой и вполне возможно – справедливо оказавшимся, а над курьёзностью его словечек и словосочетаний, но у него, отсидевшего два года в стройбате, в тот момент возник образ опутанного колючей проволокой заключённого в ватнике,

- С КЛЯПОМ ВО РТУ -

Ну не с кляпом, конечно, но с чем-то таким, типа намордника — потому что морозный воздух в местах не столь отдалённых обжигает нос и глотку...

Мороз крепчает...

...и наш герой, как ему показалось, навсегда понял ещё одну простую истину: горе человеческое, если это настоящее горе, никогда не может быть выражено иначе как вот таким безграмотным и курьёзным образом.

Если горе будет описано с соблюдением всех правил орфографии и пунктуации стандартным советским литературным языком, то это уже будет не судьба человека, а ...

...ну например, это будет “Целина” или “Малая Земля” Леонида Ильича Брежнева **про великое народное горе**. Хорошо написано. Грамотно. Политически безошибочно. Имеет особую ценность для воспитания подрастающего поколения в духе революционных, боевых и трудовых традиций советского народа.

- ..=-.- -

Или какое-то другое стандартизированное произведение очередного лауреата Ленинской премии, Государственной или Нобелевской премии, вместе взятых, но — никак не **обычное человеческое горе**.

Поздно вечером того дня наш герой специально задержался после работы, и когда коллеги отправились подомам, то наш Шерлок Холмс полез в мусорку и достал из плевков, окурков и яблочных огрызков это письмо.

___ По правилам советского газетного судопроизводства, все входящие в печатный орган райкома партии письма должны были регистрироваться в специальной книге, которую Тереза по своей генетической памяти бестрепетно называла "тал=мудом". Газета "Заря коммунизма" не была исключением.

Однако зав. Отделом писем как член партии с правами инструктора горкома партии имела право. И правом этим Тереза пользовалась соответствующим образом: мусорка не успевала опорожняться...

Расправив смятые листки, посеревшие от лагерной пыли, наш герой всё-таки, как истинно великий детектив, нашёл эти слова и аккуратно выписал в свою записную книжку:

- После этого, - велеречиво писал матёрый преступник в районную советскую газету, - каждое следующее событие моей печальной жизни становилось очередной ступенькой наклонной плоскости, по которой я катился всё ниже и ниже ...

И сейчас у него появилось точно такое же ощущение своей жизни как лестницы:

Первая ступенька – знакомство с Верой и поход на Джа*ку.

Ещё одна ступенька – Ботанический Сад и поездка по магазинам.

Третья – ЗАГС ...

В общем, до тебя мне сейчас не дойти, а до смерти – четыре шага ... Оставался четвёртый шаг.

Но тогда ему показалось, что это лестница вела вверх, а не вниз. И что чёрный мотоцикл Ка-750 мчится к славе...

X X X

Из Неотправленных Писем Провинциала: «По СССР бродит призрак?..» Копия Старшей Сестре с Большими Ушами.

ЗАПИСЬ ОТ 05.04.1987

ПЕРЕСТРОЙКА, ГЛАСНОСТЬ, УСКОРЕНИЕ И – ХОЗРАСЧЁТНЫЕ БРИГАДЫ КОМУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА...

В моменты революционные революционное враньё неизбежно. И чем глубже и кореней революционная ситуация, тем фантастичнее и абсурднее это враньё, тем масштабнее ложь, тем кровавей - неизбежное очередное "кровавое воскресенье"...

Ибо только полноценными иллюзиями о близком и счастливом будущем можно заставить человека идти на верную гибель. Призрачный, но такой близкий рай порождает череду фанатиков, готовых убить себя ради великих идей. Смерть других— **и чем больше, тем лучше! - при этом - не в счёт, а во благо... На них поначалу со вполне понятным недоверием всматриваются народные массы, но потом всё больше и больше заражаются и заряжаются их фанатизмом. Начинается революционный коллективный психоз.**

Тьмы низких истин нам дороже

Нас возвышающий обман

Смотри научные труды Ганнушкина.

Но когда революционная ситуация идёт на спад и убыль, то это враньё обнажает свою бессмысленность и бесцельность, но при этом оно почему-то становится накатанной стартовой полосой для взлёта плеяды очередных подлецов и внеочередных мерзавцев...

X* X* X*

... он вышел из подъезда и пошел вдоль этой многоэтажной горы с гнёздами разношерстных балконов. Занятый своими напряжёнными напряжениями, мучительными раз-

мышлизмами, чувствуя, что судьбы свершается приговор, он позабыл перед выходом посмотреть на погоду в окно.

Между тем небо с утра было плотно затянуто облаками, но не было холодно — теплота с духотой какой-то царили вокруг него. Но всё равно, даже при выходе нашему герою показалось, что ничего не предвещало ненастья, он даже не взял своего суперзонтника. Зонтик-шпага, зонтик-пика, который он приобрёл в том числе и в целях самообороны при своём предыдущем визите в столицу...

И вдруг, выйдя на Шереметьевское шоссе, - на тебе! - он ощутил на своей щеке влажный и холодный поцелуй водяной капли. Он подумал — птичка, потёр щеку ладонью, вспомнил хрестоматийное: "Хорошо, что коровы не летают!", но уже через несколько шагов асфальт вокруг него стал покрываться чёрными точками. И с каждым его шагом их становилось всё больше и больше. Обогнать их явно не было никакой возможности...

Но он всё же рефлексивно побежал. На бегу, вглядываясь по сторонам, где бы спрятаться от надвигающегося ливня, и—вдруг увидел решетчатый забор, а в нем - широко раскрытые ворота и дальше - вход в церковь, на которую он смотрел в столичной закрутке только со стороны.

Проходящих мимо.

Несколько секунд, и он уже был в притворе храма. Вовремя! Капли дождя загрохотали сзади со страшной силой, и в мгновение ока за его спиной всё вокруг расплылось в дождевой мгле ... Если бы он не заскочил под сень куполов с крестами, то сейчас бы промок до нитки и опоздал бы на свидание с Верой, потому что вынужден был бы вернуться и переодеться. Причём переодеться-то особенно не во что было, а братова одежда была для него велика. Вот так.

«...земную жизнь, пройдя до половины, я очутился в сумрачном храму» - цитатно подумал он по своему обыкновению, цитатно.

Он оглянулся - дверь из прихожей в сам храм была приотворена: сердце слегка ёкнуло - случайно ли это совпадение. ..

Не есть ли это приглашение свыше?!

Из полутемного помещения церкви тянуло каким-то, ну очень ароматным дуновением, впрочем с достаточно странным запахом, от которого слегка засадило в горле. Что-то есть. И это что-то властно потянуло его зайти...

"Так вот он какой, аналой!" - воскликнул он в себе.— "Какой интересный у этого аналая запах?"

Из курса научного атеизма, среди всяких и всяческих антисоветских сект наш герой хорошо запомнил, что внутри православной церкви распространяется специальный запах, чтобы одурманить верующих. И он почему-то решил, что это снадобье называется не как иначе как— «аналой».

Ему стало интересно - он не крестясь, а как экскурсант с гордо поднятой головой вошел в святое сооружение, и уже полной грудью вдохнул странный резковатый и сладковатый, доселе ему ненюханый запах, странный в полной мере...

Внутри очень высокого помещения было темновато, горящие отдельными точками в кругах и полукружьях перед иконами и накануне смерти свечи не давали необходимого света, чтобы всё рассмотреть в деталях. Он поёжился от подступившей к телу сквозь одежду прохлады.

Здесь стояла неизбывная гробовая тишина, а снаружи доносился приглушённый шум дождевых струй, хлеставших по стенам и куполам церкви. Прямо перед ним висели лики; изображения на них людей для него были одновременно и похожи, и непохожи на фотографии и портреты ...

Иконы ...

...пожилая толстенная старушка в белом платке прислонилась лицом к одной из них и

жадно вzasос поцеловала полированную поверхность её обложки. "Во, чокнутая! - подумал он. - Явно с головой непонятно!". Сделав несколько шагов вперёд, он озирался по сторонам. Резкая вспышка молнии на мгновении ослепительно осветила внутренности храма ...

- ... - - ... - - ... -

Это небесное явление толкнуло его шагнуть ещё по направлению к «исповедальне», - именно так он воспринял эти небольшие воротца посередине противоположной стены—в центр храма. Он подумал, что именно за этими воротами наедине со священником можно — ОТКРЫТЬСЯ. Иначе зачем тогда эти воротца?

Открыться совершенно чужому и может быть совершенно чуждому человеку.

Ради чего?

Многие носят свои переживания в самих себе и не имеют особой охоты делиться ими с окружающими, какие бы тяжелые эти думы ни были. Он был именно из таких. Конечно, он ушёл бы отсюда... Но—дождь. А у него как на грех не оказалось с собой зонтика.. Он такой предусмотрительный сегодня вдруг забыл взять его с собой.

И поленился вернуться...

Что это? Подсказка, подсказанная со стороны подсознания...

И вот—если бы не это ненастье, разве зашёл бы он в Храм?

Но неисповедимы пути, которыми приходят люди к Богу. Шагнуть, как переступить невидимую границу - вчера был там, а сегодня уже здесь. Младший научный сотрудник. Нет, он уже не был младшим научным сотрудником, он был маленьким мальчиком, заблудившимся в темно-темном житейском лесу. И вместо прохлады стало еще жарче. Бешено заколотилось внутри сердце... "Ну-ну! Это что-то новенькое!" - он автоматически стер испарину со лба

«- Нет, - взъерепенился внутренний голос, - ты что-то всё-таки перешагнул! Ты уже не можешь по-другому после этого. Жребий брошен»

« - Чего не могу?» - спросил у самого себя он. В ответ была мёртвая тишина — внутренний голос куда-то пропал.

- Слышь, ты, постой, подожди, где ты там запропастился?

- Ну чё там ещё? - раздражённо ответило изнутри самого себя.

- Слушай, бес, а что я могу сделать, чтобы вернуть назад свой несколько минут назад брошенный за кудыкину гору жребий?...

... Легкий шум, чей-то голос заставил его повернуться направо: у второй двери стояли двое людей. В этом полутемном помещении без электричества, - наконец, наконец, он разглядел ещё одну женщину редкого и потому непривычного вида, наверное, старуха, потому что она была в двух платках сразу, за сгорбившейся спиной лица не разглядеть... Она плакалась, сморкалась и причитала замогильным шепотком на сына, который беспробудно пьянствует, и под пьяную руку лупит ее, чем попало... Она напомнила ему покойную его к тому времени бабушку со стороны отца...

- Мало молишься, - смиренно произнёс священник, у которого и бородёнка, и головёнка были покрытыми вьющимися рыжими волосами.

- Ну как же мало, батюшка, - слезливо заспорила она.— Сегодня утречком 43 раза прочитала Отчешаш. И псалтырю читала ... Вчера вечером читала... Несколько часов подряд...

«Ну вот какая тут тайна исповеди!? - подумалось ему, и сердце его тоскливо сжалось. - Как на сцене... Всё слышать...».

Поняв это, он захотел уйти ...

"Конечно, во всём этом не мешало бы разобраться, - подумалось ему.—но это потом. Потом. А сейчас меня ждёт Вера"

- .-.=.-.—

Выходя из церкви, он оглянулся и поднял глаза ввысь, и ему показалась, что какие-то смутные тени пролетели под омытым дождем куполом, над его золочёнными крестами ...

- Нет, это тебе просто показалось, - опять проснулся внутренний голос. – Ты же изучал научный атеизм!

- Религия – это сила слабых, это сила слабых духом. Сильные духом организуют подпольный обком партии, уходят в лесные партизаны и напоследок будут прокляты Сталиным как враги народа. Враги советского народа.

Любая религия — вспомнил он слова Лектора – паразитирует на присущем каждому биологическому существу страхе смерти. Буддизм, магометанство или христианство пытаются снять этот страх смерти разумным путём ... Религии рационализируют ...

- Что вы всё о смерти да о смерти? Прочитайте лучше нам стихи! - с места поднялась пьяненькая уборщица кинозала. - Я вас любил, любовь ещё быть может... - тоненько завывала она всемирно известный романс

- Гражданка! - окрысился на неё Лектор, невольно выдав свою социальную принадлежность и происхождение. — Тема нашей лекции: “Мировые религии как орудие империализма “...

... Когда он вышел из прохладного помещения, то дождя уже не было, и на дворе вовсю светило солнце. Его тело обьяла влажная духота. По бокам земного пространства между домами бежала вода, она бежала дальше на Императорскую, где поток грязной напоминал уже целый ручей сбоку асфальтового полотна. Проезжавшие по Шереметьевской машины поднимали волны аналогичные прибою, а какой-то лихач извлек колесами целый фонтан брызг ... Женский визг засвидетельствовал, что струя грязной воды достигла цели ...

- Чтоб ты козёл сраный перевернулся! Чтоб ты разбился, скотина несчастная! - пообещала ему вдогонку женщина, чей нарядный костюм покрылся мокрыми и грязными пятнами ...

Змеиный Гад, ты будешь казнён на рассвете! 16-я глава

В трамвае, а может быть в автобусе, или даже троллейбусе они ехали:

- Ты знаешь - все эти надписи можно читать наоборот: с начала до конца – и получается преуморительно смешно – то есть я хотел сказать: с конца до начала ...—сказал он ей на ухо.

- Да, знаю – есть такая игра. Называется слово и выигрывает тот, кто быстрее всех без ошибок произнесёт его наоборот с конца до начала – ответила Вера.

- Ага, я это и имел в виду — она называется «Беседа»...

- Нет! Она называется «Балда», - поправила его спутница.

Он провожал её домой из Марьинского Мосторга ...

Да ...

Нет ...

- **Ыткудорп!** -звучно произнёс он. Стоявшие рядом пассажиры подозрительно покосились на него. Хотя в столице иностранная речь—это не такая уж большая редкость, но всё равно... Однако он не заметил их взглядов, потому что был всецело поглощён своей спутницей...

- Что? - не поняла Вера, изумлённо взглянув на кавалера.

- Да вот, продукты, говорю, - смущённо затараторил он.— Если наоборот, то буде **ыткудорп**...

- Продукты, говоришь...

Я имею в виду то, что ни один магазин кроме Продуктов в те годы не работал по воскресеньям в Москве! Как вы думаете почему? Улицы и переулки становились пустынными как... Как... Даже сравнения не подберу!

- Но больше всего мне нравятся такие магазины как **алимдюл** или **аналтевс**, - продолжал он, повинувшись грустному и отчасти сумеречному настроению.

- Это ты о чём?

- О магазинах женской одежды... **алимдюл**—это по-моему на Курском вокзале, а **аналтевс**—тоже где-то есть. Это же надо додуматься?! Назвать магазины женскими именами! Хотя если судить по произношению — **алимдюл** досталось нам в наследство от татаро-монгольского ига, а **аналтевс**—это что-то древнегреческое, вроде “**басилевс**” прикочевало с Византийской Империи: Москва— это Рим №13...

- А что тут плохого? Есть ещё **Ванда**...

- ..=..— - ..=..— - ..=..—

- **Ыткудорп**—это чукча, ехавший в Стокгольм автостопом, но очутившийся почему-то в Москве. В общем, шёл в комнату, попал в другую по закону подлости...

Нульф, - откуда же они возвращались?

Память отшибло!..

Чёрт, чуть про **Ядрянь** не забыл! Но вот вспомнил и упоминаю этот магазин уже несуществующей страны, стёртой с лица Балкан прогрессивными ковровыми бомбардировками по пути к миру, прогрессу и процветанию...

...Наши герои шли вдвоём под руку от центрального входа ВДНХа – сгущались августовские сумерки позднего лета, и темнота была уже вполне ощутимая для глаза. Порыжевшие уже с остатками зелени деревья небольшого скверика, вытянувшегося справа от их пути, практически сливались в одну тёмную массу...

Невдалеке - впереди по курсу шумел поток автомобилей — зажжённые уже фары и красные габаритные огни машин в наступающей полутьме чертили горизонтальными линиями проспект Мира от начала до конца...

Если кто знает – перед северным входом на ВДНХа есть типа большой-пребольшой

площади. Там трамвай, едущий вдоль восточного забора Выставки, делает полукруглый поворот как раз перед грандиозным монументом мужика и бабы, а ещё там подальше перекрёсток...

Несколько десятков шагов и над всем этим вдоль зажглась цепочка уличных фонарей, а там, где шли наши герои под руку вдвоём, была еще относительная тишина, оттеняемая гулом автомобильного движения по проспекту. И нашему герою показалось, что даже какое-то эхо от их одиноких шагов слышалось в какой-то момент то ли от ВГИКа, то ли от киностудии имени Горького. Не столько от его стоптанных сандалий, сколько от Вериных туфель на высоких каблуках. И было такое впечатление, что на всю эту пустынную площадь только одни они вдвоём. Наверное, так и было.

Мало-помалу впереди слева по мере их шагов надвигался грандиозный символ. Если не задирать голову, то в абсолютной близости были видны только сплошная каменная стена, на крыше которой только четверо с точки зрения рядового Человека—четверо чудовищно больших стоп: два ботинка и две туфли...

И вдруг ударил гром небесный – это было так удивительно, потому что на темнеющем небе не было ни тучки, ни даже облачка ... Ничего не предвещало ненастья. Ещё не темно, но уже и не светло, - в общем, настоящие августовские сумерки. Какой-то грохот пророкотал по небу и вокруг них...

Мы вздрогнули и остановились; рефлексивно задрали головы – глянули вверх: в бледно-фиолетовом небе прямо над нашими головами расцветали—один за одним— рассыпающиеся на глазах кучи разноцветных огоньков, а за ним – справа и слева ещё один звёздный шар и ещё один всплеск светящихся разноцветных точек и черточек, - они, осыпаясь, медленно таяли в тёмной синеве друг за другом. Всё это сопровождалось близким и в тоже время каким-то отдалённым грохотом артиллерийских орудий...

— Так это же салют! Ух ты как здорово!

- Никак сегодня какой-то военный праздник!

- Конечно! Сегодня же воскресенье...

- Красный день календаря! Война никак нас не оставит в покое, хм ...

- А какой праздник?

- Какой? Не знаю... Да и не хочу знать!

- Тогда это — наш праздник! Этодают салют в нашу честь... Нет и не может быть никакого праздника – это салют только для нас, только для нас двоих... Это же салют в нашу честь! – воскликнул он ликующим голосом. – Москва приветствует наш союз!

Вера ответила лёгким смешком на его взволнованный монолог, но ничего не сказала.

«Я точно помню, что мы шли от ВДНХа к проспекту Мира. Как мы там оказались?.. И почему такой длинный путь?...».

Но тут как бы в подтверждение его слов, в чью честь салют, – в воздухе запахло серой, пороховым дымом и гарью. Более того, - на их ничем не покрытые головы посыпались какие-то ошмётки, непрогоревшие до конца остатки от снарядов фейерверка. Как капли дождя они застучали по асфальту вокруг них. Вслед за ошмётками на наших героев накатил волна удушливого сернистого запаха, напомнившего ему запах после выстрелов из охотничьего ружья...

... Позже он узнал, что артиллерийские батареи, производящие праздничное зарево, видимое далеко в небе всей столицей, были расположены как раз где-то недалеко от ВДНХа, поэтому остатки от гильз или ещё что-такое осыпается на землю именно в его окрестностях...

Именно в тот момент, под расцветающим в небе фейерверком, ощущение свое на дивно ладно складывающейся жизни пронзило его насквозь и навсегда. Возникло какое-то совершенно непонятно откуда берущееся чувство, что у него впереди всё будет хорошо, и даже очень хорошо, и впереди у него будет пусть трудная, но большая жизнь, наполненная до

отказа значительными событиями; в следующий момент под очередной раскат фейерверчного грохота, нашему герою представилось, что грядущая жизнь расстилается перед ним, как долина, если посмотреть на неё с горы. Сейчас они спустятся вниз и пойдут, пойдут по жизни рука об руку, поплывут как по течению реки ...

Как ни сложится его судьба в дальнейшем, но эти мгновения—под руку, под салютом, осыпаемые остатками фейерверка, они не просто навсегда останутся, они появились так неожиданно, их уже не вычеркнешь из памяти, и именно под неслышимый, но временами возникающий в душе фейерверк и запах серы будет продолжаться вся его жизнь —воспоминанием.

- ..=.-.- — - ..=.-.- — \-

Но любовались, задрвав головы, они недолго: что-то непонятное снова мягко зашипело и зашлепало по асфальту со всех сторон. В воздухе всё отчетливее усиливался запах серы и других пороховых газов. Уже после третьего залпа площадь и всё окружающее пространство окутывалось легким сизым дымом, густевшим на глазах.

Эта гарь и этот дым, стеснившие дыхание, не дали им возможности остановиться и до конца полюбоваться фейерверком, который столица давала в их честь. Они стали задыхаться, она крепче сжала его локоть, и они не сговариваясь побежали стремясь как можно быстрее выйти из зоны обстрела, спасаясь от неожиданного праздничного дождя в кавычках, ну совсем как дети, бегущие от грозы ...

К перекрёстку!

Когда они добежали до проспекта Мира, салют затих так же внезапно, как и начался. Над площадью вокруг этого великолепного советского секс-символа Молота и Серпа, Смычки Болта и Мохнатки ещё оставалась синеватая дымовая завеса... Но пороховой туман всё больше и больше сливался с крепчающими сумерками, он был почти невиден, да и запах уже слабел на глазах... А они уже добежали со всех ног к перекрёстку, проскочили зебру, и очутились на автобусной остановке.

Вторично нашего героя посетило неизгладимое ощущение, что всё складывалось как по маслу, само собой. Даже вот таким странным образом приветствовала столица их крепнувший союз. Но – запах, но – запах ...

Только они успокоились, но ещё не отдышались, как вдруг в небе снова засверкали фейерверки, и грохот орудий пошёл по второму кругу, и надо, наверное, было задержаться и задравши глаза на Небеса Своего Салюта, однако тут, как по закону подлости, подошёл усталый жёлтый автобус, и наши герои с трудом протиснулись в него—как и сейчас, так и всегда автобусы ходили редко. ...

Салют для двоих – но эти двое практически не смогли полюбоваться спокойно и комфортно тем, что им, казалось, было предназначено судьбой: сначала – из-за гари и дыма, потом – автобус подошёл...

Если бы автобус не подошёл, они могли бы подольше посмотреть на Свой Салют; наш герой понял это, но не стал медлить и орать:

- Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!

Не стал этого делать по той простой причине, что уезжая с места события, ему подумалось в тот момент, что в их совместной жизни будет ещё много этих салютов... И они ещё не раз смогут полюбоваться ими...

И он как всегда, оказался - неправ: салют этот так и остался на самом деле единственный, первый и последний в их жизни.

Был ли в этом намёк, что жизнь в действительности - коротка?!

“Какая великолепная сцена: влюблённая парочка, бегущая от салюта – ну прямо дети, бегущие от грозы... Запомнить бы её хорошенько, все ощущения – чтобы потом описать” - подумал наш герой, уже в автобусе, набирающем скорость.

Запомнить-то он запомнил, вот только описать не смог! Не оказалось у него такого

замысла, куда бы мог он вставить жениха и невеста, бегущих от салюта, данного в - "их честь"...

На следующий день, вспоминая и пережёвывая события вчерашнего вечера, он сообразил, вот что там произошло на самом деле - именно под салютом они инстинктивно впервые взяли друг друга под руку и бежали неким единым слитным существом, и если было бы возможно посмотреть на них со стороны, то эта четырёхногая «каракатица» наверняка была преуморительно неуклюжей и смешной ...

X X X

ВЕЧНЫЙ же ЗОВ 08.10.2015 ПЕРЕЗАПИСЬ ОТ 11.03.1990 (1987) Копия Большой Сестре.

Почему неотправленные письма? Хороший вопрос. А стоит ли отправлять? Ну пошлю я их своему другу – при одной этой мысли у меня на душе становится плохо – начинают скрестить кошки на душе. И не просто милые прелестные фарфоровые кошечки, на которых так комфортно тренироваться – а настоящие усатые мартовские тигры – облезлые, грязные, полу-обезумевшие на крыше и в подвалах от "вечного зова" – есть такое произведение у одного из множества лауреатов Сталинской, Ленинской, Государственной премий СССР...

И теперь в задачке про перестройку спрашивается: кто даст гарантию, что вместо милого друга не –

- Тук-тук! Вам повестка, Виктор Миронович!

... и розовощёкий высоченный откормленный молодой страж порядка в штатском, но с демократизатором на поясе начнёт участливо расспрашивать меня: как это ко мне пришли такие мысли? С кем я ещё связан? Что говорят те, с которыми связан ...

Страх!

Он самый, батюшка. Не Госстрах СССР, но просто обыкновенный человеческий страх. Хотя с другой стороны, наверное, тоже государственный ... Просто страшно. Хотя и стыдно мужику в этом признаваться... Особенно в период всенародно объявленной государственной гласности!

Странный народ мы, всё-таки. На Народной войне за Родину, за Сталина, за Царя-батюшку умереть не боимся, грудью ложимся на амбразуру, бросаем самолёт на последний в своей жизни таран, в тылу врага развернём партизанскую войну – в общем, полнейшее бесстрашие. А вот свободно мыслить – страшно. Страшно показать просто свой здравый смысл свой среди истерического перестроечного психоза...

Сказать то, что думаешь, - страшно аж жуть. Не говоря уже о том, чтобы – написать то, что было в жизни на самом деле...

Страшно просто подумать, товарищ майор, к чему этот страх приведёт...

X X X

Страх Божий должно быть в душе каждой обезьяны; когда же он уменьшается, и голос совести становится почти неслышен, а то и совсем исчезает — тогда стадо заменяет его другим страхом, например, страхом ГУЛАГа или ещё каким другим...

Одной из проблем было то, что встречи с Чёрной Женщиной осуществлялись, во-первых, как бы на ходу, в движении во-вторых, в то время когда он был вместе с Верой...

Безусловно, если бы ЭТО появилось перед ним в то время, как он был один, например, выходил с квартиры Старшего Брата или, наоборот, возвращался на неё – то безусловно он бы предпринял ряд энергичных действий, чтобы выяснить её настоящую природу; остановился и поговорил с ней попроще и – узнал бы побольше ...

Чувства нашего героя двоились. Проходил час-другой и его психостояние качнулось в другую сторону—пришло соображение: впрочем, не факт: он весь был поглощён своей новой знакомой, и как-то инстинктивно отстранял от себя эту Чёрную Женщину ... Она могла бы понадобиться потом ...

Да он мог просто застрашиться!

И в этом смысле она здорово помешала бы ему...

А так как это всё складывалось в минувшие дни, то разобраться с Чёрной — мешало постоянное присутствие Веры рядом... Как специально, как назло...

В ходе его размышлений его заинтересовал другой вопрос. Интересно, как наркоманы отделяют свои галлюцинации от реальности? Если писатели не всегда могли - "Ты знаешь, какую штуку сыграла моя Татьяна? Она выскочила замуж за генерала!" – сказал как-то гениальный арап своему знакомому, и тот был очень удивлён, когда понял, что речь идёт не о живом человеке, а о вымышленном образе .. – то, что говорить о наркозависимых?...

- Какую Татьяну вы имеете в виду? Их много было в моей жизни...

Х Х Х

Это были две увесистых пачки в обёртке. В людской толчее, с ними было бы не ай-яй-яй! Но он уже немножко изучил столицу и выбрал оптимальный географический маршрут: на электричку в первый вагон (турникетов тогда не было вообще!)

, а там с железнодорожной платформы пешком безо всяких там метро и автобусов. Путь действительно оказался достаточно лёгким и отчасти свободным, он не шёл, а пролетел как на крыльях мимо санатория, в котором работала Вера: по пути этому он представлял, как она обрадуется.

И вот он уже звонит в уже знакомую дверь. "-Это две накидки на твои кресла и покрывало на твой диван, что в большой комнате — диван. Помнишь, мы с тобой их видели в Универмаге Деревенском. Они тебе понравились, но ты сказала, что они слишком дорогие. Так вот - я ж завтра уежжаю. И мне кажется, что ... Ну вобщем, возьми—это как подарок от чистого сердца ..." - он всё=всё объяснит ей...Обдумывая эти свои слова наш герой как-то не очень волновался; гораздо больше он переживал, когда ехал за ними в Деревенский — боялся, что их уже купили. Но видимо, действительно, цена даже по тем временам была дорогущая. И ещё—этот ядовито-красный цвет, словно сошедший со Знамени Победы...

Вера, наверняка, попеняет ему на трату, но, конечно же, — возьмёт —не выбрасывать же такое добро?! Но вполне возможно, Веры не будет дома, тогда он оставит подарок её матери... До востребования...

...Вера открыла ему. Он весьма довольный сам собой втащил объемистые пачки в прихожую и с весьма радостным вздохом, освободившись от нагрузки, бросил к её ногам. Он в полной мере почувствовал себя героем.

- Это ещё что такое? - изумилась Вера, отступив на шаг назад.

Он хотел сказать: "Ну какая разница, мать, между розами и этими тряпками? Всё подарок! Но розы ты бы взяла, не так ли? В конце концов—номинально! — мы с тобой жених и невеста. И заметь! - розы — они через неделю завянут, а диванный комплект будет долгие годы напоминать тебе обо мне, таком странном молодом человек среднего возраста — 32 лет от роду, в очках, сорвавшегося на недельку с провинции - как бы дальше всё не происходило в нашей жизни, и даже если наши жизненные пути разойдутся...". Застенчивом и молчаливом.

Но вместо этого многословия, столь типичного для него на бумаге, он пихнул ногой сначала один баул:

- Здесь покрывало, - сообщил он.

- А здесь, - пнул носком туфли второй тук, в результате чего на обложке отпечатался грязный след, - накидки для кресел.

Вера покраснела от кончика носа до самых серёжек, и даже макияж не смог скрыть этого странного небесного знамения; она занервничала. Впервые он увидел её такой сердитой. Глаза сверкнули как у дикой кошки. Она пожалала плечами, сложила крест-накрест руки на груди.

- И к мебели мне кажется подходит! - привёл он как ему показалось самый решающий и сногшибательный аргумент.—Тютелька в тютельку!

Вера на ногах устояла и волновалась недолго.

- Я такого подарка от чужих людей не возьму! - твёрдо металлическим тоном сказала она, вернувшись в своё привычное состояние. Впрочем, льда никогда не было в её голосе, но металла предостаточно.

Он в недоумении посмотрел на неё. Вот как?! Этого он не ожидал совершенно и растерялся... Слов у него не стало никаких. Полная пустота в голове.

- А чего я с ними тогда делать буду? - наконец, он выдал из себя.

- Ну чего хочешь, того и делай!

По идее надо было упрашивать, может встать на колени, но — у него как-то не лежала душа к столь патетическим жестам, вполне уместным на сцене или в кинотеатре, но здесь было другое – это ведь жизнь была! В жизни-то чего выпендриваться? Тем более, не лежала душа к такого рода телодвижениям. Воцарилось молчание.

Грустное молчание затягивалось

- Ну ладно.— сказал, наконец, он.— Тогда я поехал...

- Ты когда уезжаешь? - она знала, что он уже взял билет обратно домой. Чего спрашивать? Он уже десять раз называл время своего отъезда...

- Завтра, в десять — с Курского, - промямлил он...

Он повернулся, но она решительно и крепко схватила его за короткий рукав шведки.

- Забери ЭТО! - властно сказала она.

Он замер. Призадумался.

- Забери! - властно и жёстко повторила Вера.

- ...— - ...— \=

Он подумал, что она захочет его проводить. Но прозвучало совершенно другое.

- Ты будешь писать мне письма? - неожиданно для него спросила Вера чётко и требовательно.

- Письма? - он и об этом и не задумывался. Вопрос поставил его в тупик. В конце концов есть телефон:

- **Если она, сука, не берёт твой подарок, - прохрипел внутренний голос, - то почему ты должен париться с письмами к ней?**

«Я тебе объясню, - ответил он хрипавшему, - это, но немножко попозже! Наверное, во второй части этой горестной Повести». Ответил он ему чужими словами.

Пауза затягивалась.

- Наверное, буду... - раздумчиво сказал он и вздохнул.

- Я люблю читать письма, очень люблю. Обязательно напиши мне, хорошо? Сразу как приедешь—обещай!

- Хорошо! - неожиданно для себя легко согласился он, хотя роман по переписке им не планировался.

- Я буду ждать!..

... Спускаясь по лестнице, он и не подозревал, какими тяжёлыми оказались эти тюки на самом деле; спускаясь по лестнице он удивлялся, как легко он тащил их сюда буквально полчаса назад, и как тяжело — обратно.

Х Х Х

- Не хочет, значит? Кгм —хм, - откашлялся Старший Брат.—Харчами значит перебирает?... А со свадьбой как?

Он пожал плечами: Никак!

- Она просто будет шлёркать с этим удостоверением ВЕЧНОСТИ... Скорее всего, ничего не будет.

Старший Брат ещё раз посмотрел на объёмные тюки:

- И сколько это барахло стоит?

- 350!

- Обалдеть! Дайте две!

- А там две и есть — две накидки и покрывало. Или наоборот... - он уже не помнил, где что лежит.

- Ты не понял — это я так образно ... Что-то очень дороговато будет. Чушь какая-то. Что же это за драп-дерюга такая?! Золотом что ли переплетённая...

- Это эксклюзивный товар! - пояснила Фотинья.— Я тоже их видела: они сделаны в единственной экземпляре. Изделие народных промыслов СССР.

- Хм, изделие?! Резиновое изделие... - продолжил Старший Брат с гнусным смешком.— Ну и что ты с этим изделием номер семь собираешься делать?

- Да что хочешь! Я хотел на мусорку бросить, чтобы не таскаться - здесь Старший Брат вздрогнул, как будто не словом, а плетью перекрестили, - потом подумал: может вам пригодится... Чего добро на мусорку, правда?

Старший Брат переглянулся со своей женой.

- Ты когда ещё приедешь к нам?

- Не знаю, - ответил он.— Может быть летом, в следующем году.

- Приезжай на Новый Год! = пригласила Фотинья.— У нас здесь будет весело. Сходим в Большой Театр. На каток. Ты на коньках кататься умеешь

- Как раз к тому времени тебе ещё одну невесту найдём, - расщедрился Старший Брат.—Но всё равно ничего не понимаю. Мне сейчас понятно только одно, что ничего непонятно, - подвёл он промежуточные итоги.

Х Х Х

Третий вариант, что всё-таки это галлюцинация – а это значит, что его дела очень и очень плохи. До сих пор он галлюцинаций не видел. Особенно таких ярких и чёрных. Их появление могло свидетельствовать об усилении и прогрессирование некоего психического заболевания ... Какого именно понять было невозможно? Тем боле такая живая и пластиче-ская. В пользу этого свидетельствовало то, что – хотя он их помнил весьма смутно – облик первой Чёрной Женщины, появившейся в первый день поездок по магазинам, не соответствовал той, которая возникла при их попытке подать заявление в ЗАГС. Единственным что их объединяло – это была их чёрная одежда. А если это разные люди – тогда как? Не есть ли это настоятельная необходимость по возвращении в родной город сходить на консультацию к психиатру?... И сразу же после этой мысли он понял, что именно в родном городе ни к какому психиатру он не пойдёт ... Можно ли вообще в Москве попасть на консультацию инкогнито? Он решил прозондировать эту почву у Старшего Брата при первом удобном случае, предупредив его, чтобы он скрывал сию страшную тайну самым строжайшим образом.

Если наука развивается и видоизменяется буквально с каждым десятилетием, то астрология и прочие шаманские чудеса и прелести застыли на той же точке отсчёта, что они были и в 16-м веке. Ничего нового в них не появилось со времён Аристарха Самосского, разгадывавшего сны путём броска жребием...

Четвёртая гипотеза: это появление этого смутного образа – свидетельство конфликта между его подсознанием и сознанием. Подсознание его предчувствует какую-то беду, несчастье, настроено пессимистически, и не имея возможности прорваться в сознание прибегает к созданию вот таких вот символов... Это была самая слабая и в то же время самая привлекательная его теория. Самая слабая – потому что оставался неотвеченным один вопрос:

почему подсознание решилось действовать не через сон, а через – галлюцинацию ...

После того, как он познакомился с Верой он постоянно пребывал в каком-то супернапряжённом состоянии: с одной стороны, он уверял себя, что в случае провала он абсолютно ничего не потеряет, с другой стороны...

С другой стороны, удивительно, что здесь за эти несколько дней как по мановению волшебной палочки всё складывалось само собой и не было никакого желания ломать чудесное стечение обстоятельств. Более того, чем больше он знакомился с Верой, такая привычная попервах мысль: плюнуть и уехать – она уже не возникала совсем.

Нашему герою очень многое нравилось в ней; с каждым днём знакомства он всё больше и больше чувствовал, что не на шутку привязывается к ней...

Кто-то или что-то внедрило в его сознание мысль: как бы не закончилось с Верой, он ничего не теряет, а только приобретает. Возникла большая благодарность...

Оборотной стороной была ещё усталость, и вот эта твёрдость сливающихся буквально склеивающихся друг с другом обстоятельств, - она как-то давила его посредством усталости ... Сила, которая сталкивала, соединяла их вместе была беспощадной ... Абсолютно безжалостной!

Многие люди оглядываются в своё лично прожитое прошлое, иногда гордясь своими поступками и принятыми решениями, но чаще – проклиная себя, называя себя любимых дураками и дурами – за то, что не сумели, прошляпили, и прочь.

Прочь!

Жизнь могла сложиться совсем по-другому...

Нет, не так! А вот так:

Разве жизнь его могла сложиться совсем по-другому?

Вполне возможно, что это не была любовь, это не была даже страсть, это было чувство, которое гораздо сильнее всех любвей со страстями вместе взятых. Любовь, она имеет гнусную и грустную привычку проходить, проклятая. А страсть кончается либо ничего, либо преступлением...

Х Х Х

Он посидел со Старшим Братом на кухне — как бы на расставание прощально: завтра тот пойдет рано утром на дежурство в свою Академию Войск Железа и Бетона, а он еще будет спать, но—недолго: с лёгкой сумочкой наперевес через час побежит... Брат был в ударе:

- ... слышь, братан, я немного подзабыл, кто у нас из царей на Советской Руси был: Владимир Мудрый, Йосип Грозный, Никита Чудотворец, Леонид Миротворец, Юрий Очкарик, ...

- Нет, Леонид Летописец, а не мифотворец...

- Ах да, я и забыл - он же писака! Значит Леонид Летописец, Юрий Очкастый, Михаил Меченый, Борис Пьяный и ... И кто ещё?

- Начинай опять сначала: Константин Ушастый - пропустил

- Были? Словно не были!

- Да от них мало что зависело ... Кстати, Ушастый - это хохол?

- Фамилия кончается на -ко, похоже что да, южнославянской крови ...

- Да, братан, кстати ты знаешь, кто такой таракан?

- Таракан - это насекомое: из отряда диктиоптера, парнокрылых насекомых с неполным превращением...

- Ну ты - ботаник! - восхитился Старший Брат. - Но ты неправ, Борис! Таракан - это крокодил...

- Ну да? - не поверил он. - Крокодил - это из лягушачьей породы, земноводное, амфибия ...

- Ты не дослушал! И вообще что за дурацкая мода такая - перебивать старших? Маль-

чишка с грязной попкой! Щас в угол поставлю! Так вот - таракан - это крокодил, переживший Продовольственную программу! Секи!

Старший Брат хохотнул.

- Ну да! Тараканы - они, живучие твари ...! - поддакнул он своему родичу. — Если они динозавров пережили, то им и коммунизм ни по чём ...

- Коммунизм, говоришь?!

Старший Брат помолчал и продолжил:

- Гостиницы с клопами, разбитые дороги, - запел родственник на мотив всемирно известной космической песни, - Всё это нам, товарищ, надо пережить!

- И пусть в газетах пишут, что мы живём как боги ... Ты знаешь, чья это песня?

- Нет!

- Наливай!...

Старший Брат замолчал. Старший Брат взял младшего брата за загривок, и притянул его голову к своему лицу, так что они стукнулись очки в очки:

- Ух! - выдохнул Старший Брат. — Как я тебя ненавижу!..

Х Х Х

Он долго не мог заснуть, ворочался; мешало, наверное, радостное и приподнятое настроение, потому что завтра он, наконец, поедет домой, и лёгкая улыбка счастья, то появлялась, то снова исчезала с его лица... Но забытье медленно овладевало им, и ему начал сниться сон...

... ему часто снились странные сны. И сейчас ему приснилось, что он=солженицын и выходит из вагона поезда Владивосток - Москва в какой-то забытой богом деревне. Дежурная по вокзалу залихватски свистит в милицейский свисток, и на её нетерпеливый зов из пристанционного буфета выходят недовольные, недопившие и недоевшие односельчане ...они собираются хмурой кучкой вокруг меня, что-то спрашивают, и я как самый настоящий Солженицын изо всех сил начинаю их учить, как надо жить не по лжи...

Среди них я замечаю какого-то странного лысого карлика, лицо которого – изнеможённое и абсолютно невыразительное - кажется мне знакомым... Но только, где я его видел, я никак не могу припомнить, хотя точно помню, что я его видел 4 раза, и один раз так близко, что если бы плюнул, то непременно попал бы в него ... По железнодорожному перрону катится подгоняемая ветерком осенняя листва: желтая, палевая, багряная... В бессолнечном небе тянет с севера на юг клин журавлей... В толпе возникает фигура еще одного карлика – коренастого, с лицом идиота, на котором большие выразительные глаза... Я поднимаю руку, призывая к тишине и как настоящий Солженицын говорю в толпу недовольных людей:

- А теперь послушайте правду! Я сейчас научу вас, как обустроить бранные останки СССР!...—расправляя усы, поглаживая окладистую бородку и трогая указательным перстом бакенбарды.

«Вы – долгожданная совесть наша ...Пейсатель вы наш!» - сюсюкая и улыбаясь, произносит дежурная по вокзалу в мой адрес. Неожиданный порыв ветра сносит с её причёски форменную фуражку, которая катится по шершавой поверхности перрона и закатывается под вагон...

"Жить надо не по лжи, а по понятиям!" - слышит он шепоток в толпе; это карлики со вещаются между собой ... Кто они такие?

И тут он (или Солженицын!) хочет сказать ещё что-то очень важное, судьбоносное, но-белевски-премиальное, но от натуги – просыпается...

... кошмар какой-то!... настоящий бред!... Какие злобные дебилы...

После этого не ахти приятного сна он долго не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок, в последний может быть раз слушал яростную музыку Большого Города: шум машин, подъезжающих с продуктами к магазину, расположенному на первом этаже, брань экспедиторов и

перебранку приёмосдатчиков с товароведками, разухабистые крики и удалые песни пьяной компашки, расположившейся во дворе детского садика - в советское время, по-видимому, детские дошкольные учреждения не охранялись ...

Это был его последний сон в Москве, столице нашей Родины.

Завтра он уже уехал домой, где его поджидает ...

- Это я пошутил, товарищ майор, - подняв угол скатерти покрывавшей ресторанный столик, сообщил дрожащим шёпотком Старший Брат. Место действия – гостинца "Вселенная".

- Ты очень неудачно пошутил! - ответил ему откуда-то издалека механический и металлический как из бочки гулкий Голос из Ничто.

(Примечание автора: "Голос из Ничто" – название одного из рассказов Юрия Мамлеева)

Первым делом — САМОЛЁТЫ... Семнадцатая

Потребовалось совсем немного времени и пространства, - РАССТОЯНИЕ от квартиры Старшего Брата до вокзала? - оно не такое уже большое, а скорее - КРАЙНЕ МАЛЕНЬКОЕ - чтобы наш герой осознал эпохальность перемен, произошедших с ним за минувших неделю с небольшим.

Всего лишь!

Нет, нет, внешне он остался тем же самым человеком ... Но дух, с которым он возвращался, был уже совсем другим. Он понял, что он уже не сможет шкарять свои тексты как раньше; творить он уже будет совсем по-другому... И дальше: и к людям он будет относиться иначе... Почему? Потому что в его жизнь вошла она—Вера. Вошла нежданно-неждано...

Когда он ехал в гости к Большому Брату, у него и в догадке — не говоря уже планах, написанных по пунктам: первое, второе, третье ...— не было о том, что с ним может произойти то, что произошло в эти две недели ...

В его планах не было столь долго задерживаться в Москве, потому, чтобы, - предполагалось, - не грузить и не обременять Старшего Брата и управиться за считанные дни, хотя денег он прихватил побольше, но это как всегда – на всякий пожарный случай; как говорится, чем чёрт не шутит, когда Бог спит—а вдруг его машинописью кто-то заинтересуется, и тогда уже точно нашему герою придётся задержаться. А может быть и сводить этого “Кто-то” в ресторанчик...

И чего уж точно не было в его планах, так это никаких матримониальных знакомств; было намерение пообщаться с литературной шпаной, хотя бы с поэтическими швейцарами и прозаическими поварами в вестибюле одного или другого графского особняка на Большой Поварской и Малой Кухонной улицах, но неожиданное знакомство оставило эти планы на бумаге...

Вместо беготни по разноредациям и знакомством со столичной шатией-братией при Союзе Подлецов СССР (СП СССР), он занимался поездками по универсамам, а в салоне для новобранцев бывал почти что каждый день последние три дня.

Повторив судьбу Программы КПСС, его личная Программа осталась на бумаге. Но наш герой как-то не жалел об этом. Может быть впервые в жизни не жалел, что не смог претворить свои планы, написанные перед поездкой в Москву, в жизнь. Потому что в неё вошло нечто другое, гораздо большее... Такой неожиданный подарок судьбы нарисовался.

Может быть поэтому на душе царил маленький праздник, но сам день отъезда выдался пасмурным. На вокзале царила обычная для такого рода присутственных мест толкучка чемоданов, зарёванных детишек, сумок на колёсиках и без, различного рода баулов, рюкзаков – вплоть до мешков. Два потока: с одной стороны, прибывающих, с другой стороны, убывающих шли навстречу друг другу... Островками неподвижности между ними были встречавшие с цветами...

Но надо же такому случиться! Теперь вот так— на этом Курском вокзале наш герой внезапно почувствовал, что он побеждает, что жизнь его, где бы она ни продолжалась в РайЦентре или в столице южной складывается благополучно для него, и грозит каким-то непонятными, но всё равно УСПЕХАМИ ... и будет складываться удачно.

Ну Просто ФАНТАСТИКА!

И он ничего с этим своим успехом поделаться не может. Уже не первый раз он с некоторой тревогой отмечал, что как-то уж очень удачно у него начинает всё складываться по жизни. Но с самого Курского вокзала он был во власти каких-то новых и необычайных мыслей. И получалось, что более того—с этим своим успехом поделаться не хочет. Ничего. Как будет, так и будет.

Гомон обезьяньей стаи собравшейся к переездам и перелётам был настолько велик,

что порой его не мог даже перекричать электрически усиленный, металлический звук громкоговорителей...

Заканчивалась макушка лета, самый пик отпусков, тех кто стремился урвать луч солнца и брызгу моря хоть напоследок ... Только успевай уворачиваться, а то затолкают до скорой помощи!

Под звуки ну очень страстной песни, льющихся из вокзальных динамиков над застывшими составами

– Луна! Луна! Цветы! Цветы!

- он дождался появления на табло строки с номером пути своего поезда (а были ли тогда электрические табло, - вот в чём вопрос? Скорее всего не было и приходилось томительно и утомительно вслушиваться в дребезжащий и временами совершенно непонятный металлический и механический звук громкоговорителя, который объявлял номера платформы и пути отправления поезда...)

, и вышел по подземному переходу на платформу. Ещё немного и он уже был перед тамбуром вагона. А пройдя проверку проводницы, можно было расслабиться и подвести предварительные итоги. Но голова подвела; мозги не работали; захотелось спать... Но радостно чувствовал: то напряжение—и мышечное, и душевное, которое держало его за шкуру все дни и ночи после знакомства с Верой, начало его отпускать на волю...

– Луна! Луна! Цветы! Цветы! - по второму кругу пошло в полдень перестроечное вокзальное радио

Одним из первых он проскочил в свой вагон. Приготовив наизготовку паспорт с билетом внутри страничек, он уселся на боковое сидение; верхняя полка была как всегда всецело его.. Несмотря на длительно проспавшую ночь, но час ожидания—а наш герой как всегда подъехал заранее! - сделал из него выжатый лимон; он почувствовал себя безмерно уставшим и как всегда... Как всегда... Странная смесь эйфории переходящей в усталость...

- Луна! Луна! Цветы! Цветы! - ликованием перестроечной песни гремела над Курским вокзалом его неожиданная удача: случайная встреча оказалась неслучайной... Всё сладилось как-то на диво быстро и скоро...

«Как мало прожито, как много пережито!» - по своему обыкновению пафосно и цитатно подумал он, вглядываясь в мутное вагонное окно на мимо бегущих, орущих, машущих руками пассажиров; все какие-то напряжённые, злые, дёрганные.

А где же Чёрная Женщина? Что мешает ей явиться и поблагодарить его за то, что он внял, наконец, её совету и уезжает из столицы?

Надо сказать, что наш герой по-прежнему не верил в то, что он поимеет семью, да ещё в Москве: с точки зрения внешней – это был бы колоссальный и ошеломляющий жизненный успех, с другой стороны, уже в то время всякие успехи его внутренне настораживали:

, во-первых, он уже понимал, что за всё в жизни надо платить; и чем больше требуешь, тем больше цена

, во-вторых, чужая страна, чужие люди, совершенно незнакомая обстановка, - и может быть новые неизвестные правила игры, не зная которых он обречён на проигрыш. На выигрыш он не рассчитывал вообще.

Иногда всё это пугало до жути – но только моментами. Испуг проходил, так и не переходя в панику...

Конечно, есть запасной аэродром. Вот как сейчас. И если что не получится, то он с лихвой покатится по Малой Спасской до Дерибасской и Ришельё... Ё-моё... Но покатится уже не просто так, а с вполне определённым жизненным опытом...

Да, в момент отъезда настроение было очень переменчивое, сумбурное, и уже в следующий момент наш герой всё же поддался песенному настроению, и странная эйфория овладела им, вытеснив настороженность и пугливость...

В глубине души неизвестно откуда - (sic!) - вдруг поселилась равнодушная уверен-

ность – всё будет хорошо! Всё будет очень хорошо! Он узнал вкус и запах победы. Победы не прикладывая к этому никаких усилий.

Вкус и запах победы!

Вкус был один из горьких и запах — отвратительный: в вагоне пахло кислятиной, по мере появления всё новых и новых пассажиров этот аромат усиливался.

В жизни побеждает сильнейший!

Наш герой не был сильнейшим; он был одним из многих, слабых... Парадоксальная смесь усталости с эйфорией...

Наш герой не был сильнейшим, более того – он был труслив, он был паникёром, он прятал свои глазки в землю, боясь о том, что через них окружающие догадаются о наличии в нем постороннего гнусного внутреннего голоса...

Как только проводница принесла постельное бельё и забрала билет, он сразу же полез на свою верхнюю полку в купе рядом с туалетом, и с большим-пребольшим удовольствием растянулся от одного края узкой полки до другого. Было пол-одиннадцатого утра, поезд очень медленно выезжал из столицы, но в голове всё плыло и кружило, - теперь наш герой точно знала: очередной вояж в столицу закончился очень благополучно, то есть втягиванием в какую-то не очень понятную авантюру. Впрочем, могло быть хуже...

Руки за спину! Интересно, как сильно клацают наручники, когда их защёлкивают на запястьях?!

Нет, шалишь, хрипатый...

СУДЬБА ДУМАЕТ ОБО МНЕ; ОНА ОБО МНЕ ЗАБОТИТСЯ.

- и он неожиданно снова крепко заснул на этой благостной мысли, несмотря на то, что проспал всю ночь на квартире у Старшего Брата; так вымотала эта неделя постоянного общения с Верой.

Х Х Х

Он проснулся посреди ночи совсем повзрослевшим человеком: вагон дружно храпел в полутьме под стук колёс и мерное раскачивание. Был ещё какой-то скрип ... качался не только вагон, но и весь тусклый электрический свет матовых плафонов по проходу; его лучи то выхватывали какие серые с чёрными пятнами простыни, чьи-то ноги, бугры тела под покрывалами, то покрывал их тьмой... Сознание как-то медленными шажками и постепенно возвращалось к нему.

Сколько же я проспал? - удивился он. — Чёрт побери!

Он вспомнил, как он был в Москве и что сейчас возвращается домой. Он вспомнил Веру, её последние слова... Нуда, непонятно насколько девушка вписалась в его жизнь, но то, что в творчество—правда, ещё совсем неясно в каком амплуа, - но ясно, что уже—на-всегда...

Как же это надо устать за неделю, чтобы вот так проспать - сначала ночь на квартире у Старшего Брата, а затем проспать целый день в поезде... Действительно, на этот раз Столица далась ему нелегко. Поташнивало. Ведь он не ел целый день. Хотелось пить.

Он облизал пересохшие губы и вспомнил окончательно Веру, и тут какая-то странная и совершенно необъяснимая тоска сжала его сердце. Повторяю, не знаю отчего, но с самого Курского вокзала он почувствовал, что он во власти новых каких-то мыслей. Того эйфорического настроения, что было при отъезде, не было и в помине.

Но в этот ночной момент нашему герою стало не просто грустно, а очень грустно ... Кошки заскребли в душе, и она скукожилась. Он глубоко и часто задышал, но тоска не отступала, давила и давила грудь. Он оглянулся вокруг — не грозит ли ему какая-то опасность? Но всё вокруг было на удивление спокойно и безлюдно... Он подождал.

Все дрыхли как убитые! Но один (или одна?) был убит больше чем другие, и своим рыком временами напоминал льва, обожравшегося люминала...

Приступ тоски так плавно и незаметно усиливался. Может быть, такая тоска овладе-

ла им, потому что вдруг почувствовал, что расставшись с Верой, он потерял что-то очень важное? И больше никогда его не найдёт? "Дороги разные нам суждены..."? Да разве это страшно?! Тогда что же ещё?...

Но наш герой был ещё очень молод и попытался по-своему справиться с этим тяжёлым чувством: он спустил ноги с верхней полки, спрыгнул аккуратно держась за противоположную полку на пол вагона, отыскал свои сандалеты и, слегка клацая зубами от беспричинно накатывавшего страха, побрел в туалет, благо что этот отсек был рядом. И действительно, это физиологическое движение позволило хоть немного, но как-то отстраниться от овладевшего душою наваждения. Окно в отсеке напротив туалетной двери было опущено вниз до конца и на него вовсю подул свежий ночной воздух... Туалетные запахи, шибанув в нос, заставили автоматически скорчить гримасу ...

- ...но ты же можешь всю жизнь ей писать письма? Точно так же как ты пишешь их Большому Брату... Писать и складывать в стопочку, ты же = писатель— пришёл ему на помощь еле слышно тихий внутренний голос, ну очень мелодичный, когда он повернул ручку щеколды, закрываясь в туалете изнутри, - отправлять их совершенно не обязательно .. Писать и складывать стопочку. А там не загадывая, если политическая ситуация изменится, ту стопочку опубликуешь. Это будет принципиально новая форма: роман о любви в неотправленных письмах или «Письма из Ниоткуда в Никуда». И ни слова про эту грёбанную политику!

Но были живы ещё отец и мать, и он в любой момент мог откатиться на этот запасной аэродром, даже пусть обстоятельства в столице сложатся очень и очень печально, и у него с Верой ничего не получится. Даже если ничего не получится... Ещё далеко не вечер.

После этой казалось бы немудрёной мыслишки та чёрная дыра отчаяния и безнадёжности, которая его так стремительно засасывала всего несколько минут назад, немного посерела и съёжилась, и выплюнула его обратно; он почувствовал подступающую к горлу надежду, что паника точно так же неожиданно начавшись, точно так же неожиданно покидает его душонку завязтого паникёра ...

А после того когда он вышел из туалета, то он уже не понимал, что за странный приступ тоски произошёл с ним.... И откуда он взялся? Он начал потихоньку забывать о нём сосредотачиваясь на делах предстоящих...

.. Но тут неожиданно взявшись откуда, - промелькнуло желание вернуться, отыскать потерянное и забрать с собой. Он что-то оставил на квартире у Старшего Брата? Наш герой стал внимательно вспоминать, все ли вещи он упаковал в свою необъемистую сумку... Он вспомнил о своём неудавшемся подарке для так неожиданно для него нарисовавшейся невесты...

...- От чужих людей я деньги не возьму! - прозвучал в голове леденящий жилы Верин голос.

...Вспомнился подслушанный не далее как вчера разговор на кухне у Старшего Брата:

- А почему он не хочет забрать это домой?

"Он— Это я, - догадался наш герой, - а это— это покрывало и накидки на два кресла". А ещё он отчётливо представил как Старший Брат пожал плечами. Хотя было ли это на самом деле или нет, он не знал. Ведь это походило также и на сон.

- Спроси у него сама? - донеслось до его ушей...

... Было ли это на самом деле, или только приснилось ему?

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН...

И снова в его душе зазвучала мелодия, сотканная из обрывков слов, смутных и расплывчатых картинок, мыслеобразов, разумных ощущений и т.п.

X X X

- В неотправленных письмах ты можешь гораздо искреннее и правдивее написать

то, что думаешь и как себе это представляешь ... - это тихий мелодичный голос напомнил ему о своем постмосковском существовании.

- А лучше всего—побольше наврать....—захрипел и закашлялся...

Он взял ещё один листок, который уже слегка покрылся слоем пыли и прочитал то, что он совсем недавно—до поездки в Москву— писал: **“В отличие от католической наша церковь была менее реакционной, и даже более прогрессивной. Это выражается в отсутствии инквизиции, в отсутствии ордена иезуитов... Не было у нас до Сталина людоедских процессов ведѣм в масштабах всей страны...**

Ещё более слаба религия в Китае. Там сплошная веротерпимость: даосизм, конфуцианство и буддизм на протяжении столетий более или менее мирно уживаются друг с другом...

Прогрессивность православной церкви позволила ей выжить в невыживаемых условиях тотального большевизма и стать тихой гаванью для потерпевшей кораблекрушение одинокой души...”

Монах! Как он раньше не догадался... Образ молодого Чѣрного Монаха представился ему...

X X X

Ехать было ровно сутки; половина пути, проведѣнная во сне, уже была позади, он снова прилѣг, и дробный перестук колѣс на стыках рельсов, и мерное покачивание опять усыпили его. Но скоро он снова проснулся.

Светало. Внутри пассажирского вагона царил лѣгкий сумрак.

Он любил возвращаться домой. Большинство пассажиров в вагоне по-прежнему ещё храпели во всю Ивановскую, а он уже был на ногах, свеж и бодр — в гордом одиночестве стоял рядом с туалетом, где была открыта верхняя форточка окна, или пропуская случайного пассажира, выходил в прокуренный насквозь тамбур, где гулко лязгала в такт движению по стыкам рельс сцепка. Казалось, чем меньше становилось расстояние до дому, тем больше энергии появлялось в его душе и теле.

Так бывало всегда, когда он возвращался домой из дальних и не очень поездок — он почему-то испытывал незабываемое чувство эйфории и блаженного успокоения всех своих нервных вершков и корешков. Особенно оно усиливалось на последних пролѣтах и перегонах железнодорожного пути; названия и их последовательность, - пролетавших за окном станций он знал уже наизусть.

Все заботы, все страхи, вся необходимость что-то делать во имя чего-то — отступала от него и он погружался в безделье как в тёплую ванну... Блаженная улыбка идиота периодически освещала его лицо...

- Сыночек, как ты похудел?! - всплеснула руками мать.—Ты что там ничего не кушал?

X X X

Из Неотправленных Писем Провинциала: «Прозаседавшиеся» По поводу очередного рабочего совещания у Генерального Секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Копия Старшему Брату.

«Последние события показали, что судьба нации, ход истории решается отнюдь не в Совете Министров при ЦК КПСС? И даже не в самом ЦК. О Генплане СССР я умолчу.

Не оказывает на него никакого влияния и столь долго хвалившая себя и прославлявшая народный подвиг агитпропом по зомбоящичу КаПезСэС.

Судьба советской нации решается где-то на обочине, в каких-то чайных, забегаловках и закоулках, в каких-то новых стихийно образующихся образованиях, на отшибе, в малочисленных и неказистых междусобойчиках ...

Низы это понимают, поэтому и не встревает в эти разборки этих верхов. По

большому счёту нашему народу глубоко наплевать, кто будет у кормила конкретно: Брежнев, Андропов, Черненко или Горбачёв...

А вы друзья, как не садитесь, а в музыканты не годитесь...

Иванов, Петров или даже Сидоров?

Сидоров даже лучше! Потому что у него есть коза. Знаменитая Сидорова Коза. Остальные все - голозадые; у остальных за душой нет ничего - даже самой души нет в наличии...

Нечто подобное говорили Маркс, Энгельс и Ленин хором про кухарку, единственно достойную управлять Великим Государством. При этом я не имею ввиду Маргарет Тэтчер..." эту Железную Лэди"

X X X

...Соскочив с подножки на перрон вслед за зевающей проводницей, он сразу окунулся в ощутимо горячий воздух, в сухую и пыльную жару; несколько шагов и в подмышках стало ощутимо мокро. 12 часов. Полдень. Крымский август. Двигаться по твёрдой платформе вместо раскачивающегося вагонного пола было приятно и даже радостно, несмотря на лёгкую боль в застоявшихся мышцах.

После нескольких вдохов-вздохов в воздухе ощутимо почувствовался такой знакомый и родной привкус солонковатой пыли. Ветер дул со стороны родного Солёного Озера.

А после десятка набирающих силу и скорость шагов из чебуречной за углом вокзального здания принесли к носу ароматные запахи горелого теста и жареного лука. Впереди него проголодавшаяся за ночь собака, забравшись двумя передними лапами на урну внимательно исследовала её внутренности ... Ну почти как я!

За спиной раздались скрежет, лязг и гудок ээлектровоза возвестил, что поезд уходит... Станция была маленькая. Стоянка — 2 минутки...

... Батя, мать и он жили в многоэтажном доме на южной окраине Райцентра, тогда как вокзалы были расположены практически в центре степного городка Дрисни. Он был молод и здоров, вдоволь належался и выспался, и вполне естественно решил сэкономить целых пять копеек на автобусный билет, поэтому пошёл домой пешком, тем более во времени он не был ограничен.

Достаточно быстро спустился по улочке вниз к речке Вонючке, миновал двухэтажное здание школы, в которой во время войны фашисты организовали концлагерь... ничем иным это здание больше не было примечательно. Людей вокруг было удивительно мало. И от машин улица тоже была пуста.

И первое, что заметил его отстранённый глаз: по сравнению со столицей, здесь не только машины едут замедленно, но и люди передвигаются неторопливо, в ритме вальса ... Не было той постоянной спешки и суетливости, к которой он уже несколько привык в Москве...

И чтобы ещё больше сократить пешеходный путь, наш герой рванул наискосок, по берегу речки Вонючки под сухой шум её высоченных камышей. Местность вокруг была не то, чтобы безлюдной, но на той стороне были гаражи, на этой — тянулась вереница индивидуальных домов: деревня — деревней с вытянувшееся вдоль лентой из мозаики разнообразных заборов. Деревня деревней...

Красное пятно. Задумавшись, он не заметил его, и возникло оно у него перед самым носом.

И наш герой в некоем трансе почти вплотную приблизился к этой непонятной, но очень большой красной кляксе на серовато-глинистой дорожке. И ему сразу стало очень неприятно. Первой же мыслью — это кровь человечья. Ну ладно пусть кровь! Даже если он замарает в ней подошвы, он оботрёт их о вон ту сухую траву, островок которой виднелся впереди по курсу слева... Справа шуршали камыши...

Но почему так много этой крови? Откуда-то из глубины души стал подниматься вязкий и тягучий страх... Где-то залаяла собака.

- А я не боюсь, - сказал он шёпотом самому себе, находясь не далее как в двух метрах от этого кровавого пятна, но стараясь не смотреть на красное месиво с багровыми прожилками ...

- Не шизди! - ответил ему хрипатый голосом как две капли похожим на хриплый истерический лай ближайшей собаки из-за сетчатого забора.

- Это собаку просто машина раздавила! - пришла как всегда неожиданно глупая мысль, пришедшая может быть от залаявшей истошно собаки.

- Ну ты даёшь! А где же её труп?

Сердце бешено застучало, кровь запульсировала в висках...

- И разве по такой узкой тропинке могут проехать автомобиль? Это человека недавно подрезали, и кровь не успела ещё даже загустеть... Это ответ за то, что всё так хорошо и удачно складывалось в Москве, - хрипатый поднял указательный палец и ткнул им в небеса...

Ну вот и всё! Страх полностью парализовал его, остановил процесс здравого мышления...

Понятно, что слишком всё хорошо складывалось там в Москве, чтобы это хорошее продолжалось здесь. Тревожные предчувствия от такой неприятной встречи с первого же часа возвращения домой переполнили ранимую душу. Наш герой покрылся мурашками и подумал, что – точно! – наверняка с матерью или с батей случилось что-то плохое... Пока он там развлекался в столице южной ... Он совсем забыл он них...

Полностью потеряв контроль над самим собой, уже не соображая, что делает, наш герой резко развернулся спиной кровавому пятну и побежал обратно, стараясь не оглядываться... Сумка била по колену сбоку, но он этого не чувствовал... Быстрее... Ещё быстрее... Уже начал задыхаться....

Переулочек вверх он проскочил за одно мгновение. Так ему показалось. Остановился, потому что дышать уже было больше нечем. Он оглянулся по сторонам, в которых ни направо, ни налево не было видно ни души. Но ему казалось, что его уже взяли на заметку и кто-то с ножом готовится приблизиться (если не приближается?!) - к нему, чтобы зарезать и забрать его сумку... Деньги его серьёзно истощились в Москве. И грабителю останется мало. Тем более—ещё одна причина убить его...Потому что мало денег...

И тут почему-то так потянуло еще раз посмотреть. Он стоял уже рядом с угловым домом и – всё-таки оглянулся. Лицо вытянулось, глаза округлились – издали на тропинке он ничего не увидел...

... может быть пятно это было ещё дальше?

Да!

Оно было дальше и сейчас та часть тропинки была просто не видна.

Он начал успокаиваться...

X X X

Как ни странно, но дома все оказались не только живы, но и здоровы, и даже не пеняли ему, что он им не звонил. Они тоже были рады. Наш герой вздохнул с облегчением. А как же красное пятно? Оно было вытеснено из сознания раз и – надолго!

Первым делом, после того, как съел большую часть того, что было в холодильнике, - он сел писать письмо Вере...

«Милая ненаглядная Вера! - автоматически вывела его рука. Дальше пошло не так гладко, но всё же пошло быстро и уверенно — так что он даже не ожидал сам от себя такой прыти:

Первым делом, я хотел бы оправдаться перед тобой в моей какой-то ХОЛОДНОСТИ, скованности, недогадливости, что вполне естественно и озадачивало тебя; я

хотел написать, что все это во мне объясняется не отсутствием любви к тебе, а наличием главного дела всей жизни — которое согласно законодательству правящей в нашем развитом социалистическом обществе бал морали и этики должно превалировать над всякими буржуазными догмами и баянами, в том числе и над любовью со страстями вместе взятыми.

Когда один-единственный на всю нашу многострадальную страну образец положительного образа говорит о смысле его жизни, то “вся жизнь отдана...” и так далее “чтобы не было мучительно больно”

, он не говорит ни о семье, ни — тем более — о любви... Он ставит какую-то другую цель, запредельную — ну в общем ты сама это знаешь; поскольку ты как и я — учили в школе сей прозаический отрывок наизусть...

Вверху я выразился хотя и максимально точно, но несколько вычурно и несуразно, поэтому повторяю рабоче-крестьянской формулой, выработанной агитпропом для употребления рядовым составом советского народа. Она дословно звучит так:

Первым делом, первым делом — самолёты, ну а девушки — потом!

Ремарка в зал: как известно из курса биологии, под самолётами само собой разумеется истребители, бомбардировщики дальней авиации и прочие штурманы штурмовиков; остальные птицы и насекомые к самолётам не относятся.

Поскольку ты как существо в анатомическом плане принадлежишь к подвиду “девушек” вида “женщина” рода человеческого. Несмотря на весь свой феминизм и эмансипацию. Ты должна быть у меня на втором плане ... Жить надо прежде всего для общества, для построения коммунизма — мира во всём мире. Вот таким образом в первую очередь.

Постараюсь лучше ответить тебе, насколько это возможно в одном письме, на вопрос твой о моей цели и природе моих занятий в нашей будущей семье. Я напишу тебе правду, которую не нашёл в себе сил сообщить тебе во всеуслышание, находясь пред тобой: с тех пор, как я стал что-нибудь смыслить (а именно в десять мальчишеских лет), я сознал, что существующий ныне Старый Порядок (преимущественно же порядок общественный и политический, отношения людей между собою, определяющие всю человеческую жизнь от зачатия до тризны), что этот существующий строй далеко не таков, каким

, во-первых, представляет себя в газетах и по телевизору, ложь и обман возведены Номенклатурой в ранг государственной политики, везде царят не справедливость и законность, а блат и знакомства ... Так называемое развитое социалистическое общество фактически и практически основано на слепой силе, эгоизме начальства и насильственном подчинении подчинённых вплоть до стирания в лагерную пыль;

, во-вторых, не таков, каким он должен быть! Специальное социальное устройство должно быть основано на разуме и праве, на свободе слова и взаимном уважении... Вот моя цель!

Ты понимаешь, мой друг, что с такими убеждениями и намерениями я всем прочим должен казаться совсем сумасшедшим, и мне поневоле приходится быть сдержанным в выражении своих истинных мыслей и намерений.

Солнышко, пожалей меня, моё дорогое солнышко!

Вместе с тем сейчас я твёрдо и крепко убеждён, что ряд открытых мною истин, закономерностей и постулатов, мною сознанных начиная с мальчишества, продолженных в отрочестве и сформулированных в юности в виде Манифеста Грядущего Хама, рано или поздно будет признана и другими гражданами Великой Империи Добра и света, принята на вооружение молодёжью, и тогда своею внутреннею силою генно модифицирует она весь этот мир воплощённой в концентрационные лагеря лжи и духовного разврата, навсегда с корнем вырвет всю неправду и зло из жизни как отдельных личностей,

так и всего общества, покончит с глубинным невежеством миллионов и миллионов рядовых советских тружеников, уничтожит мерзость нравственного оскудения образованщины, истребит кулачное право между государствами - ту бездну слепящей тьмы, грязи и крови, в путанах которой до сих пор бьется население земного шара ...

Я люблю тебя, поэтому я не хочу скрывать от тебя ничего.

Наш герой написал всё это с какой-то мрачной решимостью, как будто под диктовкой некоего ... Какого-то... причём ситуация была такова, что вот—диктант закончился, и ...

- пора кончать! Письмо надо чем-то завершать... Текст будет читать живой человек, и его нельзя вот так бросить—на полпути... А вот чем?

Я высказался, и тем самым облегчил себе душу. Даже если ты ... Конечно, я не знаю, как ты примешь его. Может оно станет последней каплей твоего сомнения?! Но я люблю тебя! Но я всё равно люблю тебя!

...ему моментально представилась поэтичная весьма картина, как он стоит под дверью ЗАГСа, мимо проходят другие брачующиеся, а он с букетом в руках, стоит как часовой на посту. Чей-то металлический голос сверху, с неба, как это бывает в кино—когда говорят за кадром—но здесь не кино, а сама жизнь произносит:

ЖЕНИХ ПРОСТОЯЛ ДО ЗАКРЫТИЯ ЗАГСА, НО НЕВЕСТА ТАК И НЕ ПОЯВИЛАСЬ.

Это автоматическое письмо, этот посторонний голос—дикий, но такой мужественный—звучал в нём всё крепче и сильнее ...

И если гипотетически представить такую ситуацию, то устно — смотря в глаза Вере—такое сказать я ей бы не смог; для этого политического выступления были крайне необходимы одиночество, тишина и — некий воображаемый бесплотный образ Веры, который по истечению полутора суток разлуки как-то начал не соответствовать живому человеку ... Я всегда чувствовал скованность в её присутствии и никогда не открывался до конца ... Но это никогда не мешало присутствию во мне ощущения глубокого единства с ней, совершенно непонятного - - с совершенно непонятным существом

Но вдруг ему захотелось в туалет. От психического автоматизма у него заболел низ живота и слева от пупка. К тому же наш герой почувствовал, что голоден, несмотря на то, что хорошо пообедал по приезду, и он отправился в туалет, потом снова — на кухню.

Х Х Х

Однако может быть это переедание, может эта неизбывная усталость - его потянуло в сон, а проспав и проснувшись, он заново перечитал письмо так быстро и хорошо написанное и испытал непонятно откуда взявшееся отвращение к написанному собственной рукой.

- Что за Чертовщину я написал? - спросил уже не внутренний голос, а он сам сознательно у себя.

Он оглянулся по комнате в поисках голосов. Но хотя внутренне он ощущал их присутствие, они—и хрипчатый, и мелодичный, - упрямо молчали; они затаились, гады. Такое их поведение его как-то ещё больше обеспокоило. Не чувствуя их поддержки, он попробовал продолжать размышлять самостоятельно: «В этом тексте я предстаю перед ней каким-то Великим Р-р-революционером. Хотя на самом деле это далеко не так. Я совершенно не готов спать на гвоздях ни ради революции, ни ради чего другого ... Ну сдохну я в катакомбах КГБ и надо мной надгробным памятником будет расти развесистый лопух, и следующее поколение людей будет жить при Новом Порядке Вещей ... Ну и что?»

Как это бывает с натурами мнительными, он весьма засомневался в своей решительности, и тем более мужественности. Наоборот, периодически возникало желание спрыгнуть с бронепоезда, несущегося на всех парах к светлому будущему человечества—коммунизму куда-нибудь в кусты...

«Просто произойдёт смена декораций, и в следующем акте Человеческой Трагикомедии среди действующих лиц и исполнителей его, подававшего большие надежды, уже не будет...» - прошептал он.

Мысли нашего героя о самом себе в третьем лице слегка запутались... Но чувство неприязни к собственноручно написанным строкам крепчало.

Так ли уж ему нужна эта справедливость в отношении ко всем другим? В памяти всё играли и кружились небезызвестные слова:

«надо мной лопух будет цвести, а все слуги одетые как господа будут ежедневно трескать крутые и наваристые щи с мясом пиндосовских окорочков».

- Ну хорошо, если благодарные моему подвигу в катакомбах КГБ потомки — пошла его мысль по второму кругу наезженной уже колеи— воздвигнут памятник нерукотворный, но кто даст гарантию, что какое-нибудь новое правительство при очередной смене декораций не отправит мой бронзовый бюст с пьедестала на переплавку, а улицу моего имени и фамилии не переименует высочайшим указом в какого-нибудь Иванова, Петрова, Сидорова ... у-у-у, сколько их собралось в очереди — вполне готовых увековечиться! — очередная дорвавшаяся до кормушки на плечах восставшего народа очередная элита пламенных губошлёпов и вождей Революции Свободы, Равенства, Братства...

И хотя он понимал, что в условиях данного тоталитарного режима у него нет и не может быть никакого будущего, и что с данным режимом надо бороться, так как сам он не уйдёт ни в жизнь ...

Но как именно бороться? - это ему было непонятно; путь диссидентов - Жить не по лжи — мало прельщало его. Во всяком случае ему для того, чтобы элементарно выжить приходилось весьма неэлементарно врать.

- Дело совсем не в том, в каком строе будет жить следующее поколение: коммунистическом ли, капиталистическом или ... педерастическом ... дело в том, что я —сибарит, и — смелее, Тузик, смелее гавкай на слона! - и в жизни нет такой идеи, ради которой я готов променять свою чечевичную похлёбку на ещё большие злыдни ...

Наш герой представил, как Вера будет читать это его первое письмо в Москву и предварил её реакцию ... Он представил, как она пожимает плечиками, крутит пальцем у виска, комкает и рвёт и выбрасывает в дальний угол комнаты.

- А я и не думала, - подумает она...

- А я и не знала, - скажет она...

- **Что ты не знала? - лениво осведомился хрипатый, но спрашивал он не у Веры, а у нашего героя**

- Что так всё запущено, - за Веру ответил наш герой.

До тех пор, то есть до этого первого письма к Вере, наш герой всерьёз думал, что политические дела, особенно внутривластная ситуация - для него очень важны; именно эти обстоятельства определяют его великое будущее. И поэтому он очень интересовался 24-м, 25-м и 26-м съездами партии и ихними весьма пространными документами КПСС, стремясь штось прочесть между строк, чтобы спрогнозировать будущее той страны, вместе с которой он был обречён на несчастье.

С целями разобраться, кто есть ху? - он купил радиоприёмник, изготовляемый в та поры в одном городе на букву ЭР на берегу одного прохладного моря на букву Бэ, к нему наушники и стал по ночам слушать «враждебные» голоса—не те, которые сидели у него внутри, а те, которые шипели и трещали за Железным Занавесом.

Но теперь, глядя на эти свои листки незаконченного послания, он понял, что встреча с Верой, возможная женитьба на ней что-то сильно изменили в его мыслях о своём вероятном будущем в рамках построения коммунистического общества в отдельно взятой капиталистической стране, - одним словом, во всяком случае направили мышление совсем не в ту сторону, которую они текли до этого.

Повторяю, не знаю отчего, но с самого Курского вокзала наш герой почувствовал, что он во власти новых каких-то ощущений и мыслей. А сейчас после этого исповедального письма вдруг вслед он осознал что сказать, что для него справедливость или несправедли-

вость окружающей его жизни очень важна — это было бы сейчас очень большой неправдой. Важнее семьи? На самом деле, в принципе, сейчас ему было дело только до самого себя, его волновало в первую очередь как сложится его личная жизнь и судьба, а какие будут вокруг условия? — ну наверное это был интересный вопрос . . Но совсем не настолько, чтобы ставить его каким-то условием женитьбы.

И тогда он уже сам порвал и скомкал эти листки, и выбросил в пыльный и уже слегка по-романтичному обросший серой паутиной дальний угол комнаты, где сверху вниз шёл стояк теплотрассы и от него в сторону ребрилась отопительная батарея. «Надо было бы подмести, - подумал он. — А по-хорошему еще и пол вымыть не мешало бы».

Но тут вдруг в его сознание ворвался посторонний шум...

Глава №18. Розу белую с чёрной жабою или Как Не Стать Гением...

- Ты должен написать ей о своей безграничной любви, - сообщил ему тихий и мелодичный голос

- Чудила, так ты её не любишь! - вмешался Хрипатый.—Ты вообще ничего не сможешь написать... Поэтому не пиши ничего. Пусть она тебя забудет хорошенько.

- А что ты знаешь о Любви? - спросил он у хрипатого..

Нет, извиняюсь не так... Это оказывается тихий мелодичный голос спросил изнутри нашего героя у самого нашего героя. И наш герой ответил своему внутреннему тихому и мелодичному голосу, пренебрегая общением с хрипатым своим голосом

- Ничего. Зато я знаю кое-что о Ненависти

- Ну и что ты знаешь о ненависти?...

Это, похоже, вмешался хрипатый...

С ума сойти! Пока разберёшься с этими внутренними голосами...

X* X* X*

Первый день дома прошёл для нашего героя в каких-то мелких и непонятных хлопотах. Матушка очень настойчиво, повторяя по нескольку раз одно и то же, расспрашивала его о том, что он делал там, в Москве, почему задержался, как живёт его двоюродный брат... он отделялся либо расплывчатыми объяснениями, либо отнекивался... Пришедший после работы батя продолжил допрос партизана, впрочем результат был тот же... Он сидел за столом и смотрел на свои исписанные бумажки, и они казались ему—как будто не его...

Уже поздно вечером в некоторой ярости от того, что письмо обещанное написать сразу же по приезду, - а день прошёл! - так и не написано, - наш герой сел за стол, и снова стал писать не обращая внимания, что шариковая ручка пишет плохо и местами не оставляет никаких следов:

«Милая, дорогая Вера!

17 августа.

Как настроение? У меня просто ужасное. Но то, что пришлось испытать в вагоне поезда, уносящего меня от тебя, просто невыносимо. До самого отправления поезда я держался молодцом и только когда сел в вагон, мне стало больно, так больно, что невозможно передать словами. Не столько физически, сколько психологически. Сердце рвалось от тоски. Не мог смотреть в глаза людей. У меня, наверное, были страшные глаза. Думал: не выдержу - расплачусь, а баюкал свою боль, я качал её в такт поезду, я терпел, стиснув зубы...

Когда ты поздним вечером нашего прощания сказала, что не хочешь жить, что хотела бы уснуть на месяц, - я недостаточно понимал тебя. И только в поезде до меня дошло, ибо я вдруг почувствовал тоже самое.. То же самое. Ничто не ново под Луной.

Те дни, которые я был вместе с тобой были похожи на чудесный сказочный сон, на феерию, которая не снилась мне даже в самых необузданных мечтах, - но пробуждение оказалось ужасным. я никогда не мог подумать, что это будет так страшно, так тяжело. И когда прощался, и когда ехал до Курского - сон продолжался, и вот пришло отрезвление. Целый день в поезде я думал о тебе, только о тебе, об одной тебе.

Только оказавшись один и, когда впереди никаких встреч, я понял, каким дурачком был. мне надо было ползать перед тобой на коленях, и целовать пыль у твоих ног, а я

вместо этого злился и негодовал.. На что? Зачем? О, боже, какой я всё-таки дурак! Разве не было каждое твое слово прекрасным, каждый твой взгляд очаровательным, каждое твое желание великолепным? Но видно это можно понять только на расстоянии.

И в поезде, уносящем меня от тебя, мне показалось, если не увижу тебя в будущем, я умру. Как горько всё это!

Но как видишь, я - жив, хотя прошло уже целых два дня. Но я по-прежнему люблю тебя и, наверное, это до конца, я очень много вспоминал, я вспоминаю тебя на каждом шагу, - твои песни звучали во мне. Песни последнего вечера, который мы провели с тобой наедине.

Всё мелкое, пустое, ничтожное уходит, остается в памяти только светлое, высокое, романтическое. Эта неделя почти как легенда. НО это Действительно, так - ведь это же и было счастье!

Счастье, которого я не искал, о котором не подозревал и не думал, и не мечтал. Но вот оно пришло ко мне - я думаю: это навсегда. Я знаю: это навсегда. Это праздник, который останется всегда со мной. Это целый мир - огромный и прекрасный. И если тебе нужна моя жизнь - возьми её! Возьми её... После того, что я пережил, перечувствовал рядом с тобой, всё остальное - прозябание. солнышко! - милое прекрасное солнышко - если тебе тяжело или грустно, или что-нибудь случится плохое, - ты знаешь: у тебя есть друг, который счастлив сделать для тебя всё — лишь бы тебе было хорошо, стоит тебе только позвонить... Остаюсь с искренним уважением и неподдельной любовью, твой Ф» ... Пока он корпел над текстом письма, за окном сгустились сумерки, и последние строчки он дописывал в сгущающейся полутьме.*

Он включил свет и под золотистым абажуром перечитал то, что написал в письме, и ему самому понравилось: и откуда только такие слова взялись?!. Правда, оно получилось какими-то незаконченным — ну хотя бы потому что под конец страшно захотелось спать, наверное потому, что он выдохся сполна ... Он снова почувствовал себя выжатым как лимон...

Это кому-то было письмо легко писать как писать в море, а для него это был мучительный труд ...

Духовный простатит! По капле выдавливаешь из себя всё подряд: мочу, кровь, гной—в общем все идеалы ...

Разумеется, он никогда бы не наговорил ей столько красивых и звучных слов на randevу глядя в глаза, но оказавшись в тишине одинокой своей кельи с видом на военный аэродром транспортной авиации — они посыпались из него как горох из щёлкнутого вдоль стручка. Завтра он утром побежит по делам своей вечерней школы и — мимоходом забросит письмо в почтовый ящик Центрального почтамта. Заодно там же позвонит Вере...

Ещё раз вернулось это непередаваемое ощущение: если бы она была рядом, он бы никогда так не написал ... В смысле — не сказал бы. Никаких солнышек, зайчиков с пальчиков... а вот на бумагу они ложились что называется сходу, и даже— обрати внимание! - было маленькое удовольствие видеть их написанными ...

Вполне возможно, всё это закончится ничем... Но слова-то останутся!

Блажен, кто верует!

X* X* X*

- Ну сколько можно врать! - прохрипел Хрипатый, - тебе никто не поверит, что ты влюбился с первого взгляда ...

- А вдруг это действительно любовь?

X* X* X*

То, что это не просто так, даже могу доказать тебе это логически!

Иначе с чего бы мы вот так с ней друженъко взяли, пошли и подали заявление в ЗАГС на третий день. Вспомни, пожалуйста, как это у нас было:

- · Первый день визит на квартиру и знакомство без слов, просто поглядели друг на друга молча.
- · Второй— встреча в Ботаническом Саду и поход по магазинам
- · Третий день—подача заявление в ЗАГС

Разве могло такое произойти, если бы между нами вообще ничего не было? Если бы мы не понравились друг другу с первого взгляда? Но горделиво не признались в этом друг другу...

Затем— обрати внимание! - Всѣ складывалось один к одному.

Наш герой был потрясѣн тем, что ему еще несколько лет казалось непреодолимым, вдруг перешагнулось само собой с неожиданной быстротой... И верилось, и не верилось... Даже в мечтах ему такого не представлялось, что он женится. Тем более в Москве... Это было очень похоже на сон: реальность плыла в его глазах и становилась иллюзорной... , наверное, такое же или похожее ощущение и у наркоманов...

Х Х Х

По приезде его объяли животрепещущие хлопоты быстротекущих последних дней летнего отпуска: традиционный августовский педсовет, сначала в вечерней школе, на котором была поставлена с хлопаньем кулаком по столу задача донбора контингента, и он пошел кругами: по машзаводу, по мясофабрике, каналстрою, фабрике хозизделий и т.п. И снова машзавод, с горечью осозная, что это всѣ напрасно потерянное время, за которой он мог бы написать пару-тройку страниц своих романов и повестей...

Потом – городской педсовет, на котором ему где-то в конце, под занавес, была вручена в чередѣ награждений – Почѣтная грамота, и хотя ему совершенно было непонятно за что и почему, но всѣ произошло именно так, а не иначе—и не откажешься. Ещѣ немного и его фото повесят на районной доске почѣта.

На педсовете в вечерней школе:

- У нас недобор! Ищите! – безапелляционным тоном – иначе кого-то придется сокращать! У нас недобор!

Недвусмысленная угроза прозвучала в голосе Высокого Начальства.

В городке было пыльно и жарко. Погодную ситуацию мог бы исправить дождь, но каждое утро становилось в очередной раз безоблачно солнечным. Под жаром его могучих лучей тополияная листва очень быстра коричневела и скручивалась в завитушки. Она висела на ветвях не падая вниз, и деревья казались железными скелетами, здорово потраханными ржавчиной...

Нет, ну он кое-что понимал: , во-первых, у Ады из ада были напряжѣнные отношения с коллективом; , во-вторых, она знала, что он уже одной ногой в Москве... и выдвижением его на Почѣтную грамоту директрисса демонстрировала как ловко она хлопнула двух зайцев— и то, что с коллективом нормально (было бы хуже если бы она никого не поощрила), и то, что всѣ это после отъезда нашего героя останется без последствий...

На элеваторе поговорил с начальницей отдела кадров. Дело в том, что одна из учениц из его класса — здоровенная дылда, мать двоих детей — написала заявление о покидании вечерней школы, выпускного класса. **Мол, по семейным обстоятельствам! Люди, понимаешь в атаку шли, на штурм— а мы здесь не можем преодолеть свою лень и какие-то такие-то мелкие семейные... Возьми пример с Маресьева, который без ног—управлял самолѣтов и громил фашистов...**

Состоялся вежливый, но сложный в силу своей тяжести разговор, где он старался перепихнуть ответственность на отдел кадров, приводя в пример отдел кадров машзавода, где за непосещение вечерней школы могли не то, что лишиться премии, а попросту выгнать с работы несмотря на вопиющий дефицит кадров. Во всяком случае запугивали именно так...

Начальница— как скала! - отдела кадров:

- А вы на что? Вот и заинтересуйте... Вы там за что деньги получаете?

Наглючая такая бабёнка...

X* X* X*

На обратном пути он шёл мимо редакции и не удержался - заскочил в неё; с одной стороны, его страшила встреча с Дубовым, с другой стороны, как было приятно сбежавшему отсюда полтора года назад, теперь вот пусть не окончательно победителе, но во всяком пожарном случае—почти свободным человеком подниматься по скрипучим деревянным ступеням ... Похоже, что они разошлись ещё больше... Хоть бы водой их поливали! - снова посетила его двухлетней давности мысль...

Как оказалось, в районке было без перемен. Из динамика слышался бодрый голос единственного и непотопляемого радиокорреспондента, место которого наш герой вожделем, впрочем, прекрасно понимая разумом, что оно ему никогда не достанется.

Чтобы кукарекать в 8 часов утра по всем райцентровским квартирам, надо было быть не только членом партии. Но ещё и...

Потапыч по прозвищу «Тапок» (... - ... - ... - ... - ... - ... - ... - ... - ... - ... - ... - ... -) был обиженно рад. Мельком взглянув на его лицо наш герой догадался, что его разрывают противоположные чувства, и он никак не может между ними выбрать что-то одно. Временами Потапыч искренне улыбался, но временами по-прежнему надувался — и улыбка помимо воли сменялась по-детски недовольным выражением: он никак не мог простить, что талантливо скользкий сотрудник ускользнул из тугого капкана редакционных объятий ... - ... -

- Давно вернулся?

- Откуда?

- Из Москвы

- Откуда ты знаешь?

- Я всё знаю! Если бы я не знал всего, то я бы не сидел за этим **дореволюционным** столом. Ну как там в Москве — Горбатого живьём видел? Правда, что у него на башке — чёртова отметина...

Пока Потапыч это говорил...

....кому он говорил? - кажется историку он говорил, что собирается в Москву. Значит, это проболтался именно историк. Надо учесть на будущее и быть с ним поосторожнее и помолчаливее...

- Чего?!

- Родимое пятно... во всю Плешь? Ты меня слышишь?

Он пожал плечами...

- а что же ты там тогда делал? В Мавзолей сходил хоть?

Он заколебался — сказать Николаевичу или нет. Сказать, значит завтра поутру все собаки РайЦентра уже будут гавкать с наворотами про него и на него, не сказать — Потапыч может окончательно и бесповоротно обидеться. Откровенно говоря он старался не терять связей с Потапычем, тем более тот занимал сейчас ключевую должность ответственного секретаря плюс его несгораемые связи с областной газетой.

- Так ты— и на Красной площади не был?! - осеменила мысль вдруг Потапыча

- Нет, не был.—чистосердечно признался наш герой...

- Ну ты даёшь!- Потапыч обрадовался...

Ведь рано или поздно с Москвы придётся улепётывать, не так ли?

Он никогда не мог и помыслить себе, что Потапыча скоро не станет... И эта неожиданная встреча ... Мир праху его! И пусть земля тебе будет пухом! Твою помощь и поддержку я чувствовал всегда. Но не понимал, почему ты мне её оказываешь... Сейчас я думаю, что ты выручал меня, потому что талантливых людей вообще-то не густо, а скорее—пусто. И

твоя поддержка—сквозь зубы! - это как признание моего таланта, пусть маленького, но всё равно—таланта извития словес...

- Говорят, ты там в столице поднебесной здорово развратился? - Потапыч подмигнул ему и подленько захихикал...

Но тогда Потапыч был живым. И не просто живым, а - живчиком с ножницами и канцелярским клеем... И эта неожиданная смерть, она так не вязалась, не связывалась ...

А в том разговоре он нашёл компромисс. Великий Поэт брякнул, что будет перебираться в Москву, не сразу но постепенно.... Одна ложь повлекла за собой другую. Он соврал дальше довольно легко, что искал квартиру, нашел что-то подходящее не в Москве, а сбоку - в Клину. Электрички ходят каждые полчаса. Бабка-фронтовичка... У неё нет никого из родственников, и она очень рада постояльцу... Поживёт пока у неё... Бесплатно, даже ...

- Она мне сказала, что по моим глазам видит, что я — хороший человек!

- Ага! Насквозь видит. И ещё на три метра под тобой! - саркастически сыронизировал Толик.— С ума выжила... Зачем тебе это?

Он всё это выдумывал на ходу, но с таким небывалым воодушевлением, что в какой-то момент Потапыч ему поверил. «Пойдём покурим!» Курил, впрочем, только Толик.

- Ты умный хлопец! - сказал ему Потапыч, когда они вошли через раскрытые настежь ворота в типографский дворик и сели под вишнями на засранную голубями скамейку.— Как ты не можешь понять, что там тебя никто не ждёт с распростёртыми объятиями. Здесь ты уважаемый человек, Твои статьи заметили в горкоме партии, тебе доверяют в райисполкоме, наконец, тебя Дубовый сделал зав.отделом ... а там— а там—он выразительно пожал плечами подняв их чуть ли не до своих висячих ушных раковин—там ты будешь никто! Тьфу!

- Откуда ты знаешь, кто я там буду?

- Знаю! Если бы я не знал, я бы не сидел за **дореволюционным** дермантином...

Потапыч сплюнул и растёр жёлтый от курева плевков подошвой импортной, по-моему чешской а может и венгерской сандалии...

- Я тебе даже больше хочу сказать? Ты здесь можешь завести больше связей и знакомств — чем там. И знаешь почему? Да потому что летом они все ошиваются здесь, на Южном берегу К*! Чёрное море—любимое море моё! Шастают по курортам и санаториям только так! Вон Юра Балдогоев уже устроился слесарем-сантехником в детский дом Союза Писателей в ... - ... - ...

Он усмехнулся: Потапыч тоже иногда допускал пошло и похабно пошутить над великим и могучим... Впрочем, ну кто виноват, что в нём существует такая могучая кучка слов, которые сами собой напрашиваются на матерщинную провокацию?!

- —ты представляешь... Сейчас готовит книжку к изданию в следующем году... Вот тебе и Юра!

- Как же его жена из-под юбки отпустила? - съязвил Великий Поэт, скривив губы...

...по прозвищу «Балда», он же — “Подержи мой макинтош” был притчей во языцех...

Х* Х* Х*

Странная штука – эта наша с тобой жизнь, уважаемая читательница!

Почему люди незаслуженно страдают? — пишет Дени Дидро своей подруге Софи триста лет тому назад. — Вот один из тех вопросов, на который по сию пору не дано ответа.

***Странная вещь — жизнь,
странная вещь — человек,
странная вещь — любовь.***

Вот и триста лет промелькнули как ракета. А слова Дени Дидро как будто вчера вечером написаны не успевшей высохнуть кровью...

Большинство этих рецензентов и литконсультантов лежат в земле сырой уже и никто из них в своих черепах даже и мысли не имеет, что одна из бесчисленных их отписок, на

который они в издательской спешке и редакционной суете оставляли свой автограф посреди листа формата А4, до сих пор хранится у меня в папочке с названием: "Переписка с разноредакциями" ... Считая эту бумажку в лучшем случае достойной туалетного мгновенного употребления ожидает 50-летнее хранение. Уже самих журналов – половины нету, а те что остались - смердят и гниют как пеньки на пепелище ...

Что это было? Творчество сумасшедшего? Полу-сумасшедшего? И творчество ли вообще ...

X* X* X*

... Потом он шёл домой мимо двухэтажного здания почты, обогнул стороной базар, и по тенистой улочке за горкомом партии спустился к речке Вонючке

Горком партии, обсаженный спереди и сбоку дефицитными синими елями, смотрелся таким зданием дореволюционной постройки, типа особняка Кшесинской где нибудь в Санкт-Петербурге, зато здание горисполкома напротив сверкало стеклом и железобетоном, а райисполком вымахал на целых пять этажей вверх, будучи на тот момент самым высоким зданием в центре Райцентра...

Бледно-жёлтое здание навеяло ему воспоминание о недавнем анекдотичном случае. Когда он отработал в районке 11 месяцев, то приходит к нему Потапыч с заранее заготовленным чистым листом бумаги:

- Давай так: садись и — пиши!

И диктует ему текст заявления в кандидаты в члены партии: хочу быть в арьегарде... Он открыл рот поражённый как прокажённый, и рука с взятой на вооружение авторучкой повисла в воздухе...

- Ну чего застыл как статуя? Давай пиши пока я добрый... я дам рекомендацию, Дубовый даст рекомендацию тебе ... Лена? А Лена тебе не даст...

И Потапыч загоготал как жеребец довольный неожиданно выскочившим пошлым каламбуром: Нет, не даст она тебя, она верная! - и он подмигнул правым глазом... - Верная жена! Она у нас не ...

«Пока я жива, - сказала мне Лена на прощании, - в Союзе Журналистов тебе не бывать! И не мечтай!»

- Ну мы третьего найдём!

Он всегда удивлялся, каким большим дипломатом был Потапыч по жизни, и хотел невольно подражать ему. Он знал, как сильно он ненавидит зам.редактора Елену Б*, и как-то спросил его причинах такой не совсем понятной ненависти

- Да, понимаешь, эта п... п... сука, - скривился Потапыч, - она закладывает всё что у нас творится в горком партии... И я даже знаю, кому она закладывает! - **здесь он добавил известное всем нам всего лишь одно слово, которое впрочем ещё мудрейший царь Соломон нещадно посыпал инвективами .**

«А что у нас такого творится?» - он удивился, - "чтобы закладывать? Оргии? Пьянки, что ли?" - но вовремя прикусил язык, и вместо своего «гвупого вопроса» выдал притворное удивление: Ах, вот оно что! - сказал он.

“А может быть мы тут в редакции антисовесткий заговор готовим?” – мелькнул совсем некстати ещё один «гвупый» вопрос под его черепной коробкой. И он призадумался, а призадумавшись—испугался...

Но свое общение с Леной Потапыч всегда начинал с комплимента, сыпал шуточками и вёл себя как задрипанный деревенский ухажёр с балалайкой наперевес ... Лена и подумать не могла, что он готов её задушить собственными руками... Впрочем, она всё-таки нечто подзревала. А может быть и прозревала?!

Он не понимал, как выкрутиться из этого поставившего к стенке (хорошо, хоть не рас-

стрельной пока!) переплёт и осторожно вспотев забормотал:

- Потапыч, слушай, но - я читал Программу КПСС... И там написано чёрным по белому... И кое-чего там недопонимаю ещё...

- Чего? чего ты читал? – оборвал его резко Потапыч и посмотрел на него очень подозрительно и презрительно — как Ленин на буржуазию...

- Программу Ка-Пе– эС– эС...

- Послушай Друг любезный. Я в партии 15 - лет уже поболее лет, и я её ни разу не читал, (здесь Потапыч снова добавил известное всем нам всего лишь одно слово, которое впрочем ещё мудрейший царь Соломон нещадно посыпал инвективами) - и не собираюсь ... Зачем она тебе? Чего ты себе светлые свои мозги разным строительным мусором пудришь?.. Партбилет – это же хлебная карточка... Ты же ведь не хочешь сдохнуть с голоду посреди изобилия?.. Сейчас как никогда партии нужны ясные и светлые головы! Я своим копчиком чую — для партии грядут непростые времена. Но я уверен: большевики выкрутятся и снова окажутся на белом коне... Делай ставку на них сейчас, когда у них земля начинает дымиться под ногами, и ты не проиграешь при любом раскладе в будущем мировом пожаре...

Мы на горе всем буржуйам,
Мировой пожар раздуем!..

X* X* X*

...перешел по мостику и дальше по чересполосице индивидуальной застройки добрался до микрорайона многоэтажек... И в это время он задумался, зачем он наврал Потапычу... Он почему-то здорово уважал его. Но наврал. Впрочем, если свадьба не состоится... Если свадьба не состоится, то все будут насмехаться над ним как незадачливым женихом.

X* X* X*

- Эх ты! Немочь бледная. Брат Поганкин. – вдруг внутри проснулся хрипатый. – Люди хотят поиметь партию, а им отказывают в приёмке! Тебе предлагают скатертью дорожку, а ты рыло воротишь!? Зачем ты плюнул в колодец? Ты - И тут хрипатый добавил в его адрес то самое словцо, от которого в таком дурашливом восторге был Николай Васильевич, написавшие золотые слова с крылышками: «Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, все равно что писанное, не вырубливается топором».

X* X* X*

Он не обиделся на Потапыча...

Это был ещё один повод задуматься поглубже над тем феноменом, что все окружающие, кроме бати и матери, воспринимали его как эгоиста=карьериста, готового ради карьеры пройти по головам миллионов и миллионов простых советских людей, тружеников и победителей...

Хотя именно карьера — это было как раз то, к чему он менее всего стремился в своей жизни.

Можно отнять его профессию учителя русского языка и литературы... Можно отнять—и это будет ещё легче— отнять у него профессию журналиста... Но никто никогда не отнимет у него проклятого дара — дара извития словес...

Примерно так думал наш герой.

X X X

Вторым своим делом он сел приводить в относительный порядок свои писательские работы, сожалея, что целый месяц почти прошёл впустую - но то, что произошло в столице,

постоянно стояло перед внутренним взором...

... и тогда он решил переложить всё это в замысел: «сама жизнь даёт мне живые прототипы, и теперь моя задача – просто изложить их словесно» – принял решение он. Но полностью сосредоточиться на своём словоблудии он уже не мог ...

Кто не ужаснётся, заглянув в глубокий колодец своего подсознания? И кто не подивится верности концепции первородного греха – главенствующего принципа всех мировых религий?! Не был исключением и он ...

Он положил перед собой листок с перечислением заголовков своих замыслов:

- **В празднике человеческого . . .** – (Сделан первый набросок)
- **Рыба – зверище синее** - (только замысел)
- **Исповедь подкроватного существа** - (только заголовок и ничего больше)
- **Путешествие Ивана Флогистоновича Вона в местности не столь отдаленные, сколь фантазмагорические** - (Три разрозненных сцены)
- **Сказка об маленьком букетике дарственных цветиков** – (отвез машинопись в редакцию одного самого толстого из всех толстых литературно-художественного журнала СП СССР)
- **Извольте шутить, товарищ директорша!** . .
- **Грех господина милиционера**
- **Дороги, которые нас не выбирают**
- **Бег по пересечённой местности** - (порядка двухсот страниц машинописи)
- **Червлённая молодёжь**
- ... - - ... - ?
- ... - - ... -
- ... - - ... -
- **Дурак и другие** (пьеса)

Ещё не заглядывая в текст, одни эти заглавия сами по себе могли повергнуть в шок не только читателей, но и издавших виды и привычных ко всему литконсультантов, и закономерно привести их к одной-единственной мысли, которая называется “Горе от ума”. И хорошо, что по жизни они никуда и никогда не заглядывали ни в какие рукописи. Они просто, - Но весь фокус: не только заглавия, но и сами тексты были – странные. При всей врождённой ненависти к Системе, в которой в ответ на рассылаемые произведения ему высылались вежливо-бесчувственные штампы под копиру: “ваше произведение не заинтересовало редакцию”, одна из них выделялся своей афористичностью: “Ваш рассказ - ... - - ... - “

... - ... - ... - ... - ... - ... - ... - ... - ... - ... - ... -

То, что случилось с ним в столице, не укладывалось ни в один из этих замыслов. Конечно. Ему откажут, конечно, он останется один ...

Ну почему обязательно один?

Потому что в душе он – **монах** ...

Смутный образ главного героя новой повести забрезжил в его воображении ...

А как он обзовет своё новое произведение?

И совсем неожиданно всплыло:

ЧЕРТАНГЕЛ

В самом деле но здесь.. если существовали в советских святцах имена – Декабрин и Октябрина, Трактор и Тракторина, Монолит, Коммунар и Владлена, Юманита, Краснослав и Красарма и даже – Даздраперма (Да здравствует Первое мая) – так почему бы не быть и Чертангелу?

Чертангел Петрович Иванов! – звучит... Чертангел Иванович Петров, потомственный член рабоче-крестьянского происхождения! Звучит на века! У Советской власти сила велика!

Существо, в котором непонятным и неведомым образом объединяются как свойства черта, так черты ангела ... Оно, это существо, могло быть как шахматная доска, где череду-

ется черное с белым, так и просто серым пеплом от недокуренной батиной сигареты...

Дикое произведение, за которое надо надавать по жопе, - не иначе!

X X X

Из Неотправленных Писем Провинциала: **«НАМ НУЖНО НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ?..»**

Копия Старшей Сестре с Большими Ушами.

ПЕРЕЗАПИСЬ ОТ 17.04.87 !

“Перестройка неизбежна!” - объявила на первой полосе сегодня “Правда”...

- Ещё бы, - отвечаем мы со своей маленькой шестиметровой кухоньки - Ведь именно перестройка позволяет уже три года подряд списывать все свои грехи, всю свою лень и разгильдяйство, всю свою беспринципность и т.п. - вобщем, все свои грехи оправдывать брежневским застоём, наличием противников перестройки, агентурой империализма, подкармливаемой дефицитными продуктами из-за бугра и т.п. Нет, мы принципиально не дадим Леониду Ильичу спокойно спать во своём гробу! Мы будем пинать и поминать его снова и снова...

“Никаких кардинальных решений ещё не было - они впереди!” - провещал Бунич в программе “Время”.

- А позвольте спросить Горбачёвых, Лигачёвых, Рыжковых и т.п. всех окрасов и мастей, - отвечаем мы чёрно-белому зомбоязику на его красно-коричневые речи - А чего вы, да именно вы лично делали все эти три года подряд? Спали? Ковырялись в носе? Наслаждались тем, что - дорвавшись до власти?..

X* X* X*

Через три дня Вера получила его первое любезное письмо, и по телефону сообщила, что его содержание ей понравилось. И странное дело — он обрадовался. Назад домой с переговорного пункта он не шёл, а летел будто на крыльях... Дома сразу же сел и написал второе письмо:

«26 августа, поздним вечером.

Эти строки я написал две недели назад. Ещё не зная, что будут у нас с тобой две встречи, но и сейчас, перечитывал их., я могу расписаться под каждым словом, под каждой запятой, расписаться своей кровью, я не отправил их, потому что поехал сам, поехал по велению своего сердца... Если ты хоть раз в жизни любила, ты поймешь меня, поверишь, простишь и не осудишь. Любовь моя становится глубже и сильнее...

Два часа назад зашла ко мне мама.

- Я соскучилась по тебе, сынок...

Меня не было всего пять дней, меньше недели, я неудачно высморкался. Потекла кровь из левой ноздри. Лопнул, наверное, сосудик, артерия маленькая, я лежу на кровати, задрав подбородок,

- Я соскучилась по тебе, - говорит...

- Мама, мамулечка, надо же привыкать к мысли, что я - уже - отрезанный ломоть...

- Почему?

- Потому что у меня такая судьба.

- Откуда ты знаешь, что какая у тебя судьба? Может, твоя судьба жить в Рай- Центре*?

... Мне многого не понять. Впрочем, я и не стремлюсь к этому. Всю сознательную жизнь мечтал о больших свершениях, о великих делах, мечтал положить свою жизнь на алтарь отечества, - но вот как получается в действительности! - принес свою жизнь к твоим ногам, да, бери: “Возьми ее! Что мне жизнь без тебя?” - и я загадал. Помнишь, как у Высоцкого:

... И я загадал: выйти живым из боя! ...

От небосклона под частым дождем "Падают звезды.

И я помню первый день, когда наши руки объяснились скорее, чем наши глаза и губы, быстрее, чем словами, когда моя рука моментально сообщила твоей то, что налилось мыслью и выразилось еловом гораздо позднее - после бессонных ночей, горьких и радостных раздумий, встреч и расставаний, - задолго до всего этого нашим рукам уже стало ясно: - Я - твори раб, ты - моя повелительница!

... мы вышли под руку с ВДНХа. Первый раз в своей жизни я бережно держал любимую под руку. Уже одно это сделало бы меня счастливым на всю жизнь. - Мне так мало надо: Мысли путались, я не знал, что мне делать: плакать, или смеяться от счастья, плакать потому, что я не знал этого-раньше или смеяться, потому что вот наконец, -я узнал, что такое счастье, мысли путались.

- Я почти рад, - сказал я.

- Возмутительно!

- Я почти счастлив...

- Почему почти?

- Ну хорошо: я - счастлив!

В сиреневом, нет скорее лиловом небе вверху над нами — сначала шариками, а потом букетами из сотен разноцветных звездочек расцветали залпы фейерверка. Москва салютовала нам. Золотистые, оранжевые, красные, белые... Я задрал голову, опираясь на верную руку человека, которого знал вместе всего второй день в жизни, но которому уже верил даже больше, чем самому себе.

Не попадая в такт твоим шагам, спотыкался - всё как-то не хотелось расставаться с этим восхитительным звездным водопадом. В один какой-то миг вдохнув синего, кислого, наполнению отработанными пороховыми газами воздуха, я загадал: пусть будет что будет.

Если возьмешь меня замуж - значит, пойду на взлёт. Дер аспера ад астр или чрез тернии к звездам. Не возьмёшь - значит, не нужен я своей Родине, она меня не любит.

И я тогда отправлюсь, куда глаза глядят. Хоть эмигрирую за границу. Изгнание, мастерство, молчание... Вот так я загадал, не понимая того, что уже ранен насквозь, глубоко и в самое сердце, и, может быть, смертельно болен...

Солнышко, милое солнышко! Уже 12 часов ночи. Глаза слипаются, будто ресницы намазаны клеем. Голова уже ничерта не соображает. И если я написал глупость, поторопился, - извини. Извини и исправь! Ты вольна распоряжаться всем: и моими словами, и моей судьбой, и моей жизнью. Я люблю тебя!

Целую крепко-накрепко

*Навсегда твой Ф***

Над письмами он работал, как над рукописями: даже если ничего не получится со свадьбой, он был уверен, что события тех лет не пропадут, а войдут в какое-нибудь другое его произведение. Так жизнь у него с мальчишеских лет перепутывалась с воображением...

Была без радости любовь, разлука будет без печали.

Глава №18.

Сначала Глава восьмая. Затем 13. На самом деле оказалась: 19-я.

Х Х Х

Действительно в большинстве замыслов Человеческой Трагикомедии материала практически не было, а были одни голые, и потому очень неприятные с виду мысли, а иногда – и одна-единственная всего лишь строчка в несколько предложений без продолжения, но мысль для него эта была *ОСОБОГО РОДА*.

Какая же именно?

Для постороннего человека Человеческая Трагикомедия была вне всякого сомнения – пуста; а мысли совершенно ничего не значили: а для меня, если я записал – она значила очень много...

Почему?

Наверное, потому что для меня за словами возникало некое непонятное, невыразимое, но реально чувствуемое некое ощущение ... Иногда не ощущение, а настроение ... Было оно изнутри или привнесено снаружи?

Он сидел за пишущей машинкой, и уныло перепечатывал с вузовского учебника всеми десятью пальцами сразу как заправская секретарь-машинистка:

Ленин поражал своей скромностью и необыкновенной простотой. Ни одеждой, ни манерой держаться, ни речью – ничем внешне показным он не любил обращать на себя внимание. Рабочие и крестьяне говорили о нём: «Этот – наш!»

«ТЬфу, какую херню я печатаю!» - подумал он.

Пишущая машинка была с большим трудом достата для печатания своих произведений, ибо рукописи худышек литературно-художественные толстяки не видели в упор, но своё он по-прежнему писал от руки, потому что так было привычнее, - а печатал тексты школьных сочинений – для других... для того, чтобы на экзамене ученики могли быстренько переписать... Учитель, раздающий шпоры ученикам, - это был, конечно, ноухау советской педагогики, но такой типаж имел место быть к восторгу дебилов...

А надо стучать на машинке – надо готовить выпускной класс к написанию сочинения на аттестат зрелости. В этом году ему предстояло нешуточное испытание. Именно нашему герою, а не учащимся, которые и в ус себе не дули. И он, прекрасно понимая, что ни один из взрослых учеников вечерней школы не осилит самостоятельно — большинство было способно только переписать слово в слово текст учебника (и за то = спасибо!), а меньшинство при этом наделать ещё кучу орфографических ошибок...

Три темы для выпускных экзаменов (одна по классической литературе, другая – по советской, и третья так называемая «вольная») привозили из города в запечатанных конвертах и клали в сейф в кабинете директора...

Предугадать было очень трудно, и надо было делать заготовки ко всем темам без исключения, чтобы не гадать – три экземпляра под копирку... Он, конечно, понимал, что ...

От скуки и монотонности выполняемой работы наш герой задумался, каким на самом деле был Ленин. Если он был живым человеком, а не воплощением Бога на земле, то – ясно, что у него были недостатки, ясно, что были и другие—гораздо менее раболепные — описания его поведения и т. п. Нет, недостатков у него не было вообще... Этаким ангел... Ангел во плоти...

Сочинение на тему: «Ленин – Человек с большой буквы»

Ему вспомнилось название замысла собственного произведения: Чертангел...

Чертангел—Человек с большой буквы

А может быть он и стал человеком с Большой Буквы потому, что нас всех остальных

Центральная Нервная Система уделала и сделала – с маленькой?

Ещё одна тема – про Базарова...

УРСУ.

3. Дуэль

4. Едет к Одинцовой.

Признание в любви.

... наш герой никак не мог объяснить взрослым учащимся вечерней школы, что такое «крепостной», что такое «помещик» - и так далее

Коренастый крепыш, смуглый, потому что любил рыбачить, примерно его ровесник, отец двух симпатичных детишек из вежливости— чтобы поддержать увядающий на глазах разговор о «нигилистах» поднял руку и спросил как настоящий ученик:

- А почему они разрешали, чтобы священники пороли их розгами?

Но сидели учащиеся вечерней школы действительно тихо, и дисциплину не нарушали..

Во время переломных эпох обостренно чувствуется то, что очень быстро забывается в тихие времена без переломов. Почему рабы не бунтовали? почему крестьяне терпели? И т.п. – все эти вопросы непонятны с точки зрения вечности. Но это была всё-таки предпереломная эпоха, а не переломная...

Почему я тронул Живой Труп?

Ну чисто случайно! Попалась на глаза бумажка, я и переписал тогдашний вполне себе случайный набросок... Хотя всё это выглядит как некий заранее спланированный идеологический шлепок или хлопок ослиными ушами... Казалось бы, сводить счёты с прошлым, которое уже не может дать сдачи — невелика храбрость... Лежачего в Мавзолее не бьют...

Но всё же я думаю, что это — фамильная традиция. Мой дед по материнской линии будучи с сестрой моей матери вдруг обратил внимание на один из экспонатов и воскликнул:

- Тома, смотри! А ведь Ленин был дворянин!

Х Х Х

Незаметно потемневшее небо неожиданно прорезала молния с красноватым оттенком. Темнота, наступившая после вспышки показалась ещё гуще и чернее, чем была до этого, со стороны соседского балкона раздались какие-то стуки и грюки...

- Шарра-рах! - с каким-то зловещим шипением пророкотал гром; видно громовержец простудился, бедняжка. И решил откашляться вот таким макарон.

«А я же не закрыл дверь лоджии!» - в моём воображении сразу возникла картина, повергшая в сущий ужас: порыв ветер срывает её с петель и перебрасывает через перила лоджии вниз. Через оставшуюся от неё прямоугольную дыру залетает загогулиной напористый сквозняк вместе с водой, брызгами, вода струями хлещет по полу...

Я подхватился и без тапочек босыми ногами кинулся через прихожую в соседнюю комнату...

Когда я оказался там, вновь сверкнула ослепительная молния, и в её секундном блеске за дверью на лоджии я чрезвычайно отчётливо увидел — какую-то тёмную человеческую фигуру. Лица я не различал, но почему-то отчётливо показалось, что это—женщина, а не мужчина ...

Откуда ещё это взялось?

Я по инерции продолжал двигаться и остановился уже у двери лоджии, которая - слава Богу! - не была сорвана; она была крепко закрыта. Но к её стеклу снаружи прилепилось лицо.

Лик Чёрной Женщины

И в подступающей к горлу панике я выкрикнул:

- Ты кто? – мой ужас настолько усилился, что я стал задыхаться и сдавил свою грудь руками, пытаюсь унять сердцебиение ...

Нас разделяла тонкая стеклянная перегородка.

Её губы задвигались, и ничего не услышав, - всё же по губам я понял, что она произнесла: «Прочти, может пригодится!»

- Ты что дура?! - закричал я и попятился. Мне стало по-настоящему страшно, как бывает страшно только и только лишь в кошмарном сне. Я не помню каким образом я снова очутился в своей комнате.

...и— понял, что это, действительно, был сон, а я лежу у себя в постели и в наступающих предрассветных сумерках вижу предметы своей комнаты—тёмно-оранжевый абажур над собой, два флакона стоящего Но за окном, действительно, шёл проливной дождь; его пелена занавешивала горизонт, а капли дробно барабанили и барабанили по подоконнику...

Ни за какие коврижки я не пошел бы в тот момент снова в большую комнату. Я знал, что дверь из моей комнаты на лоджию крепко забита и был уверен, что Чёрная Женщина не сможет проникнуть ко мне в комнату. Холодея, я забрался под одеяло с головой и зуб мой не попадал на зуб от странной дрожи. Никакого желания разговаривать с этим неприятным призраком у меня не было. Да и не о чём было разговаривать. Одновременно я очень тщательно вслушивался в окружающие звуки. Я храбрился, но в действительности, я очень боялся в этих предрассветных сумерках увидеть её снова, и основой этой боязни было то, что батя и мать, спавшие в большой комнате, могли проснуться и увидеть эту Чёрную Женщину.

Или не увидеть?

Последний вариант почему-то пугал меня больше всего. Если я вижу Чёрную, а они не видят—то это явно начало очень мощного психиатрического заболевания ... А оно именно в данный момент, когда мне предстояло решать вопросы, связанные с возможным переездом в Москву—ох, как бы это не хотелось...

Страх, что всё откроется, был еще больше, чем страх перед Чёрной Женщиной, которую он привёз из Москвы вместе с собой, и этот страх, он парализовал дрожь, и вдохнул, и выдохнул ...

- Я тебя не боюсь... Я тебя больше не боюсь...

После этих слов он неожиданно для себя успокоился.

Наш герой понял, что он будет смотреть на Чёрную и будет не мигая взглядом врать, что он ничего не видит...

Н-да, всё это очень тяжело! За окном тем временем всё бушевала непогода: под напором дождевых струй стекла издавали странные звуки, как будто кто-то скрёбся по ним...

Подходя рационально к этим то ли видениям, то ли привидениям, Чёрная была за то, чтобы он остался в своём Райцентре и не переезжал в столицу...

Но здесь он уже был учителем, был газетчиком, потом снова—учителем... И возникало ощущение петли—удавки, которая стягивалась прямо как шагреновая кожа: золотой рыбке негде было укрыться в советском аквариуме... Конечно, можно было сыграть роль Патриота, но если ты – плохой актёр и выпадешь из люка самолёта...

Единственно – окончательно решить для самого себя вопрос: насколько реально его психическое заболевание он не мог... впрочем, очевидно было и другое: после Москвы оно усилилось... Непонятно, какими последствиями грозило всё это...

Психушки он не боялся; он её просто недолюбливал...

В конце концов у каждого человека должен быть запасной вариант...

Х Х Х

В круговерти будничных дел Москва начала вдруг отдаляться, и в один из последующих дней наш герой с каким-то суеверным ужасом осознал вечером, что за сегодняшний день он ни разу не вспомнил про Веру...

На письменном столе его накапливался ворох бумажек ... Глядя на них, он вспомнил про свои обещания писать письма каждый день.

- Я люблю читать письма, - многозначительно, как ему показалась, сказала тогда Вера.

- Я буду писать их тебе каждый день. — пообещал он.— Каждый день по письму.

Она весьма скептически посмотрела на него. Видимо, очень многое в его словах коробило Веру, но она молчала.

- Хорошо. Я буду ждать их... - наконец, сказала она.

Нуда, почему мужики врут, а бабы ревут? Нет, конечно, насчёт того – каждый день – это он погорячился, и даже очень.

Но для писем Вере — он уже понял это — нужно было особое настроение! Каждый день по такому настроению не получилось.

Он посмотрел на свои замыслы, выписанные на отдельный лист фломастерами, первыми из которых в духе зари перестройки шел замысел (они просто листом бумаги висели приклепленные на стене над письменным столом):

1. **Обреченные на несчастье** – и вдруг этот замысле как-то сам перевернулся и встал на колени - **Обручённые на несчастье** прочитал он буквы выложенные красной зернистой икрой на фоне черной зернистой икры. Он сфокусировал своё зрение и всё вернулось на свои места. Красным фломастером на самом деле было написано всё-таки: Обручённые на несчастье.

Таковыми Обреченными на несчастье, по его мнению, были все перестройщики; интуиция подсказывала ему, что ни хрена у них не получится. А вся перестройка—это не более чем Великая Октябрьская социалистическая провокация.

Попахивало чем-то специфическим: шаги в бессмертие! Шаги это что? Это потусторонняя жизнь, что ли?

Звучат шаги Командора...

Какое-то время наш герой тупо сидел за письменным столом. Подходящего настроения не было... Какое будущее его ждёт? С этим—сплошной туман, и ему захотелось, чтобы этот туман рассеялся...

И ТОГДА ОН, на некоторых местах задыхаясь от волнения, НАПИСАЛ ЕЙ СТРАШНОЕ ПИСЬМО.

Он положил перед собой лист чистой, но слегка проржавевшей бумаги и начал писать письмо Вере.

4.09.87

Любимая!

Исповедь. В давние времена был может быть плохой, а может и хороший обычай исповедоваться, рассказывать священнику всю правду как она есть, что сделал в жизни самого плохого. Сейчас такого нет. И слава Богу! Но мне хочется, чтобы на мгновение ты стала моим духовником, а я исповедуюсь тебе, скажу тебе, то, что есть, и как оно есть, то, что в свое время, может, из трусости, а может из страха промолчал, я долго колебался и сомневался, прежде чем написать тебе про ЭТО. Несколько раз начинал, и потом бросал. Но писать об другом, не рассказав тебе об этом, тоже не хотелось. Слишком мало еще ниточек, которые бы нас связывали, и я боюсь порвать их. я боюсь порвать их грубым движением, неосторожным глупым словом, я люблю тебя, вели я потеряю тебя - иногда мне кажется: переживу, но чаще всего - я не смогу жить без тебя. И я понимаю, что это глупо, но ничего не могу поделать с собой, я не знаю самого себя. Разум говорит одно, чувства - другое.

И всё-таки я решился написать, потому что люблю, потому что верю, потому что надеюсь, потому что жду...

Итак

- Почему ты не женился? - упрямый вопрос ребром повис в воздухе.

Ботанический сад. Грядки Розарии, туча бабочек, пауза. Молчание. Как трудно ответить на этот вопрос, когда рядом милое, дорогое существо, когда запах твоих волос сводит с ума, когда язык во рту как дубовый, когда рядом с моими губами твой коротко стриженный затылок, и сколько воли надо иметь, чтобы не поцеловать.

Ботанический сад. Розарий.

... Нет такого дня, когда бы я не думал о тебе. Мучаясь, горько и болюче, волнуясь за исход наших с тобой отношений; я понимаю тебя, но мне - всё равно! вопреки всем пониманиям - хочется, безумно хочется, чтобы мы с тобой поженились...

Итак, почему я до сих пор не женился...

- Почему ты не женился?

- Потому что мешала ты?,

- Как я могла мешать? я даже не знала о тебе?!

- Но всё равно, было что-то такое - даже на расстоянии... Может это предопределение... Всякий раз как я знакомился, что-то не складывалось... Духовное сродство, оно действует на огромных расстояниях...

*- ... - | - ... - | - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - | - ... - - ... - | - ... - - ... -
| - ... - - ... - - ... - | - ... - | - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - | - ... - - ... - | - ...
- - ... - | - ... - - ... -
- ... - | - ... - | - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - | - ... - - ... - | - ... - - ... - |
- ... - - ... -
- ... - | - ... - | - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - | - ... - - ... - | - ... - - ... -
| - ... - - ... - - ... - | - ... - | - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - | - ... - - ... - | - ...
- - ... - | - ... - - ... -
- ... - | - ... - | - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - | - ... - - ... - | - ... - - ... - |
- ... - - ... -
- ... - | - ... - | - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - | - ... - - ... - | - ... - - ... -
| - ... - - ... - - ... - | - ... - | - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - | - ... - - ... - | - ...
- - ... - | - ... - - ... -
- ... - | - ... - | - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - | - ... - - ... - | - ... - - ... - |
- ... - - ... -*

И если прощай, то навсегда—прощай. Твой навсегда Ф.*

Х Х Х

Из Неотправленных Писем Провинциала: «СЛОЙ ТУНЕЯДСТВУЮЩЕЙ И ПАРАЗИТИРУЮЩЕЙ МОЛОДЁЖИ» Копия Старшей Сестре с Большими Ушами.

ПЕРЕЗАПИСЬ ОТ 28.12.1986

Последнее время я всё больше и больше начинаю задумываться, а что будет дальше? Мне уже 31 год и прожита добрая половина моей жизни...

Ну, допустим, мы кардинальным образом изменим условия своего существования. В СССР станет больше порядка, справедливости, гласности, - на худом конце. По словам Карла Маркса: «Бытие определяет сознание, а не наоборот»

Наступит эпоха коммунизма?

Но мне кажется, всё-таки, что мира и покоя не будет...

Будет, наоборот, не легче, а гораздо тяжелей....

В самом деле, - мы развязываем дрожащими руками стихию рыночных отношений, потому что так диктует логика классовой борьбы в СССР, - борьбы социальных слоев за политическую власть, а это значит обострение всех и всяких противоречий, усугубление всех конфликтов...

Меры по оживлению экономики продиктованы логикой классовой борьбы на внешнеполитической арене - мы проигрываем в экономическом соревновании, и тем более в Стратегической Оборонной Инициативе (СОИ)... Отставание от дав-

ным-давно сгнившего на корню Запада нарастает год от года, точно так же как год от года крепнет мощь советского народа...

То, что будет обострение, показывают и Алма-Атинские события. Хотя они возникли на национальной основе - они показательны. Они показывают возможность репродукции не только на национальной основе. Как там написали во всех газетах начиная от органа ЦК КПСС и кончая тиражкой строителей Северо-Крымского канала - «слой тунеядствующей и паразитирующей молодёжи»

Это про кого? Про комсомольцев, что ли? Вроде непохоже... Мы часто говорим: уголовники, воры, деклассированные элементы...

А что если это та форма, в которой восстанавливаются:

а) буржуазные отношения плюс связанного с этим культа насилия, индивидуализма, аморализма...

б) товарно-денежные отношения...

Пэтэушники - тот слой агрессивных и злобных дебилов, где восстанавливаются

а) низкий уровень (, например, отказ Шульца)

б) паразитизм, безделье

в) подчинение слабых сильным...

г) создание бандитских отношений круговой поруки...

Х Х Х

И тогда ему снова пришла воображаемая сцена:

... - ... - : Даже если ты порвёшь всякие отношения со мной, 10 октября я буду стоять и ждать. Ко мне подойдёт дяденька или тетенька и спросят?

- Мальчик, ты чего тут стоишь? Да ещё с цветами! Ведь ЗАГС уже закрылся!

- Я честное слово дал... - отвечаю я.

И они сочувственно будут осведомляться, разговаривал ли я перед этим или нет, будут давать мне различные житейские советы. Ведь у нас – Страна Советов!

Потом они приведут толстую и очкастую дылда в красной фуражке.

- Товарищ караульный, - скажет командирша нарочитым сопрано или контральтом. - Какое вы носите звание?

- Я - рядовой великой армии труда, - отвечаю я словами мальчика.— Но обещаю дослужиться до форейтора. Честное слово!

- Товарищ будущий ефрейтор, приказываю оставить вверенный вам пост у загся.

Я помолчу, посопел носом и сказал:

- А у вас какое звание? Я вижу только вашу красную фуражку и совсем не вижу, сколько у вас звездочек... Вы — ... - ... - ?

- Да, я работаю в Первом отделе. Я - майор, - скажет дылда.

И тогда я приложу руку к широкому козырьку своей серенькой кепки и скажу:

- Есть, товарищ майор. Приказано выжить и оставить пост у Загса.

И с чистой совестью образцово исполненного долга таким макаром я побегу на вокзал, где первой же каретой скорой помощи поеду домой, в свой Усть-Фуйск на Каширском шоссе, палату №6...

Х Х Х

Картина, сама собой возникшая в слегка гнусном воображении нашего героя, была настолько жалостная, что у самого автора навернулась слеза. И не одна, а сразу несколько. Но он уже знал и был твёрдо уверен, что так оно и будет! Мимо него будут проходить чередой брачащиеся и их друзья и родственники, а он будет стоять и стоять, и час пойдёт за часом. Ветер нагонит тучки, как и положено для осенней погоды. От дождика он укроется, который если пойдёт – под козырьком соседнего подъезда. И вот уже закрывается загс... И все прохожие с собачками и без будут смотреть разными, но одинаково оскорбительными

взглядами на человека под часами с букетом в руках вместо ружья... А одна из собачек подбежит к нему и облает чужака...

Он встал и стал расхаживать по комнате, стараясь успокоиться под нахлынувшим не с того, не с сего видением ...

Потом перечитал снова письмо и уже удивился тому, что он написал. Как будто чужой человек. Но этот чужой человек написал правду. И сделал это не только его голосом, но и его рукой. И под этой чужой правдой он был готов подписаться.

Система зеркального отражения принесла ему небольшое облегчение. Он почувствовал как приближается час выбора, момент истины ...

- Ты не пошёл, это письмо, чудило — прохрипел хрипатый, - и не пошёл, потому что ты—слабак, ты—неврастеник и психопат... По тебе уже давно психушка плачет ... Горькими слезами! Только подумай: какой великолепной жемчужинной Жёлтого дома ты станешь!

... – и он пробил, этот час выборов!

- Не дрейфь! Если она тебя действительно любит, она тебя поймёт, - вмешался тихий и мелодичный голос.—тебе ведь не нужна её квартира, прописка в Москве, тебе нужно её чувство... И эти чувства ты должен проверить своим страшным письмом: существует оно на самом деле или нет ... Чтобы потом горько не раскаиваться в содеянном ЗАГСе ...

Лихорадочное состояние быстро обнулялось. Какая-то вялость и апатия навалились на него одновременно... Наш герой улёгся на спину и долго-долго – несколько часов подряд просто смотрел в потолок. Только через несколько часов он встал и бесчувственно заклеил письмо в конверт. Момент истины остался позади... Он даже второй раз перечитывать его не стал.

Х Х Х

Последние дни какое-то подспудное чувство, вполне возможно, именно интуиция упорно раз за разом подсказывало ему, что ничего у него не получится, что дело закончится ничем—несмотря на то, что прямого отказа не было, что-то серьёзно помешает ему... И вот оказалось, что тот, кто ему мешает—это он сам.

Но и не написать вышеприведённое откровение, он тоже не мог. Сколько бы он не думал над тем жизненным переплётом, в тисках которого он неожиданно оказался, ничего более решительного он придумать не мог... поэтому письма было отправлено. Ну а дальше?

...МОНАХ – что можно сделать из него?

Чтобы отвлечься, он стал делать наброски в рамках замысла, который пришёл к нему после возвращения из Москвы.

Все эти три дня, пока шло письмо. Он успокоился.

Он уже планировал своё дальнейшее будущее в Райцентре*: мысль о Южном берег К*, подаренная ему Потапычем, глубоко засела в его мозгу. Он планировал найти своих однокурсниц Гаю и Валю, которые жили в Я*. Он знал, что прописаться туда невозможно, но, если нельзя, но очень хочется, то, наверное, что-то сделать можно. Эту зиму он будет изучать географию всероссийского курорта вдоль и поперек... По книгам и картам, разумеется, пока там зимой и осенью мало народу ...

Поскольку он был уверялся в том, что с Москвой пора заканчивать, то своей задачей мыслилось перелить то, чему свидетель был в столице в некую повесть: таким образом Фотинья превратилась в Анжелику, а он сам воплотился в некоего сумрачного героя – Монаха. Молодого человека, ещё совсем не монаха, его дядя Мухтар привозит в Москву. Где он совершенно случайно знакомится с Верой. ... Имя главной героини он решил оставить навсегда.

... Отказавшись от свадьбы=женитьбы по непонятным причинам (поставленный в необходимость выбирать между двумя Верами – я выбрал православную!) Монах продолжает любить и наезжать в столицу, наблюдая с кровоточащим сердцем за дальнейшим развитием жизни свое любимой Веры...

Вера и Анжелика обсуждают странности поведения Монаха... Говорит, что любит, а - не женится?!

... и когда наш герой писал эти несколько писем, то вдруг стал ощущать, что то, что он приписывал своему Монаху в какой-то момент стали переполнять и его самого. Любовь? Но это была совершенно не такая любовь, о которой он читал во многочисленных литературных произведениях и иногда смотрел по чёрно-белому телевизору...

Х Х Х

И вот искомые три дня прошли, без особого трепета наш герой пошёл на центральный переговорный пункт. Сразу же по голосу, по его тону он понял, что Вера получила его страшное письмо.

Из трубки он услышал практически то, к чему он уже давным-давно подготавливал себя как в Москве, так и дома:

- Ты прочитала моё письмо?*

- Что? - не расслышала она издали.

-- Ты получила моё письмо?* - закричал он в трубку

- Да

- Ну и как?

- Ну что я тебе сказать могу? Если ты так на самом деле думаешь, то тебе лучше не жениться.

- Понятно, - тоном обреченного на казнь сказал он...

Сердце предательски заныло. Была без радости любовь, разлука будет без печали. Наверное, надо было что-то сказать, но не было заранее заготовленных ни мыслей, ни слов — к последнему разговору он не готовился.

Но тут Вера как всегда пришла ему на помощь, и он услышал от неё дальше и ледяное:

- До свиданья!

И хотя он был готов к окончанию поцелуйчиков, но всё равно на душе стало печально и грустно. Всё вокруг как-то съёжилось и потемнело. Он отнял телефонную трубку от уха и посмотрел на неё неумолимо пищащую ...

Х Х Х

В голове привычно мелькнула сцена:

« - На пять секунд всего, - выдохнул он.— На пять секунд и пару слов! - сердце замерло.

- Не трожьте меня, Петя — услышал он. Голос Своей героини — У меня операция. У меня — швы...

И бросила трубку, а Монаху в ответ — противно запищала ему в ухе: пи-пи-пи...

«Как ты скажешь так и будет» - пробормотал Монах и нежно и благоговейно поцеловал телефонную трубку.— «Так и будет навсегда, да!»...

Да...

Х Х Х

Сцена пропала из воображения.

Он продолжал сжимать телефонную трубку, которая уже перестала пищать — Эту трубку брали столько грязных рук, столько нечистых ушей прошли сквозь неё — и ему сразу после этой мысли расхотелось целовать эту телефонную трубку. Тем более нежно или благоговейно. Хотя это был бы очень красивый жест на прощание с его стороны... очень

поэтичный и романтичный! Достойный конвейерного воспроизводства во всех романах и повестях.

Но он вместо этого её просто повесил на рычаг. С некоторой неожиданно возникшей злостью.

Давайте, уважаемая читательница, оставим кину и любовным романам — где сказочно эффективны будут эти эффектные сцены, а в нашей грё... гря... грешной жизни они как правило неуместны и никаким боком в неё не желают вписываться— в неё... Правила санитарии и дезинфекции всё-таки лучше соблюдать жизни этой; менее грё– гря– и гре– она от этого не станет, но может быть меньше болеть придётся...

- Ещё заразу от этой трубки подхватишь ...

«Это—конец, - умиrotворённо прошептал тихий внутренний голос.— Конец Москве.»

Ему стало немного страшно от этого голоса: а вдруг и Старший Брат, несмотря на обнадеживающее расставание, откажет в дальнейшем гостеприимстве?

- Нет! Конец—это ещё не конец! - запел хрипатый голос внутри самой середцевинки его души.— а просто чьё-то начало!

Такое написание буквы «вэ» строчной я увидел в тетради одного дебила, где во время оно я преподавал пару лет. Такое написание показалось мне неестественным и вычурным, но вдруг уже на следующий день моя рука неожиданно сама собой точно так же написала эту букву - «вэ» строчное

Дурной пример заразителен! - подумал он.

Нет, говаривал Великий Ленин, - но мы пойдём другим путём ...

Но как всё быстро и неожиданно закончилось!

Как будто ничего и не было?

Просто чудеса!

Чудеса да и только...

Всё правильно! Чудес не бывает! Он вспомнил, как хотел поступать в МГУ – и даже попытался..-

=и скептический взгляд и со смешком в свою сторону:

- Чудес не бывает.

В душе у него стало зреть предощущение, что Монах сейчас пойдёт в рост написани-ем... Сама собой возникла сцена прощания Монаха с Верой, откуда-то взялись и зазвучали слова прощального диалога...

Опять по пятницам пойдут свидания...

Нет, не так. Свидания, конечно, пойдут, но Дрисня —городок маленький, засидевшихся невест там не так уж и много, старых дев, круг будет сокращаться... И надо посмотреть правде в глаза: шансы на успех очень и очень не велики

Нуда, чудес не бывает, НО иногда так хочется, чтобы они были.

может быть брат, точнее его жена—Фотинья найдёт ещё одну кандидатшу на вакантное место. В столице выбор побольше всё-таки...

И всё же наш герой неумолимо двигался к тому, чтобы остаться вечным холостяком...

А может быть это был просто сон, и вся Москва, и вся Вера ему только приснились? И никуда он не уезжал? а все эти две недели проспал?...

- Но у тебя есть Батя! - прохрипел хрипатый.—и Как ты своим родителям объяснишь? Особенно про свой сон.

- Эх ты, Буратино! Разве ты не понимаешь, что они поймут, - пробормотал неудачник.— Они меня поймут...

ПРОГНОЗ ПОГОДЫ В ДОМЕ

- ... - | - ... - | - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - | - ... - - ... - | - ... - - ... - |
 - ... - - ... - - ... - | - ... - | - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - | - ... - - ... - | - ...
 - - ... - | - ... - - ... -
 - ... - | - ... - | - ... - - ... - - ... - - ... - - ... - | - ... - - ... - | - ... - - ... - |
 - ... - - ... -

Молись, кому говорю!...

ПОСЛЕСЛОВИЕ к Первой Части

Мы планируем, что наша книга «Повесть о счастье, Вере и последней надежде» будет состоять из трёх частей:

Чудес не бывает, НО

Это первая часть Повести. Её заголовок совпадает (к счастью или не кстати!) с заголовком уже нескольких книг нескольких авторов... Поэтому мы поставили в конце НО/

При этом важно заметить— с замечанием: НО — это не ню... Хотя... Ну ладно, пусть будет так. Но всё равно это отнюдь не исповедь, это художественное произведение.

Это хотя и неполное, но всё равно повествование о знакомстве главных героев, которое вдруг ворвалось в их жизнь неожиданно достаточно и точно так же неожиданно разорвалось. Конечно, всего рассказать невозможно. Да и не нужно.

Сейчас эта первая часть под названием « **Чудес не бывает, НО** » закончена неокончательно.

И именно она лежит на мошковском Самиздате. Ещё более ранний вариант опубликован на целом ряде других Братских Могил—так я называю сайты самопубликации...

...Когда я писал первую часть своей скорбной и горестной Повести я постоянно думал об одном и том же, достаточно банальном, но тем не менее об этом, иже не преjdeши...

- Когда мы познакомились, мы не понимали, что мы были счастливы неизбывным счастьем...

О, как ужасно мы были счастливы!

...Что та жизнь, которой мы жили и которая казалась нам такой – ну скажем так, средней хреновости, именно она в действительности была настоящим счастьем, таким большим, таким могучим.

Но мы этого не ценили. Нам было всё как-то не так и не то как-то... Мы считали, что счастье — где-то впереди!

Чтобы осознать это своё минувшее счастье, должны были пройти десятилетия, чтобы напоследок окунуть нас в настоящее чёрное и безысходное горе, горькую беду...

Это ощущение не покидает меня и сейчас.

Когда обычный человек белкой в колесе колесит по конвейеру жизни, отягощённый бесконечными, следующими одна за одной, бытовыми заботами и тревожностями, у него не так уж и много времени (иногда выпататься не хватает!)...

- того особого времени, чтобы задуматься – разве только кто-нибудь рядом вдруг сдохнет, ну ладно, пусть будет окочурится – чур меня, чур! - он не вполне естественно не хочет по-настоящему: где он живёт и как.

Поэтому так тяжело— однажды придя в морг, заглянув в уже закрытые навсегда такие чужие глаза совсем недавно такого родного человека, а затем и на кладбище в разверстую пасть могильной ямы, задуматься ...

У большинства, громадного большинства хорошо срабатывает механизм вытеснения, потому что там, где теплится жизнь, там нет смертельного холода...

...Я не говорю уже о том, чтобы задуматься: а зачем я живу?

Впрочем, есть люди, которые ухитряются даже при встрече со смертью отстраниться от ненужных мыслей...

Когда я в октябре 2014 года начал писать первую часть, то пошло всё также тяжело и я, прочитав написанное, - я затосковал, что это никто читать не будет: мало того, что не отшлифовано и не оформлено как след, так ещё и сплошная 'депрессуха'.

, конечно, можно было опрокинуть всю эту «депрессуку» на читательскую голову и ткнуть ему в глаза...

Мне показалось это несправедливым.

Я ведь и сам, - до этого, - был не самый большой охотник ходить по кладбищам...

Тогда я стал придумывать что-то комичски нелепое и тому подобное и вставлять в текст как сны вставляются в нашу жизнь, чтобы встать утром со свежими силами и хоть как-то скрасить тяжёлый эмоциональный фон... Выспишься, глядишь и утром – полегче...

Сильно это не помогло, хотя читатели уже есть. Пишу для женщин, а читают меня преимущественно мужики, а если читательница – то непременно, почему-то, поэтесса... а я с рифмой - не бэ, ни мэ, ни кукарэку...

Но альтернативы нет.

- Будет ли заново переписана эта уже написанная Первая Часть?

Хороший вопрос. И я думаю, что текст её действительно будет переписан.

Не полностью. Но частично — да.

Во-первых, жизнь продолжается, декорации меняются и этот бурный поток что-то неизбежно вымоет из текста, а что-то точно так же неизбежно приплывёт в него течением времени..

- Дак все эти слова – в воле нашей, - ответил автор, - давайте переделаем, пока ещё горит свеча...

Текст может пойти своим развитием в несколько направлений...

Прежде всего в сторону постмодернистическую — путём расширения разного рода накруток... В том числе и фантазмов. Наличие Чёрной Женщины как бы благоприятствует этому... Есть мысль сделать Попугая Кёшу (Спасибо за подсказку Натаниэлле) второстепенным, но показательным персонажем... Останавливаюсь лишь тем, что пока мне неясно в чьей семье это русскоговорящее животное «Попка дурак» будет жить: у Веры или у Старшего Брата...

Но может пойти и в сторону реалистическую. Советы и подсказки со стороны Ольги Деви направляют в эту сторону... При этом элементы потока сознания будут убираться с читательского пути:

Путём объяснения что к чему относится и откуда взялось на самом деле

Введением дополнительных связующих элементов в виде сцен, диалогов или даже просто монологов...

Не исключаю его развития и в сторону автобиографическую...

Текст первой части постоянно шлифуется. В ней уже порядка девятнадцати главков, а может - будет больше. ...он уже оброс важными комментариями, и я думаю, что это вполне себе интересные комменты, которые после обработки обязательно войдут в текст. Кроме того, необходимы примечания к каждой главке, поскольку текст перенасыщен аллюзиями, и хотя бы часть из них надо обозначить - пусть будут для общего развития.

Естественно, что наиболее полный и аутентичный текст, в котором есть немножко то, чего нет ни на мошковском Самиздате, ни на Дамском клубе, - я выкладываю на этом нашем сайте Мужество Жить... Именно туда вносятся в первую очередь поправки и новации

Вторая Часть Повести о счастье, Вере и последней надежде.

«... иногда так хочется, чтобы они были...»

Вторая часть Повести: **«... иногда так хочется, чтобы они были...»** - это вторая часть

Повести о счастье, Вере и, последней надежде.

Она безусловно будет самой трудной. Она будет нечитабельной. Это будет простой, т.е. достаточно вычурный, рассказ о семейной жизни простой сначала советской, а потом российской семьи с теми же самыми, что и у сотен тысяч других рядовыми проблемами...

В Чудес не бывает, НО был хоть какой-то интерес: встретились парень и девушка—ХЭ или не-ХЭ хотя бы? Хо хо не хо, а ха ха...

Но и то сказать, что редкий читатель не то, что долетит до середины моего бурного словесного потока, но и в воду попасется войти ...

Вторая часть «... иногда так хочется, чтобы они были...» будет повествовать о том, как то ли судьба, то ли ещё что-то совершенно неожиданно снова свела наших героев, об их свадьбе и дальнейшей семейной жизни героев в Москве, рождении ребёнка и т. п. В общем, скука беспросветная, но зато тоже очень похожая на сон, то есть - на жизнь нашу... Или ещё одно подтверждение того, что суженого и на коне не объедешь...

Хотя ведь как ни крути и не верти, но сны делают нашу жизнь разнообразнее и красочнее... Пусть даже кошмарно красочнее... Вы сможете прожить не спавши, без снов? Нет, конечно. Все люди должны обязательно хорошенько выспаться.

Вторая часть, вполне естественно, будет ещё неинтереснее первой, и там не будет девиц, танцующих канкан, и будет идти наперекор тому, что говаривал правнук арапа Петра Великого: «Все жанры хороши, кроме скучного» - а я вот напишу в самом скучном жанре... но снова процитирую (я же как-никак постмодерн творю!):

Судьба, насмешница, шалунья
Определила так сама:
Всем глупым: счастье - от безумья,
Всем умным - горе от ума!

Единственно отличие, что про политику во второй части будет всё меньше и меньше... Объясняется это просто. Неотправленные Письма имели своего постоянного читателя— штатного оперумолноченного. А в те годы его сдуру возьми и отмени?! А если читателя нет, кому писать? - неинтересно становится...

«Есть ли жизнь во вселенной?»

Непонятно. Да, действительно, непонятно, потому что пропущен ряд кардинальных моментов, сцен, диалогов и даже один поступок— которые именно они сделали бы **Чудес не бывает, НО** гораздо понятней и ближе читателю...

Но мы не специально запутываем читателей, это вынужденная позиция... Которая объективно почему-то ведёт к путанице...

«Есть ли жизнь во вселенной?» (Заголовок ориентировочный) - третья часть о жизни героев после трагической гибели их единственного сына. Наверное, это будет самая полезная (а может быть, даже самая интересная) для будущих читателей часть. Хотя и самая тяжёлая... О жизни двух «живых трупов», пустой, бессмысленной и бесполезной ... В общем, я ещё раз вас разочарую...

Впрочем, всё в Воле Божией...

Ещё раз большое спасибо. Заходите на наш сайт. Будем рады.

С уважением, Пётр Казимирович

А почему вы сразу всё объявляете? – читать будет неинтересно!

Изначально основной целью повествования ставилось отнюдь не интрига, не занимательность повествования. **«Повесть о счастье, Вере и последней надежде»** - это единственное произведение, которое предназначалось к распространению бесплатно – это ведь память. Я вообще отказываюсь понимать, как можно книгу о погибшем сыне — продавать?! Это что значит — наживаться на его гибели?

Это вы его специально убили, чтобы на его гибели заработать деньги..

Дак после его смерти, нам не то, что деньги, нам и сама наша жизнь не нужна...

Но воспринимать это всего лишь как мемуары, воспоминания нельзя, потому что понимая что конкуренция здесь настолько острая, что...

Ну и немаловажным является, что многие действующие лица были бы раздражены увидев своё не совсем по их мнению правильное отражение

В первой части «Чудес не бывает, НО...»

Круг участников не велик, и надо отдать им должное, некоторые не прочитали про себя (ну и слава Богу!), некоторые прочитали, но не обиделись, а Вера сказала, что очень много – про него, чокнутого, и очень мало про неё...

- Дак все эти слова – в воле нашей, - ответил автор, - давайте переделаем, пока ещё горит свеча...

Несомненно и воздействие открытия недавних страничек— «тяжёлой энергетики стиля» или как написала Натаниэлла: «Наверное, вы очень интересный человек!»

“... и жизнь, и смерть, и скорбь пророка! №13

Предупреждение: *главка сия, точнее рескрипт оный находится в данный момент в Супер-Цензурном комитете пред иллюминаторами Наивысшего Разума. И поскольку окончательного высочайшего запрета на сей кощунственный текст ещё не поступило, поэтому не сам автор, но волею сложившихся обстоятельств вынужден публиковать как есть - на условиях открыто публичной лицензии “ГНУ”. Но вынужден также преуп ... вре-доуведомить читателя, что в дальнейшем текст может серьёзно быть скорректирован с учётом внешне - и внутренне политической ситуативной ориентации и ориентировочной ситуации. Так что, не упusti сей единственный шанс, читатель! Читай, пока читается ... Пока горит восковая свеча!*

22.05.2015 9:44 а почему глава не может быть названа вопросительным знаком? А почему не может быть двух тринадцатых главок, - наконец??

... Фотинья оказалась перед массивной железной дверью с огромным количеством блестящих заклёпок, напоминавшей вход в люк космического корабля с фиолетовой планеты Тау Ёпсилона.

Инопланетянка перестроечных времён, появившаяся на пороге, была жгуче выкрашенной брюнеткой и вся в пёстром: если набравший стремительно моду маскировочный халат, зелёно-пятнистая или песчаная форма которого призвана скрыть военнослужащего в окружающем его мире, то здесь всё было с точностью до наоборот - в этом одеянии представительница Наивысшего Разума была бы заметна и в пустыне, и в горах, и в лесу - в общем, везде, где только можно? - она была бы самым ярким и притягивающим взоры пятном...

Прежде чем войти в жилище ясновидящей, Фотинья сняла чёрные очки и удостоверилась, что это было точно животное воплощение мишени, не попасть в которую невозможно. А жирно обведённые чёрной тушью глаза делали гадалку похожей на клоуна, виденного ею во время коллективного культпохода в цирк ихнего 8-Б класса - на Цветном бульваре в незабвенные школьные времена...

* * *

Незадолго перед этим Фотинья села на троллейбус №13 и доехала до остановки Большой Чудов Тупик имени Членов Совнаркома. Походя к подъезду пятиэтажной хрущобы, она неожиданно очутилась в окружении трёх ободранных чёрных котов. Это её так немножко неприятно поразило, и она приостановилась ... Ей и хотелось, и кололось, и бабушка старенькая, православная, не поощряла эта - более того, ругалась и грозила небесными карами.

И всё же Фотинья, будучи комсомольского вероисповедания ещё с десятилетки, сделала шаг навстречу ...

* * *

...Впрочем, по прикиду эта представительница профессии, катастрофическими темпами размножившейся в Последние Времена - как саранча истинно! - по-прежнему мало чем отличалась от цыганки: и встретив её, под вечер где-нибудь за углом здания областной автостанции - рядом с переполненной мусоркой, вряд ли бы кто отличил породистую и потомственную колдунью от представительницы древнейшего арийского кочевого племени, столь люто ненавидимого фашистами, неофашистами и прочими анашистами всех времён и народов.

Она маняще к себе взмахнула рукой, и раздался лёгкий перезвон золотых монет.

- ... мне вас рекомендовали. Дело в том, что у меня есть хорошие знакомые, я желаю от всей души им счастья. Могу ли я узнать их дальнейшую судьбу? Поженятся они или нет?

Это можно?

- Да-а-а, - нараспев протянула цыганка. Видимо, готовилась в оперные певицы, но ворожба оказалась попрacticalнее. - А чего они сами не придут? - голос был хорошо поставленный - басовитый.

- Да они - такие ... - замялась Фотинья.

- Ка-а-акие? - наклонив голову набок, из-под полуприкрытых глаз она сверлила взором

...

- Да они неверующие - атеисты они, - вот что... Или эти - ах-г-гностики, - с трудом она выговорила дурацкое слово, подхваченное из разговоров мужа со своим братом. И вдобавок ей хотелось показать, что и она к дурости причастная тоже.

- Атеисты - это хорошо! Это прекрасно, когда атеисты, заходите, - пригласила ясновидящая Небожительница вовнутрь.

Квартира была сильно перестроена: видимо из советской двушки спешно сделали российскую однокомнатную экстрасенсорную рубку инопланетного космического корабля - получилась одна большая зала с прямоугольным столбом где-то примерно посерединке. На остатке несущей стены было намалёвано что-то вроде глаза, или - прости Господи! - женского полового органа в натуре ...

- Да будет вам известно: я - крёстная сестра Джуны Джугашвили. Меня зовут Грёза Самуиловна Си-и-идо-о-орова-а-а - нараспев, как в опере, произнесла пифия; давала себя знать незавершённая до аттестата детская музыкальная школа.

- Гюрза? - не расслышала Фотинья

- Да не гюрза ... Гюрза - это тварь такая, ящерка - А я - Грёза,

я - Мечта,

я - Светлое Будущее,

я - Птица Счастья!

- и продолжила хорошо поставленным речитативом - я владею абсолютно всей чёрной и белой магией всех древних дальневосточных народов - евреев, арабов, клопов и индусов а также деби-и-илов. - и далее нараспев: - Мы, и-и-имбеци-и-лы, - очень древний народ, древнее нас нет никого на свете ... Десять тысяч лет назад под водой великий Аль-Бах-в-Пах ...

- Да-нет - зачем так круто, мне в пах не нужно, Гюрза Самуиловна, мне что-нибудь попроще, подешевле ... - прервав душераздирающий вой словесного фонтана, сразу взяла быка за рога Фотинья (Точнее: корову за вымя). - Мы люди небогатые ...

- Ва-а-у ... А зачем тогда пришла? - уже с первого взгляда ведьма показалось очень тупой, и покамест Фотинья всё больше уверялась в верности первого впечатления.

- Ну затем и пришла, - немного озлившись еще раз объяснила Фотинья, и её круглые как у мудрой совы глаза выпятились и стали ещё круглее.

- Ну и чего ты хочешь? - пожалала округлыми плечами цыганка всё пристальнее и пристальнее всматривалась в круглые глаза клиентки славянской внешности. Фотинье захотелось уйти от этого неприятного взгляда, но она не привыкла отступать.

И они померялись взглядами - кто кого. Время от времени во время этой безмолвной дуэли - как в гляделки школьных времён! - ворожея позванивала своими навороченными золотыми монетками, там и сям прикрепленными к балахону ... Наконец, несколько зловонный сернистый запах появился в комнате. Предупрежденная бабками с завалинки заранее Фотинья поняла: нужно было поторапливаться.

- Денег хочу, - зло сказала Фотинья, - и - побольше!

- Ну-е-у- этого все хотят ... У-У-у! - миролюбиво завывала контактёрша с Наивысшим Разумом.

- Только вот скоро деньги отменяют ... - ворожея сделала многозначительную паузу.

- Ну отменяют так отменяют, нам не привыкать - будем по карточкам да талонам отовари-

ваться.

- Ты меня не поняла! - фамильярно поправила ясновидящая: - я сказала - обменяют, а не отменяют - обмен будет большой ...

- Да мы знаем, - опять оборвала Фотинья. - И так уже меняем всю: деревянные - на зелёные ... Только я не за этим пришла: мне сказали, что вы хорошо гадаете, - да или нет?

- Угу-у, - совсем непонятно пробормотала неторопливая гадалка. - Это не я сама... - закатила подмалёванные глазки опытная дура ...

- Это всё он! - и широко раскрыла золото-фиксатый рот, из которого далеко-далеко пахнуло нечистым духом ...

- Короче, Склифоссовский! - закрыла её гавнодышащую пасть Фотинья. Она была не только непоседлива, но и нетерпелива. Нет, скорее - просто цинична, то есть ценила своё время, которое находчиво превращала в деньги.

- Вы скиньте мне на картах: поженятся ли мои знакомые или нет? И какая у них будет дальнейшая судьба?

В комнату вошел, волоча брюхо по полу, вальяжно чёрный кастрированный кот.

- ... - - ... -

- И это всё, что ты хочешь знать? - спросила возмущённая недогадливостью клиентки экстрасенсориха.

- Да, - а что? - напряглась Фотинья.

Чёрная Грёза закусилла верхнюю густо накрашенную губу ..

- Неужели ты не хочешь спросить?

- Что?

- Не что, а кто! Кто вмешивается в их жизнь?

Ещё секунда назад она и не задумывалась об этом, но сейчас вдруг поняла, что Чёрная шаманка Права, и вопрос, кто вмешивается, имеет место быть ...

- Да, хочу ... действительно тоже такое хочу ... - несколько растерянно пробормотала Фотинья.

Чёрная кошка улеглась на не то, что дореволюционном, а скорее - допотопном потоптанном изрядно антиквариате.

... - Все ритуалы вуду-юдо - древне языческой магии хаоса и хреноса, херомантию и хиромантию, некромантию и фекаломантию, тантрическая манта и кармическая писта, сатанизм и вульвизм ...

Фотинье вся эта ругань не понравилась:

- А без мата! - что нельзя? - осведомилась она.

- Это, моя дорогая, не матерщина, нет, не матерщина, а самая что ни на есть предметная и 100%-но результативная магия при помощи:

- крови!

- соплей!

- мочи!

- кала и спермы,

= волосня тоже предмет сверхмагический, поэтому не плюй направо и налево, волосы не теряй ни сверху, ни снизу - всё твоё потерянное тобой может быть использовано Наивысшим Разумом против тебя самой, твоих детей, внуков и правнуков - земля могильная и замогильная ... Звуко-манта, свето-манта - и самая ужасно смертоносная - затараторила ..

- Бредо-Мандия, - подсказала Фотинья с некоторым ехидством и как бы в тон, но всё же ей стало не по себе, и своим ехидством она пыталась справиться с нарастающей гадливостью.

- Молчи, о женщина! - мужицким голосом гаркнула нечистая сила. - Самая смертоносная на свете - Магия Имени. Именем Закона наинизшего снимаю порчу в бизнесе и одеваю на соперницу венец безбрачия. Как египетские жрецы и древнерусские волхвы я подклю-

чаюсь к Верховному Эпистулу, я подпитываюсь его божественными высерами. Когда боги газуют, колдуны и маги - кайфуют. Простому смертному это не дано понять! Только обонять!

“Эпистула? Это что за импортного унитаза марка?” - задумалась Фотинья.

- Не отвлекайся! Тащи карту!

Фотинья не хотелось прикасаться к ворожке.

- А иначе нельзя? - она по-детски спрятала руки за спину.

- Представь их так себе... Как будто они присутствуют сейчас и здесь! - повелительно.

- Как будто они пришли вместе с тобой, и сейчас они стоят за твоей спиной ... Они - рядом! Они - здесь!!

- А я тут причём? - оглянулась, почувствовав что-то неладное вокруг себя, Фотинья: СТРАННО, НО НИКОГО вокруг неё НЕТ!

- Это всё очень сложно, - весомо произнесла Пёстрая Лента и посмотрела на неё слепыми бельмами. - Это...

- Если очень сложно - тогда не надо! - перебила её Фотинья.

- - D Y R S H C H A K B V A E L I U N A G K H M E D Z H Y Z !

- Что? Что ты сказала? Я чего-то не поняла!.. Повтори-ка, пожалуйста!

- У-у- у-у-у!

Фотинья поёжилась. Продолжая по-голодному выть, Чёрная Мать приблизилась к самому её лицу и выдохнула как будто во рту был кусок говна:

- Я тебе повторю, но - позже ...ещё позже ... "

- Мяу-у-у-Мяу- у-у - тошнотворный голос чёрной кошки усиливался, и мяуканье становилось невыносимым: периодами - оно то возникало, то исчезало ...

у-у- у-у- - очень неприятно и тоскливо завывала экстрасенсориха.

- В их жизнь! - В их судьбу вмешиваются супер большие и супер мощные силы! Они хотят изменить всё - ё - о - о! - зациклившись на звуке “о” она снова хрипло завывала как дикое животное только уже на “у”, а на букву “о”; чтобы не было никаких сомнений, кого она из себя представляет, эта человекообразная обезьяна еще и замяукала, подзадоривая своих аккомпаниаторов. Вторая, мирно спавшая в углу на задрипанном половичке черная кошка, проснулась и с испугу дала дёру на кухню. Скоро там начнётся кошачья свадьба.

- Это кто - Лёнина мать? - не удержавшись, громко спросила Фотинья. Она знала, что сам Лёня ни во что вмешиваться не будет. Он полностью зациклен на самом себе и на своих сценических успехах ... Точнее на их отсутствии ...

Шаманка перестала звукоподражать. И неловкая тишина воцарилась. Видимо, Инопланетный Разум оборвал Контакт, не достигнув никакого оргазма, и колдунья тупо и ненавистно смотрела на посетительницу - как Ленин на буржуазию... Но что-то неприятное и скверное было во всём этом, оно давило Фотинью, хотя она и храбрилась. Откуда-то издалека как будто с того света, а скорее всего - из припрятанного в засраном углу динамика донёлся голос Чёрной Вороны:

- Кар-р-р-р! - картовое произношение сакрально критериальной буквы лучше всего выдавало секрет национальности не только Ленина, но и этой зловещей птицы. Ведь все картавые - это - ... - , не так ли?* Воронье отродье!

Пауза затягивалась. В логове Наивысшего Разума пахло всё хуже и хуже. Но тут Фотинья сообразила другое:

- Я что ли? Вы что думаете, что я вмешиваюсь?

- Нет, - испугалась чародейка-чернодейка. - я Так не думаю!

Чёрная Мать запнулась и посмотрела на неё полу-закрытыми глазами - это был её коронный приём духовного джиу-джитсу: “Взгляд бельмами”. Впрочем, не только её личный приём. Этот с первобытных времён должно быть означает, что обезьяна впадает в магнетический транс, в котором в её - ... - входит - ... - и она - ... - - ... -

Взяв в руки блестящий округлый предмет, ясновидящая принялась гипнотизировать

Фотинью, почти как Чудак Кошкаровский с экрана зомбоящика, поводя позолоченным ситечком направо и налево - да не тут-то было ... В отличие от многомиллионного советского народа Фотинья продолжала смотреть на магические пассы вонючей брюнетки достаточно цинично и лукаво. Усиливающийся сернистый запах согнал кота с насиженного места, и тот злобно урча пробежал снова на кухню... Даже бедное животное никак не может привыкнуть ... Как мучительно всё это!

Любопытно и другое: окно в рубке инопланетянки было зашторено, лампочка Ильича светила слабовато, в пол-накала, и вот в этой полутьме кружок в руках ведьмы источал ясный свет и даже пускал какие-то бледные лучики огоньками перебегающие ... Хм! Видимо, фосфором было натёрто. А иначе как они добиваются такого эффекта?

- Я ВИЖУ ЧЕРНОЕ!! - басовито взвыла опять мужским гласом -

Тут Фотинья догадалась, что это уже начался второй - ... - акт космической оперы, но если это была опера, то это была явно жабья опера - гадалку как-то зацикливало на отдельных словах и даже отдельных звуках; она раз двадцать повторила слово "чёрное" будто других слов не знала, но потом её прорвало:

- Всё горит! Горы горят! Леса стоят - пламенем пышут! Жарко! - процитировала она Го голя сама того не зная. Кошка с кухни заверещала, как ужаленная. - О! как много ЧЁРНОГО я вижу! Это просто кошмар!! Это очень жарко!! У них - чёрное будущее!!! Жарко мне ...

Кошка замыкала с кухни, как будто деранутая мальчишкой-озорником за хвост. Фотинья поёжилась. Что-то безумно тяжелое и тяжело безумное наваливалось на её сознание, но она держалась пока молодцом. Она пыталась сопротивляться духовному насилию и психологическому шантажу вонючки.

- Чего это она это всё мяукает да мяукает? - заткнула мизинчиками уши Фотинья. Хотя ей было и нужно всё это, но её терпение заканчивалось. - Меня это нервирует. - она вытаскивала пальчики из ушных пробок и почистила мизинчик левой руки о пояс юбки.

- Молока ей нету, - повторила цыганка. - Молока, понимаешь, в доме нету...

- Плохо работаете! - деловито подытожила Фотинья в этот самый мистически-магический момент из всех моментов своей жизни. Даже когда зарезали её брата, не было такого состояния души. Что-то вязкое и неприятное явно присутствовало в этой комнате, в этой квартире.

Целительница задрожала, завибрировала всем телом. Атмосфера наполнилась таким ароматом, что полностью симитировала туалет типа сортира Эм и Жо с единственно отсутствующим компонентом - запахом хлорки.

- Ближе ... Ещё ближе ... - замогильным шёпотом. Фотинья наоборот попятилась дальше ... Ещё дальше ... Ей уже не хватало воздуха ... И это подсознательное, но интуитивно понятное телодвижение её спасло.

Потому что тут Чёрная Мать, совершенно не стесняясь, издала всем своим существом очень громкий звук, спутать который ни с каким другим звуком попросту невозможно - она; видимо, обделалась со страху от той ужасной картины, которая предстала перед её внутренним взором:

ПУСТОТА..,

НИЩЕТА...,

СЛЕПОТА...

- У них - чёрное=пречёрное будущее!!! - ... - - ... - - ... -

- Фу-е-е! - не выдержала Фотинья, хотя она и была предупреждена заранее, но такой концентрации амбрэ не ожидала - Вы бы хоть противогаз клиентам выдавали. Мантру-то или тантру свою подмывать надо! - зло сказала она почти в истерике. - - ... - - ... - ! - потом смягчившись пошла на всемирно-исторический компромисс: - Кстати, у меня есть мыло - дезодорирующее мыло, раз в неделю промоешь между ног - и на несколько дней хватает! У подруги моей муж - лётчик, он из Эмиратов привёз. Если вы им подмоетесь, у вас не будет

проблем! Заодно клиентов меньше отпугивать будете!

- Дура ты! Дура ты проклятая! - затряслась Чёрная Мать, отчего атмосфера в капище Ордена Колдунов Киевской Бела=руси ничуть не улучшилась - Да неужели ты не понимаешь? Да это не я вонючая, Это запах конкретного присутствия здесь... Это настоящая подлинная сила сильная. Это - ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ \---- сам собой, собственной персоной и оно будет здесь! Оно движется! Ты обоняешь предтечу! Ты ощущаешь его пред=явление! Ни у кого лечения нет, только у меня одной в Москве, об этом даже в Белом Доме знают! Это сто-процентная гарантия! - со слезами в замогильном голосе завопила несчастная, заламывая руки, отчего браслеты - ну прямо как живые зашевелились позолоченными змеями и пошли вприсядку ...

- А я сама - чистая пречистая! Я сама - стерилизованная! Вот! - и она как небывалая стриптизёрша задрала подол длинного цветастого одеяния...

В этот момент Фотинья, всё более и более похищаемая инопланетянами, почувствовала это; она как бы со стороны увидела себя - со стороны - в большом и длинном трех-этажном мраморном дворце с колоннадой и со множеством светлых солнечных комнат. Шикарная мраморная розовая ванна журчала и плескалась у её ног. А зеркал-то сколько! Ба-атюшки! "Я ж не про себя спрашиваю? При чём тут я?" В мозгу что-то слегка поплыло. Но ненадолго. Её затошнило.

- Если ты не задохнёшься, если ты выдержишь, ты увидишь ... самого и... - вой и мяуканье двух кошек уже действовал не только на уши, но и на серёдку черепашки. Что-то застучало, запульсировало в самом мозгу — Щас! Щас! Он уже на подходе! Ещё немножко и...

- Не-е-ет, хватит! я уж лучше пойду домой!! - истерически закричала похищенная представителями внеземной цивилизации с Тау Ёпсилона и бросилась к двери, пытаясь справиться с позывами на рвоту. "Домой хочу!" - застучала она ладошками в бронированную холодную поверхность ...

Что и говорить вся эта атмосфера психологического давления, несмотря на всю свою оперность и опереттистость - и на то, что Фотинья Светоносная была и боевой подружкой по характеру, но даже она не выдержала и была доведена до паники. И теперь попробуй отрицать силу нечистой силы?

Но после её истошного крика "домой хочу!" катастрофически зловещая тишина воцарилась в логове Наивысшего Разума. Замолчали кошки, которым, видимо, налили наконец молока, и они поспешили лакать его из блюдечка, урча друг на друга; тупо молчала ясновидящая Наивысшего Разума, уразумевшая что червонец с криком "Домой!" явно уплывает не только из Тау Ёпсилоновского командного пункта, но и из её рук. А это было для неё хуже смерти.

- Ка-ар-р-р! - чтобы спасти положение второй раз подала голос страх и ужас наводящая чёрная птица.

Прошла минута, и ...

Кто-то три раза как метроном жутко постучал в дверь.

- Виктор Миронович, вам повестка!

Рывком потомственная ясновидящая, имеющая 40 ступеней посвящения, распахнула задрапированное шторами окно и в комнату как будто вбросил чёрную ворону. Но нет худа без добра: вместе с собой Чёрная Птица несчастья принесла относительно свежий воздух ... Фотинья вздохнула и закашлялась.

- Привет, Невермор! - сказала пернатому исчадию коронованная в церемониальную магию опытная дура. Видимо, по замыслу сценариста-кукловода из Белого Дома это черное существо и должно было изображать если не сатану, то хотя бы на худой конец Вельзевульва...

Ворон, брошенный ассистентом-невидимкой нечистого на бок, хлопнул одним крылом об пол, перекатился с боку и встал на лапы, подошёл к застывшей у двери Фотинье и, на-

клонив голову с полураскрытым клювом, одним глазом снизу вверх посмотрел на задыхающуюся искательницу прогноза светлого будущего всего человечества.

- ... - - ... -

- А сейчас сосредоточься на тех, о ком ты спрашиваешь! Поняла? -

Фотинья легко представила боевую подругу Веру, но брата своего мужа, приехавшего из какого-то Джи*, она никак не могла себе представить ... Она знала его всего несколько дней ...

- Но если ты позолотишь мне ручку, а кошечкам - на молочишко, мы отведём от них чёрное несчастье и горькую беду! - пообещала наследница таинственного древне-магического искусства. - Правда, Невермор?!

- Кар-рах! - третий раз подало свой замогильный голос зловещее существо.

- Хорошо! Я подумаю ... - пробормотала Фотинья, сплёвывая, откашливаясь и тяжело дыша как подводник - несмотря на приоткрытое окно, ей всё равно не хватало воздуха. Слишком спёртая была атмосфера. И вообще голова шла кругом ...

Фотинья судорожно подумала: хватит, с неё довольно, духовная мать будущих Чудака и Кошкарковского явно не внушала никакого доверия, в отличие от её крёстных сыновей с лёгкостью завоевавших сердца ровно 200 миллионов её сограждан непосредственно с зомбоящика, не прилагая никаких усилий. И теперь она понимала почему: телевизор не передавал и капельки того воистину непередаваемого аромата, который ей довелось испытать в собственном носе. Вряд ли бы самый знаменитый "психотерапевт" поимел бы такую аудиторию, если бы ...

...Красненькая стремительно переключалась в руки инопланетянки, чтобы навсегда исчезнуть в ненасытных и бездонных космических просторах.

"Ты, зря это - зря! Очень ты нетерпеливая ... Слушай, хочешь - чтобы денюжки в доме завелись?! Я тебе совет дам!" - цыганка не отпускала пустой рукав.

- Ну!

- Дай ещё десятку!

- Нет, - Фотинья сделала попытку отцепить рукав из лап наглой вонючки.

- Ну хоть пятёрку!

- Да отпустите меня! Что это такое, в конце концов! У меня брат - охранник!...

С тяжёлым чувством на сердце, но с удовольствием вдыхая загазованный автотранспортом и ближайшей котельной воздух, показавшийся ей в тот момент упоительно свежим, Фотинья вышла из подъезда, глянула - две доски на пеньках была пусты, три развеселых старушки куда-то умотали за хлебом насущным... Сначала она подумала, как расскажет всё это Вере, но потом, представив её брезгливость и впечатлительность, вплоть до рвоты - передумала.

Ещё несколько шагов, и она очутилась в окружении трёх породисто обшарпанных чёрных котиков... Те ли самые это кошки или какие-то новые? - понять было невозможно.

...Перед этим подъёмом к гадалке Фотинья села на троллейбус №13 и доехала до остановки Большой Чудов Тупик имени Членов Совнаркома. Походя к подъезду, она неожиданно очутилась в окружении трёх ободранных чёрных котиков. Это её так немножко неприятно поразило, и она приостановилась ... Ей и хотелось, и кололось, и бабушка старенькая, православная, не поощряла эта - более того, ругалась и грозила небесными карами. И всё же Фотинья сделала шаг навстречу, потом остановилась и сделала два шага назад: повернулась к приподъездной скамейке где дружененько восседало аж три наидостовернейших источника любой информации, начиная от политических интриг внутри Кремлёвской ограды и кончая содержанием напротив стоящих мусорных баков - три всегда открытых бесплатных ресторана для ворон, бродячих собак и помойных котиков под открытым небом... И ещё кого?

- Здравствуйте, бабулечки! А где здесь живёт Сидорова? - Фотинья наперёд знала адрес квартиры, но в силу осторожности и некоторой необычности предпринимаемой ею авантюры, решила подстраховаться и перепроверить. Для этой же цели она натянула на нос большие чёрные очки - приём, почерпнутый из какого-то фильма то ли про американского шпиона, то ли про советского разведчика под именем ...

- Сидорова? Такой мы не знаем ... - дружным хором ответили бабушки-старушки, прикрывшиеся на каком-то подобии скамейки. - Мы тут всех знаем, но такой у нас нет и не было никогда ...

Это несколько насторожило Фотинью: если уж самый надёжный из всех надёжных источников во всём мире не знает, значит, дело пахнет керосином. Если бы только керосином: истинно сказано - никто не знает, что его ожидает.

Старушки в тёмных платочках с большим интересом с головы до ног рассматривали модно и элегантно одетую молодую женщину в чёрных очках.

- Да-а-а? - Разочарованно протянула Фотинья. - А мне сказали, что она живёт в этом подъезде - она ткнула пальцем в полуразвалившуюся дверь, около которой восседали три аспидных кошки.

- А-а-а - обрадовалась бабка подогадливей. - Так вы к гадалке-то - полуутвердительно, полувопросительно

- Ну-е-у - замялась молодая женщина, поражённая как легко сарафанное радио вычислило её всемирно-историческую миссию.

--Эту-то! Гадалку-то ... Колдунью-то ... Эту мы знаем, прости Господи!... - все они как-то странно заулыбались.

- Чего вы смеётесь? - заинтересовалась Фотинья.

А самая крайняя и самая морщинистая - то ли Аграфена Поликарповна, то ли Поликарпа Аграфеновна - отвернулась зажала рот - ну совсем как дитя из детского сада "Петушки", штаны на лямках - и прыснула! -

- Колдунья Пердунья! - с небывалым восторгом выжившей из ума воскликнула она куда-то в сторону...

После этого все три бабули не выдержали, дружно и громко расхохотались как зрители на концерте Райкина ...

Поднимаясь по лестнице до пятого этажа (лифт в доме не предусмотрен), всё продолжала - усмехаясь этой ценнейшей информации - пока не очутилась перед массивной железной дверью с огромным количеством заклёпок, напоминавшей вход в люк космического корабля с фиолетовой планеты Тау Ёпсилон.

* * *

После неудачей закончившегося сеанса у экстрасенса=ясновидящей, стоя на остановке автобуса №13, Фотинья пошла в обратку: "А может, действительно, зря я так? Может, надо было вытерпеть до конца?". В ушах прозвучал голос давней знакомой по Бюро учёта и инвентаризации жилплощади: "Она, конечно, баба чудная, со странностями и придурью, зато гадает удивительно точно! Одна из самых сильнейших практикующих специалистов высшей категории. Всё, что ни говорит - сбывается! Ты не поверишь ...". - ... - - ... -

Фотинья в большой задумчивости еще раз оглянулась на обшарпанный пятиэтажный дом, из которого только что практически сбежала в отдышке и задышке, и когда переводила взор неожиданно обнаружила: на неподалёку вытянувшимся вдоль железобетонном заборе кто-то написал - хулиганье несчастное! -

Слава Колдунье Пердунье!!!,

да ещё громадными печатными буквами.

Реклама - лучше не придумашь. Сам Сергей Мавроди отдыхает.

- Если ты не веришь в него, зачем пришла? - вспомнилось ей ...

Автобус №13 как всегда запаздывал, но Большой Тупик жил своей напряжённой до-

перестроенной -такой трудовой и такой тупиковой - жизнью; жёлтая цистерна молоковоза никак не могла дотащить утренний коровий продукт на молокозавод; длинная фура везла готовые стены с пустыми оконными проёмами для перевыполнения жилищной программы; таксист привёз заблудившегося визитёра с чёрным зонтиком с курского Вокзала, который расплатившись с командиром десяткой, спрашивал у народа на остановке Большой Чудов Тупик имени Членов Совнаркома:

- Как пройти на Красную площадь! ...

Август в столице выдался сухим и тёплым, и белоснежные облака резали глаза и были в тот год непривычно высоки, синее небо - ещё более далёкое чем облака - теряло свою первозданную синеву и расплывалось в дымке, предвещая жаркий денёк ...

... Кто-то ласково и мягко пощекотал глубоко задумавшуюся Фотинью по нежной пушистой шейке, аккуратно там, где мочка уха нависала над углом челюсти. Она резко обернулась и замахнувшись, чтобы дать хулигану по морде, - приём хорошо разученный и отработанный еще со школьной парты - но сзади никого не было. Фотиния инстинктивно глянула на небо - но и там -никого кроме кучевых облаков, готовившихся пролить живительную влагу. Пусто! Она потёрла себя по щекоченному месту - странно. Очень СТРАННО, НО НИКОГО вокруг неё НЕТ!. Может какие-то насекомые перекечевали к ней от Колдуньи Пердуньи - какие-нибудь блохи - вот ещё чего не хватало ... Мурашки животного страха пробежали по спине ...

Какая-то неведомая и нечистая сила именно в этот момент резко и грубо снова потянула её назад; она поймала себя на том, что, надышавшись относительно свежего воздуха, ей мучительно захотелось в подробностях и деталях узнать, какое там действительно ЧЁРНОЕ НЕСЧАСТЬЕ корячится впереди ... она отвернулась от улицы, от подходившего замызганного автобуса и сделала первый пробный и неуверенный шаг назад - к ведьме, к нечистой силе ...

* * *

Евгения выжатая как губка побрела на кухню, где она слабой рукой достала дореволюционный лафтинчик и налила себе грамм этак сто пятьдесят прямо в кружку. По-мужски хрюкнув, опрокинула жгучую жидкость к себе в глотку. Потом прислушалась к своему организму. в желудке появился горячий комок и в животе блаженно заурчало.

Встречи с подобными клиентами и клиентками, которых ей не удавалось психологически поработить, всегда оканчивались для Евгении каким-то подобием нервного срыва. Вот и сейчас она ощущала внутри себя ужасную духовную пустоту и бессмысленность своей жизни. Опустившись на свой допотопный тарантас, ржавые пружины которого жалобно взвизгнули, она плюнула на подошедшего поластиться чёрного кастрированного кота и злобно его оттолкнула от себя:

- У, дьявольское отродье!

После этого злобного поступка ей стало немного полегче.

Трудно сказать, верила ли она сама в свою супермагическую и супрематическую силу; если шли клиентки размягчённые как воск бедами и несчастьями, с расплавленной психикой, то она чувствовала прилив какой-то очень важной силы и всё более убеждалась в правоте своего неправого дела, чистоте нечистого занятия ... Но не так всё было гладко, было иногда и гадко, как например сегодня: попался крепкий орешек.

- Нет, это не работа ... - произнесла Евгения вслух и подумала, что

ТАК ДАЛЬШЕ ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ!

Надо срочно что-то делать - хотя бы как у Бабки Ванги. Вот мудрая действительно старуха! Надо хотя бы предбанничек организовать, посадить туда секретутку (или секретута), этот наймит будет как бы невзначай выведывать секреты клиенток, вынюхивать ихние вонючие тайны, а самое главное - тестировать на внушаемость ... И тогда будет хоть какая-нибудь гарантия от нервных срывов, а то ведь так и депрессуха может задавить, если пойдёт косяком клиент с железобетонной совестью!

Но , с другой стороны, секретутка - это тебе не чёрная кошка; ей надо деньги платить! Да и профессионалку найти - это не два пальца об асфальт ... Пристроить предбанничек, оторвав кусок лестничной клетки вполне возможно, но опять же это надо провести сквозь Жилстрой инспекцию, - а это деньги, будь они неладны! И опять же -

ТАК ДАЛЬШЕ ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ!

Евгения сидела и вздыхала, всё боле и более погружаясь в очень мрачные размышления, как вдруг резкая трель дверного звонка заставила её вздрогнуть....

(Продолжение не следует)

INTERMEDIA

В интернете в кои века попался очень интересный материал. Звучит немного по-детски, но ведь не зря – говорят, что всё гениальное просто... Говорят... Говорят, что кур доят.

Маленькая и миленькая, такая изящная вещица, которая томов премногих тяжелей. По сути дела, это компендиум тех основных языковых правил (приёмов) – так и хочется написать: изобразительно-выразительных средств нашего языка? – которые почему-то в первую очередь попадают под колёса большинства представителей народного словесного творчества, которые именуют друг друга ласково – графоманами и бездарностями. И очень любят ездить не по приказам Гавнокомандующего нашего языка Дитмара Эльяшевича Розенталя, а по речевому бездорожью... В большинстве случаев этот материал адресован тем, кто делает первые шаги на поприще словесности...

И всё бы то было ничего, если бы материал не распространялся по интернету – АНОНИМНО. А таковое – я считаю...!

Более того, я даже уверен – это глубоко неправильно!

Поэтому публикуя этот материал, я хочу обратиться:

— Ау! Автор отзовись!

Ну а вдруг отзовется не настоящий автор, а некий злоумышленник, который захочет присвоить лавры популярности?

В том тексте, который у меня есть в наличии, имеется аж 100 аксиом нашего замечательного великого и могучего языка. Я выкладываю только 98 этих правил. 99-е и сотое я предусмотрительно зажал. Они будут лакмусовой бумажкой для определения авторства: тот, кто пришлёт их мне, тот и будет признан настоящим автором этого бесспорного шедевра! Итак, встречайте:

СЛИШКОМ ЛИШНЕЕ ИЗЛИШЕСТВО

или 100 АКСИОМ НАШЕГО ВЕЛИКОГО И МОГУЧЕГО

1. Подлежащее, оно не нуждается в уточнении местоимением.
2. Помните о том, что в большинстве случаев связку «о том» (? — **—моё, Пётр Маркевич**) можно безболезненно вычеркнуть. (С каких это пор «о том» стала связкой? — **моё, Пётр Маркевич**)
3. Кое-кто стали постоянно забывать правила согласования главных членов предложения.
4. Если хотите использовать глагол «хотеть», то спрягать его нужно правильно, а не как того захотит автор шедевра.
5. Чтобы читатель не был сильно страдаем, Страдательный залог обычно должен быть избегаем или заменяем действительным.
6. Не забывайте про букву «ё», иначе не различить падеж и падеж, небо и небо, осел и осел, совершенный и совершенный, все и все – даже по контексту.
7. Кто не чёкнутый и не из чящы вышел, правильно пишет гласные после шипящих.
8. Небезинтересно было бы взимать штраф с безолаберных за неверное написание гласных после приставок.
9. Кто не знает, в каких словах пишется буква э, тот в нашем языке ни бэ, ни мэ, ни кукарэку.
10. Блестните неповерхносным чувством юмора при написании непроизносимых согласных.
11. Надо придти к пониманию, что пишется только «прийти». Иначе читатель не придёт на ваши странички.
12. В будущем мы прийдём к тому, что в текстах будет участвовать всё меньшее колличество лишних букв, и это улучшит их качество.
13. Где пишутся сдвоенные согласные, а где они обосновано не сдвоенны — проблема не количественная, а качественная.
14. И не пытайтесь не избегать двойных отрицаний.
15. Не сталкивайте два «не» подряд, если это не необходимо.
16. У слова «нет» нету форм изменения.
17. Коллеги обращения надо как-то выделять.
18. В репликах описаниях повествованиях ставьте запятые при перечислении.
19. Которые являются придаточными предложениями, составлять надо правильно.
20. Без пол-литровки пол России не поймёт как пишутся сложные имена-существительные.
21. Я хочу отметить, что менять лицо, от имени которого мы ведём повествование, как ты правильно думаешь, автор этих строк не рекомендует.
22. Заканчивать предложение местоимением – дурной стиль, не для этого оно.
23. Тех, кто заканчивает предложение предлогом, посылайте на. Не грубости ради, но разрядки в целях и смеха для.
24. Не сокращ. Р-ва ль!
25. Проверяйте в тексте пропущенных и повторяющихся слов в тексте.
26. Что касается незаконченных предложений...
27. Если неполные конструкции, – плохо.
28. Правило гласит, «что косвенная речь в кавычки не берётся».
29. Авторы!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Одного восклицательного знака вполне достаточно!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
30. НИКОГДА не выделяйте слова. Человек, читающий Текст свыделениями, чувствует, что его собственному пониманию смысла н е д о в е р я ю т и держат за **тупого**, тогда как он по умолчанию — оСтРый. (сейчас к этому можно вполне приплюсовать повальное увлечение смайликами — **— моё, Пётр Маркевич**)

Номер Яндекс-кошелька: **410011510680498**. Любое добровольное пожертвование будет принято с благодарностью. Сайт: <http://www.yarikm.ru> E-mail: info@yarikm.ru Экземпляр №12274-YA

31. Используйте параллельные конструкции не только для уточнения, но и для прояснения.
32. Правильнее по архагическому славору написание слов, асобено икзатических.
33. Числительные от 1 до 10-ти включительно лучше писать прописью. 0 — тем более.
34. Склонять числительные можно ста двадцать пятью способами, но только один из них правильный.
35. Задействуйте слова в их предназначении, истинно отвечающем осмысленности их истолкования, сверившись хотя бы по словарю Ожегова.
36. Неделите не делимое и не соединяйте разно-родное, а кое что пишете через дефис.
37. Метафора в прозе – как кость в горле читателя, и лучше её выколоть, прежде чем она выколет ему глаз.
38. Штампы не должны иметь место быть на страницах ваших произведений!
39. Частые сравнения в прозе настолько же нехороши, как и канцелярские штампы при объяснении в любви.
40. Вычурная аналогия в тексте – это шуба, заправленная в трусы.
41. Сдержанность изложения – всегда абсолютно самый лучший способ подачи совершенно потрясающих супер-идей.
42. Преувеличение в тысячу миллиардов раз хуже преуменьшения.
43. Не применяйте длинные слова там, где можно применить непродолжительно произносящиеся.
44. Сюсюканье – фу, бяка. Оставьте его лялечкам, а не большим дяденькам и тетенькам.
45. Будьте более или менее относительно конкретны.
46. Как учил великий Эмерсон: «Не цитируйте». Лучше следуйте совету гениального Патиссона: «Сообщайте только собственные мысли».
47. Кому нужны эти риторические вопросы?
48. Слов порядок речи гением не делает? Бездарностью сделать может но!
49. Вотще уповать на архаизмы, дабы в грамоте споспешествовать уразумению оной, ибо язык наш зело переменам дондесь подвластен.
50. Сознательно и старательно сопротивляйся соблазну сохранить созвучие содержанию вопреки.
51. Нечаянно возникший стих убьёт восторг читателей твоих.
52. Стих, где рифма на глаголах строится, самым первым на помойку скроется.
53. По понятиям усекай насчёт своего базара с читателем: хочешь неслабый кипеш ему устроить, – завязывай в натуре с жаргоном.
54. В ж. табуизмы. Выжимай из себя эвфемизмы.
55. Это тебе, автор, (нельзя прерывать повествование в неожиданном месте) понятно о чём пойдёт — они тоже люди! — дальше речь, но пожалей читателей своих, не вынуждай перечитывать одно и то же по несколько раз.
56. Уточнения в скобках (хоть и существенные) бывают (обычно) излишними (ненужными).
57. Если хочешь быть правильно понятым, не используй foreign language и варваризмы. Ферштейн, силь ву пле, лингвист?
58. Ради репрезентативности будь креативным промоутером исконно-русских синонимов в своих бестселлерах для достижения топовых позиций в рейтинге читательских предпочтений.
59. Позаботься о благозвучии фразы, у тебя ж опыта больше.
60. Книгачей, чясто безо-всякех правил, и учонности, чюствуид что з грамотностью у афтора чтото нетак.
61. У строгой завучи все знают правила склонения имён существительных общего рода и исключения из них.
62. Проверяйте род обеих существительных для корректного написания собирательных местоимений в обоих формах.
63. Иногда, если прямое дополнение не заменит страдательный залог, читатель тем более ничего не поймёт.
64. Милостевые судари и сударыни, стыдно не знать исключения из правил написания гласных в суффиксах.
65. Молодёж, кто не дремучь, род существительного и краткость прилагательного — ключь к пониманию, где писать мягкий знак после шипящей в конце слова.
66. Мягкий знак в неопределённой форме глагола должен писатся по наличию его в вопросе к глаголу, что иногда забывается.
67. Если ужь невтерпёжь похвастать знанием правописания мягкого знака в конце наречий после шипящих, изучите исключения.
68. Ещо не во всех наречиях после шипящих под ударением пишется «о».
69. Не редко не сдобровать тому, кто ниразу правильно ни напишет «не» и «ни» с глаголами и наречиями.
70. Не гоже безразбору впику правилам валить в месте и внавал правописание наречий и выражений, на них похожих.
71. Нехудший вариант — запомнить не исчислимый список прилагательных, имеющих один не изменный вариант написания с «не».
72. В вопросительных предложениях, где отрицание логически подчеркивается, «не» пишется отдельно, неправда ли? Или это не правда?
73. Применяя деепричастный оборот всегда выделяйте его запятыми.
74. Играючи, отличают знатоки деепричастный оборот от наречия, в которое он перешёл.
75. Причастный оборот стоящий после определяемого слова выделяется запятыми.
76. Стоящий до определяемого слова, причастный оборот не выделяется запятыми.
77. Оторванный от определяемого слова выделяется запятыми причастный оборот.
78. Применяя неоднородное, сочетающееся с причастным оборотом, определение, после оборота запятую не ставьте.
79. Всё, объединённое обобщающими словами, разделяйте запятыми: однородные определения и неоднородные.
80. Как обособленное приложение, этот оборот, присоединяемый союзом «как», не выделяется запятой.
81. Кстати вводные слова конечно же выделяйте запятыми.
82. Притом, некоторые слова, которые, буквально, очень похожи на вводные, никогда, как раз, не выделяйте запятыми.

83. Ох, они, грамотеи, разделяющие запятой цельные сочетания междометия!
84. Над правильной пунктуацией во фразеологизмах нам всем ещё работать, не покладая рук.
85. Ставьте правильные чёрточки-тире длинное, с пробелами, а дефис чуть — чуть покороче, без пробелов.
86. Следует в течении одной секунды определяться в отношении отличия предлога от существительного.
87. Часты ошибки от того, что не понятно: нето это союз, нето предлог с местоимением.
88. Не стройте загадок посредством многоточия в конце исчерпывающего предложения... Читатель всё равно ваш опус не полюбит...
89. Корректор скажет нам своё «извините» и уберёт кавычки со скрытой цитаты.
90. Ответ отрицательный на вопрос, ставится ли вопросительный знак в предложении с вопросительной косвенной речью?
91. Никакой самовлюблённый Банк, его Президент и Председатель Совета Директоров не пишутся с заглавной буквы.
92. Только издательство Русский Язык всегда правильно выделяет названия кавычками, а не заглавными буквами.
93. Всёж-таки хорошобы изучить раздельное и дефисное написание частиц.
94. Тире — не загадка сфинкса. Оно изученное, объяснённое, расписанное. Применяйте правильно.
95. Удобочитаемость нарушается порой пишушим неправильным выбором формы дополнения. ((*Не понял юмору!— моё, Пётр Маркевич*))
96. По нашему глубокому убеждению, мы твёрдо полагаем, что никому неизвестный гений, когда он с точки зрения вечности пишет свой высокохудожественный текст, определённо не должен приобретать такую широко распространённую и дурную привычку, заключающуюся в том, чтобы использовать чересчур много ненужных слов, которые в действительности совершенно не являются абсолютно необходимыми для того, чтобы полноценно и эффективно выразить его убогую мысль.
97. Повторно повторять, что все повторяющиеся однокоренные и однокорневые слова — это тавтология, — это слишком лишнее излишество.
98. Когда у журналистов самолёт взлетел на воздух, примчались кареты скорой помощи и все ищут чёрный ящик, надо понимать, что самолёта больше нет в живых, полицейские машины сигнализируют сиренами во всю ивановскую, и разыскивается оранжевый шар, — то у читателей этого текста не только взлетают глаза на лоб, но и отключаются остатки разума.
99. — ... — — ... — — ... — — ... —
100. — ... — — ... — — ... — — ... —

Тадам-м-м!

Еще несколько гипотез об авторе маленького шедевра нашего постмодернизма. Творце, который как и подобает гениям, оказался скромным и остался, к сожалению, неизвестным.

, во-первых, автор явно не из учительских (или тем более филологических!) кругов. Тезаурус ошибок школьника, даже того же студента, всё же несколько иной. Подбор элементарных правил скорее выдаёт корректора, замученного простотой, а точнее — безграмотностью пишущей братии. Работа «граммотеем» в любом издательстве или — что ещё хуже! — в СМИ, где все работники, начиная от уборщицы и кончая главным бухгалтером, являются сугубо креативными натурами, в том числе и в плане написания служебных записок, способна вогнать любого корректора в тоску зелёную. Видимо, в один из таких моментов, чтобы окончательно не рехнуться, и родилось **СЛИШКОМ ЛИШНЕЕ ИЗЛИШЕСТВО**.

, во-вторых, употребление «про» вместо «о (об)», типа знаменитого одесского: «Я не скажу про всю Одессу» и ещё ряд мелочей наводит на мысль, что автор родом всё-так больше с юга, чем с севера или центральных областей нашей многострадальной страны...

Или я не прав?

P.S. Немного солнца в холодной воде. Куда ж без него? Я бы всё-таки рассортировал эти правила по кучкам:

- орфография
- пунктуация
- лексика
- стилистика.

Разобранные по привычным со школы разделам аксиомы, на мой взгляд, воспринимались бы получше. Но! Это уже будет соавторство. А я чту авторское право, как небезызвестный Остап Бендер чтит Уголовный Кодекс.

P.S. Дурной стиль, кстати, заразителен в гораздо большей степени, чем хороший. Коверкать наш могучий и великий гораздо легче (и интересней!), чем соблюдать абсолютно все правила и приказы Гавнокомандующего нашего языка Дитмара Эльяшевича Розенталя.

Но это уже аксиома — моя, личная.